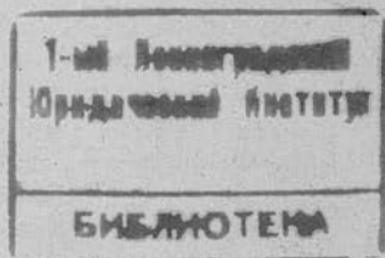

СОВЕТСКОЕ ПРАВО В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЧАСТЬ II

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. — УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Под редакцией И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

МОСКВА — 1948

АВТОРЫ

М. М. Исаев (гл. XII), *Б. С. Утевский* (гл. XIII),
Д. С. Карев, (гл. гл. XIV и XV).

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРАВА**

**I. НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, РАССЧИТАННЫЕ НА
УСЛОВИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Наше уголовное законодательство предусматривало возможность нахождения СССР в состоянии войны. С этим были связаны в Общей части две нормы.

Во-первых, постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г. были дополнены ст. 19², которая в действующей редакции гласит: «Приговор, присуждающий в военное время военнотружущего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий, с тем что осужденный направляется в Действующую армию. В отношении указанных военнотружущих, проявивших себя в составе Действующей армии стойкими защитниками Союза ССР, допускается, по ходатайству соответствующего военного начальства, освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты, либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор».

Ст. 19² Основных начал воспроизведена в примечании 2 к ст. 28 УК.¹

---

¹ Здесь и в дальнейшем при ссылках на УК имеются в виду статьи УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

Эта норма сыграла огромную роль во время Отечественной войны в практике не только военных трибуналов, но и общих судов.

Во-вторых, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 сентября 1930 г., в военное время суд может лишать права на пенсию и пособия за все преступления, предусмотренные Положением о воинских преступлениях (ч. 4 ст. 31 УК). Насколько нам известно, эта норма в условиях Отечественной войны не получила практического значения.

Этими двумя нормами и исчерпываются положения Общей части советского уголовного права, предусматривающие условия военного времени.

Больше такого рода норм содержит Особенная часть советского уголовного права. Обстоятельства военного времени учитывались в ряде случаев или как необходимый элемент состава преступления или как квалифицирующее данный состав обстоятельство. Но если отвлечься от Положения о воинских преступлениях, то число статей Особенной части, предусматривающих условия военного времени, весьма незначительно¹.

---

¹ Сюда относятся: способствование каким бы то ни было образом иностранному государству, находящемуся с СССР в состоянии войны (ст. 58³ УК), контрреволюционная пропаганда или агитация в военной обстановке (ч. 2 ст. 58¹⁰), пропаганда или агитация, направленная к возбуждению национальной вражды в военной обстановке (ч. 2 ст. 59⁷) (после некоторых колебаний в начале войны в практике установилось положение, что под «военной обстановкой» следует понимать совершение преступления в военное время вообще), отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или выполнения повинностей (ст. 59⁶), бесхозяйственность (ст. 128), расхищение государственного или общественного имущества путем заключения невыгодных сделок (ст. 129), расточение арендатором предоставленного ему имущества (ст. 130), неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным предприятием или учреждением (ст. 131), — поскольку эти преступления совершены в боевой обстановке или связаны с поставками предметов снабжения Советской Армии и Военно-Морского Флота и могут отразиться на их боеспособности. Следует отметить, что составы, предусмотренные ст. ст. 129 и 130, отражают прошедший период социалистического строительства и потеряли свое практическое значение задолго до Отечественной войны.

Несравненно больше норм, предусматривающих военное время, находится в Положении о воинских преступлениях, что вполне понятно¹.

Закон 8 июня 1934 г. об ответственности за измену Родине не устанавливает в самой санкции усиления наказания в случае совершения преступления в военное время. О «переходе на сторону врага» хотя и говорится в законе, но это действие указывается в виде примера наряду со шпионажем, выдачей военной или государственной тайны, бегством и перелетом за границу, которые могут быть совершены и в мирное время. Но издание закона 8 июня 1934 г. имело огромное воспитательное значение. Сталинская Конституция в свою очередь провозгласила, что защита Родины является священным долгом каждого гражданина СССР и что измена Родине рассматривается как самое тяжкое злодеяние.

Окруженный агрессорами, Союз ССР предвидел возможность нападения на него и тем самым состояния в войне. Но наша миролюбивая страна не подготавливала уголовных кодексов, специально рассчитанных для войн, которых она не замышляла. Проф. А. Н. Трайнин совершенно правильно подчеркивает, что гитлеровская

---

¹ Из 31 статьи 22 имеют в виду условия военного времени. Некоторые составы рассчитаны на действие исключительно в условиях военного времени, например, сдача неприятелю начальником вверенных ему сил (ст. 20), самовольное отступление начальника от данного ему для боя распоряжения (ст. 21), самовольное оставление поля сражения (ст. 22), переписка во время войны с лицами, принадлежащими к составу неприятельской армии (ст. 26), похищение на поле сражения вещей, находящихся на убитых и раненых (мародерство — ст. 27), преступное обращение с населением в районе военных действий (ст. 28), дурное обращение с пленными (ст. 29), нарушение международных соглашений, касающихся знаков Красного креста (ст. ст. 30, 31). При классификации воинских преступлений советская теория выделяет именно эти составы в особую группу — «Воинские преступления военного времени».

В качестве отягчающего вину обстоятельства совершение воинского преступления в условиях военного времени предусматривается при неповиновении (ст. 2), оказании сопротивления (ст. 3), принуждении (ст. 4), самовольной отлучке, дезертирстве или неявке в срок (ст. ст. 7, 8, 9, 10), уклонении от призыва по мобилизации (ст. 10-а), членовредительстве (ст. 12), промотании и повреждении военного имущества (ст. 14), нарушении уставных правил караульной и внутренней службы (ст. ст. 15, 16), злоупотреблении властью, превышении власти и бездействии власти (ст. 17).

Германия под прикрытием мирных деклараций и договоров деятельно готовилась к войне и в области уголовного права. Задолго до войны в Германии был издан ряд законов, регулирующих уголовную юстицию в условиях военного времени. Таковы закон об особом уголовном праве в военное время (Kriegsstrafrechtsverordnung) и закон о судеустройстве и судопроизводстве в военных судах в условиях военного времени (Kriegsstrafverfahungsordnung). «Чрезвычайно характерно, — пишет автор, — что оба эти закона были изданы 17 августа 1938 г., но опубликованы лишь через год — 26 августа 1939 г. Как снаряды и пушки, гитлеровские законы готовились и прятались до момента открытой агрессии»¹.

Немногочисленность у нас норм Общей части, предусматривающих условия военного времени, и немногочисленность таких же норм, изданных во время войны (можно отметить только два Указа: от 27 февраля 1942 г. — «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» и от 26 февраля 1943 г. — «О признании не имеющими судимости военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками Родины и освобожденных судом от наказания»), объясняется тем, что основные положения советского уголовного права продолжали сохранять свою силу и в условиях военного времени. Так, в полной мере сохранил свою силу принцип индивидуальной вины и ответственности, уничтоженный германскими фашистами. Вина предполагает вменяемость, и наличие последней явилось непреложным требованием для наших судов, в том числе и для военных трибуналов и в условиях военного времени².

Не изменялись в условиях войны такие основные понятия, как соучастие — умышленное совместное участие нескольких лиц в совершении умышленного преступле-

¹ А. Н. Трайнин, Уголовная ответственность гитлеровцев, под редакцией акад. А. Я. Вышинского, Юриздат, 1944, стр. 44.

² Обобщение судебно-психиатрической экспертизы по делам о воинских преступлениях дано проф. Бунеевым в статье «Основные принципы военной судебно-психиатрической экспертизы» («Проблемы судебной психиатрии», сборник четвертый, изд. Научно-исследовательского института судебной психиатрии имени проф. Сербского, Москва, 1944).

ния. Сохранился принцип ответственности соучастников в зависимости от степени виновности каждого из них. Не изменились понятия приготовления и покушения и правила ответственности за них. Теми же остались понятия необходимой обороны, крайней необходимости и т. п.

Одинаковыми оставались в условиях войны и общие цели наказания — борьба с посягательствами на советское государство и установленный в нем правопорядок.

Вместе с тем состояние войны являлось обстоятельством чрезвычайной важности, влиявшим на применение ряда положений Общей части в условиях военного времени.

II. ЗНАЧЕНИЕ ПРОЧНОСТИ СОВЕТСКОГО СТРОЯ И ТЫЛА ДЛЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Прошли безвозвратно те времена, когда интервенты и агрессоры в борьбе с молодым социалистическим государством могли рассчитывать на поддержку внутренней контрреволюции. «Пятая колонна» у нас была разгромлена задолго до вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу Родину. Указывая 6 ноября 1941 г. на причины провала молниеносной войны, товарищ Сталин сказал, что немцы рассчитывали «... на непрочность советского строя, непрочность советского тыла, полагая, что... пойдут восстания и страна распадется на составные части... Но немцы и здесь жестоко просчитались... Никогда еще советский тыл не был так прочен, как теперь. Вполне вероятно, что любое другое государство, имея такие потери территории, какие мы имеем теперь, не выдержало бы испытания и пришлось бы в упадок. Если советский строй так легко выдержал испытание и еще больше укрепил свой тыл, то это значит, что советский строй является теперь наиболее прочным строем»¹.

Бывший у нас несколько лет посланником США Джозеф Дэвис в своей книге, посвященной его миссии в СССР, отмечает, что в октябре 1941 г. ему на митингах задавали вопрос: «А как обстоит дело в России

---

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 20—21.

с пятой колонной?» На это он отвечал: «Там нет никакой пятой колонны, входившие в нее расстреляны». Дэвис подчеркивает, что в России не было так называемой внутренней агрессии, которая сотрудничала бы с германским главным командованием. «Марш Гитлера на Прагу сопровождался активной военной помощью со стороны гейнлейновских организаций в Чехословакии, внутренней агрессией сопровождалось и вторжение в Норвегию. В России же не было ни судетского Гейнлейна, ни словака Тисса, ни бельгийца де-Греля, ни норвежца Квислинга»¹.

Франция была разбита весной 1940 г. в несколько недель благодаря тому, что тыл ее был непрочен, что в правительстве и в высшем военном командовании находились фашистские и профашистские элементы, что представители пятой колонны в течение нескольких лет безнаказанно хозяйничали в стране².

Прочность советского строя, прочность советского тыла явились фактором чрезвычайной важности и в области уголовного права. В такой стране значительно облегчается борьба с дезорганизаторами тыла, она может вестись с помощью значительно меньших карательных средств, чем это возможно в иных условиях. Это сказалось на первом же Указе, изданном в день нападения на нас Германии, — на Указе о военном положении 22 июня 1941 г.

Правильная оценка этого Указа требует сопоставления его с актами власти, регулировавшими до того военное положение.

Введение военного положения предусматривалось еще декретом ВЦИК и СТО от 4 сентября 1920 г. «О местностях, объявленных на военном положении». Согласно этому декрету, военное положение объявлялось в случаях: а) возникновения и развития в отдельных местностях событий, создающих явную угрозу завоеваниям революции; б) чрезвычайных народных бедствий, могущих повлечь за собой дезорганизацию общественного порядка в связи с контрреволюционными

¹ Joseph E. Davies, Mission to Moscow, New-York, 1941, p. 273.

² Чрезвычайно ярко изображен в романе И. Эренбурга «Падение Парижа» (1942 г.) подготовлявшийся во Франции за несколько лет до войны развал тыла.

выступлениями; в) необходимости применения исключительных мер для обеспечения страны от натиска внешней контрреволюции.

В первой фазе развития Советского государства двумя основными его функциями являлись, как известно, подавление свергнутых классов внутри страны и оборона страны от нападения извне. В годы гражданской войны внутренняя контрреволюция переплеталась с иностранной интервенцией, и поэтому вполне правильно декрет 1920 г. говорил о внутренней и внешней контрреволюции.

В отмену декрета 1920 г. 3 июня 1925 г. было издано «Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка». В качестве этих мер предусматривались исключительное и военное положение. Исключительное положение вводилось в случаях контрреволюционных посягательств или выступлений против рабоче-крестьянской власти и отдельных ее представителей или серьезной опасности таких посягательств и выступлений, в случаях, когда нормальная жизнь нарушена чрезвычайными стихийными бедствиями, и как мера переходная к нормальному порядку в местностях, бывших на военном положении. Военное положение вводилось в случаях, указанных выше, когда меры исключительного положения оказывались недостаточными для охраны или восстановления революционного порядка или когда данная местность становилась театром военных действий или получала для военных целей особо важное значение.

Основания введения чрезвычайных мер и по Положению 1925 г. являются характерными для первой фазы развития социалистического государства. Как и по декрету 1920 г., введение чрезвычайных мер по Положению 1925 г. было в значительной мере децентрализовано.

Во второй фазе развития социалистического государства функция военного подавления внутри страны отмерла, но полностью сохранилась функция военной защиты от нападения извне. Указ о военном положении от 2 июня 1941 г. и характеризуется чертами, свойственными именно этой фазе развития Советского государства.

Возможность введения военного положения предусматривается самой Конституцией 1936 г. (Союзная

Конституция 1924 г. не говорила об этом.) Введение военного положения предоставляется по Конституции Президиуму Верховного Совета СССР в отдельных местностях СССР или по всему СССР в интересах обороны или обеспечения общественного порядка и государственной безопасности.

Указ 22 июня 1941 г. подробно регламентирует, в отличие от прежних положений, правовой режим в местностях, объявленных на военном положении. Анализ прав и полномочий, предоставляемых военным властям, показывает, что Указ 1941 г. в первую голову служит задачам обороны, задачам усиления обороноспособности нашей Родины.

Как будет показано ниже (см. гл. XV), Указ о военном положении расширял сферу подсудности военных трибуналов, действующих на основании «Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении», от 22 июня 1941 г. На рассмотрение этих трибуналов передавались все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности.

Не вся территория СССР была объявлена на военном положении 22 июня 1941 г. Военное положение было объявлено в прифронтовой полосе, но в условиях современной войны (воздушные налеты) фронт значительно приблизился к тылу. Во всяком случае, большая часть РСФСР — Заволжские области, Сибирь, Дальневосточный край, а также Закавказье, Среднеазиатские республики за все время войны не объявлялись на военном положении, и на этой территории органы юстиции оставались те же и с той же подсудностью на протяжении всех лет войны.

В дни, когда немецко-фашистские орды надвигались на Москву, постановлением Государственного Комитета Обороны 19 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение «в целях тылового, — как говорилось в постановлении, — обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма»¹. Постановление,

¹ «Известия» от 21 октября 1941 г.

в частности, предписывало привлекать нарушителей порядка немедленно к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

В. А. Власов в статье «Сущность и значение осадного положения»¹ напоминает в качестве исторической параллели предоставление в условиях гражданской войны Всесоюзной Чрезвычайной Комиссии при наличии вооруженных выступлений (контрреволюционных, бандитских и т. п.), для пресечения последних, права непосредственной расправы вплоть до расстрела на месте. Такой параллели, по нашему мнению, проводить нельзя. В условиях гражданской войны речь шла о военном подавлении сопротивления враждебных классов. В условиях же Отечественной войны борьба должна была вестись с отдельными дезорганизаторами тыла, с отдельными агентами фашизма. Фактически к расстрелу на месте не потребовалось прибегать — достаточно было немедленно (т. е. не дожидаясь 24 часов после вручения обвинительного заключения) передавать дела в Военный трибунал².

III. ПРОБЛЕМЫ УЧЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

1. Моральная оценка преступления

Влияние военного времени должно быть прежде всего учтено в общем учении о преступлении. Наше право определяет преступление как действие или бездействие, направленное против советского строя или установленного

¹ «Социалистическая законность», 1941, №№ 9—10.

² В передовой № 7 «Социалистической законности» за 1942 г. — «Военные трибуналы в условиях Великой Отечественной войны» — говорится, что, выполняя указание Комитета Государственной Обороны, Военный трибунал Московского военного округа рассмотрел ряд дел о работе фашистской агентуры. В частности, было рассмотрено дело грабителей Абдурахманова, Славского, Лавягина и др. Грабители, воспользовавшись происходящей в это время эвакуацией из Москвы женщин, детей и стариков, на глазах у прохожих, спешивших на работу, набросились на несколько грузовых машин с личными вещами эвакуируемых, растаскивали эти вещи и избивали женщин, защищавших свое имущество. Благодаря подоспевшим нарядам милиции и с помощью граждан эта дикая сцена была прекращена. Пять из задержанных громил и подстрекателей были расстреляны, остальные приговорены к длительным срокам лишения свободы.

в нем правопорядка (ст. 6 УК). Это определение сохраняет свою силу и в условиях военного времени. Для целого ряда преступлений совершение их во время войны составляет действие или бездействие, в той или иной мере вредное или опасное для дела обороны, мешающее организации разгрома врага. И это влечет особо строгое моральное осуждение.

Одним из важных признаков наказания является присущий ему момент осуждения от имени государства преступления и преступника. При отсутствии у нас классов, интересы которых были бы противоречивы, осуждение со стороны государства является и осуждением со стороны всего народа. Народное, общественное осуждение усиливает эффективность государственного осуждения. Наивысшей степени морального осуждения заслуживает измена Родине. Преступление, позорное и в мирное время, в условиях Отечественной войны не могло не вызвать чувства крайнего возмущения, негодования и презрения, в частности, если изменники являлись пособниками фашистов в их зверствах и насилиях над населением и военнопленными. Вполне основательно поэтому Указ 19 апреля 1943 г. установил для фашистов и их пособников смертную казнь через повешение. Указ предусматривал наряду со смертной казнью и такое наказание, как ссылка в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Моральное осуждение оказывается здесь в самом позорном обряде казни, в заклеивании преступника именем каторжника.

Преступления и другого рода встречали во время Отечественной войны глубокое моральное осуждение. Дезертиры имели дело не только с патрулями комендатуры. Нередко были случаи, когда родственники побуждали виновных являться с повинной или сами сообщали о них властям.

Общественное негодование вызывали кражи с использованием условий военного времени. Если кража по общему правилу вызывается корыстными мотивами, которые справедливо клеймятся нашим правом как низменные, то кража, где вор использовал обстановку военного времени, свидетельствует о попирании виновным самых элементарных требований социалистического общежития. В то время, когда для спасения Родины

миллионы бойцов самоотверженно дрались на фронте, когда трудящиеся в тылу с удесятеренной энергией работали на оборону страны, вор запускать свою грязную лапу в безохранное имущество советских граждан. Надо обладать исключительно низкой душонкой, чтобы в то время, когда вражеская авиация пытается прорваться к населенному пункту и часть граждан остается на постах противовоздушной обороны, а другие находятся в убежищах, красть имущество у своих сограждан. Подло вели себя и те, кто обворовывал квартиры эвакуированных, раскапывал и похищал запрятанное в ямах имущество бежавших от немцев жителей городов и сел или крал последние крохи в пути у эвакуированных.

Полное сочувствие советской общественности вызвало поэтому постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г., в котором указывалось, что такого рода кражи должны квалифицироваться как кражи, совершенные во время общественного бедствия — по пункту «г» ст. 162 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Более же тяжкие кражи такого рода, а именно, совершенные неоднократно, или группой лиц, или рецидивистами, или при иных особо отягчающих обстоятельствах, должны квалифицироваться по аналогии с бандитизмом по ст. 59³ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Как известно, в условиях военного времени огромное народнохозяйственное значение получила организация коллективных и индивидуальных огородов на специально отведенных для этой цели землях. Пленум Верховного суда СССР разъяснил в своем постановлении от 26 июня 1942 г., что умышленное повреждение посевов и урожая на землях, отведенных под коллективные огороды рабочих и служащих, должно квалифицироваться по ст. 79 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, т. е. как умышленное повреждение имущества, принадлежащего государственным или общественным организациям или учреждениям. По тем же соображениям кража с таких индивидуальных и общественных огородов не может рассматриваться, хотя бы и совершенная в первый раз и без иных отягчающих признаков, как простая кража. Граждане отказываются от воскресного отдыха, выез-

жают за город, затрачивают массу энергии и сил. Воры, знающие, что каждый килограмм картофеля добывается в поте лица, и тем не менее бессовестно присваивающие, как паразиты, плоды этого труда, заслуживают сурового осуждения согласно п. «г» ст. 162 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. В случае осуждения за такого рода кражу и кражу с использованием условий военного времени вполне уместно применять и поражение в правах.

Если в условиях Отечественной войны посягательство на личное имущество граждан в ряде случаев перерастало в посягательство на народное хозяйство и влекло за собой резкое осуждение со стороны государства и общества, то тем большего осуждения и наказания заслуживают посягательства на социалистическое имущество. Не случайной была передача дел о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа 1932 г., в местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных трибуналов. Изменились в военное время и критерии для применения этого закона. Хищения, хотя и в малых размерах, но носившие массовый характер, могли причинять огромный вред как фронту, так и тылу. В условиях войны расхитители социалистического имущества предпочитали красть и присваивать не деньги, а предметы продовольствия, промышленные товары, которые потом большею частью и сбывались ими по спекулятивным ценам. Кражу или присвоение 100—200 килограммов хлеба, нескольких пудов муки, 10—20 килограммов масла, 10—20 метров мануфактуры при наличии таких дополнительных признаков, как сговор, систематичность, практика карала, как правило, по закону 7 августа. Расхищение семенного фонда, даже в незначительных размерах, наносило огромный ущерб народному хозяйству. Хищение грузов на транспорте приобретало особо опасный характер во время войны, когда в огромных количествах перевозились грузы военного и народнохозяйственного значения¹.

---

¹ Политико-юридический анализ судебной практики по закону 7 августа 1932 г. по материалам Верховного суда СССР был дан М. Исаевым в «Социалистической законности» 1942 г., № 7. Более поздняя практика учтена в брошюре М. Исаева «Преступления против социалистической и личной собственности», Юриздат, 1944.

«Вор — это тот же враг народа, что шпион и диверсант», — писала «Правда» 20 февраля 1942 г. Вот почему осуждение по закону 7 августа влекло обязательно за собой не только суровое основное наказание, но и дополнительное в виде поражения прав и конфискации имущества.

2. Значение бездействия в условиях военного времени

Наше право определяет преступление как действие или бездействие. Под действием понимается совершение того, что запрещено уголовным законом под страхом наказания, под бездействием — несовершение того, что закон требует совершить под страхом уголовного наказания.

При просмотре Особенной части не может не броситься в глаза, что большинство диспозиций предусматривает преступление-действие. Преступление-бездействие предусматривается в редких случаях. Среди контрреволюционных преступлений мы имеем только саботаж (ст. 58¹⁴ УК), недонесение о контрреволюционных преступлениях (ст. 58¹² УК), среди преступлений особо опасных против порядка управления — уклонение от призыва на действительную военную службу (ст. 59¹), уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей (59³), недонесение о некоторых особо массовых беспорядках, бандитизме и фальшивомонетчестве (ст. 59¹³), а также несколько составов среди прочих преступлений против порядка управления и преступлений другого рода.

Немногочисленны также составы и смешанного характера, т. е. предусматривающие как действие, так и бездействие¹.

На первоначальных стадиях своего развития уголовное право знало исключительно или почти исключительно составы, предусматривающие те или иные действия, опасные для господствующего класса. «Русская

---

¹ Нарушение трудовой дисциплины на транспорте (ст. ст. 59^{3в}, 59^{3г}, 59^{3д}), нарушение правил о монополии внешней торговли, правил о валютных операциях (59¹¹, 59¹²), нарушение правил торговли (ст. 105) и др.

Правда» предусматривала в качестве наказуемого бездействия лишь отказ или уклонение общины от установленной обычаем обязанности отыскивать убийцу, разбойника или вора, если преступление совершено в пределах общины или если след привел к ней. Недонесение о государственной измене стало рассматриваться как преступление, и притом весьма сурово наказуемое, лишь в московское время.

Среди преступлений против личности и имущества даже в современных уголовных кодексах бездействие почти не фигурирует. В нашем УК в главе о преступлениях против личности предусматривается заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии (ст. 156), неоказание помощи капитаном и неоказание помощи больному со стороны врача (ст. ст. 156¹, 157) — составы, имеющие мало практического значения. Злостный неплатеж алиментов (ст. 158) как преступление стало рассматриваться лишь с 1924 г. Среди имущественных преступлений мы не находим ни одного наказуемого бездействия.

Особенности советского строя потребовали все же расширения области наказуемого бездействия. Мы должны отметить прежде всего должностное бездействие (ст. 111 УК).

С ростом социалистического хозяйства увеличивается значение строгого исполнения своих обязанностей должностными лицами. Рост транспорта во всех его видах повлек за собой создание специальных составов, предусматривающих нарушение трудовой дисциплины, и т. д.

Отечественная война, естественно, возложила на граждан многочисленные обязанности, вызванные необходимостью дать отпор фашистским агрессорам. Перестройка всей нашей работы на военный лад, о которой говорил товарищ Сталин 3 июля 1941 г., требовала от всех граждан СССР величайшего напряжения сил, самого честного и самоотверженного выполнения каждым своих гражданских обязанностей¹.

---

¹ Проф. Б. С. Утевским написана специальная брошюра «Обязанности гражданского населения во время войны» (ВИУН, Юриздат, 1943). В ней дается анализ: 1) обязанностей граждан

Перестройка совершалась благодаря патриотическому подъему миллионных масс СССР. Говоря 6 ноября 1943 г. о всенародной помощи фронту, товарищ Сталин указывал: «Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве... Можно с полным основанием сказать, что самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины»¹.

Ряд важных обязанностей граждан не мог быть лишен охраны со стороны уголовного закона. Мы указывали на ст. 59^б УК, которая ставила под угрозу наказанием неплатеж налогов и неисполнение государственных повинностей в военное время. В интересах обороны был установлен ряд таких повинностей. Так, в первый же день войны в местностях, объявленных на военном положении, военными властями были, как известно, изданы правила о противовоздушной обороне, несоблюдение которых являлось нарушением важной государственной обязанности. Постановление СНК СССР от 26 июня 1941 г. обязало население сдать в пятидневный срок радиоприемники органам Наркомата связи; согласно постановлению СНК СССР от 22 августа 1941 г., граждане, проживавшие в городах, должны были сдать в декадный срок районным военкоматам имевшиеся у них призматические бинокли, и т. д.

СССР по защите Отечества (воинская обязанность, обязанности по всеобщему воинскому обучению, по противовоздушной и противохимической обороне, по борьбе с диверсантами и шпионами, а равно иные обязанности по защите Отечества — сдача радиоприемников и т. п.); 2) обязанностей граждан по соблюдению государственной и трудовой дисциплины (обязанность выполнять законы, соблюдать революционный порядок, соблюдать государственную и служебную тайну, соблюдать дисциплину труда, выполнять трудовые повинности, обязанности по внесению налогов и по выполнению государственных поставок государству). Само издание такой брошюры является весьма показательным. Отечественная война действительно выдвинула на первое место обязанности граждан. Задачи настоящей главы не требуют того анализа всех обязанностей, который дается в брошюре проф. Утевского.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 102—103.

По одному конкретному делу Судебная коллегия Верховного суда СССР 8 июля 1942 г. разъяснила понятие повинности, о которой говорит ст. 59⁶. Повинность может быть определена как обязанность гражданина выполнить личным трудом или личными средствами обязательство, возложенное государством не только на данное конкретное лицо, но и на всех или на определенные группы граждан (трудовая повинность, воинская обязанность и т. п.). С этой точки зрения повинность предполагает обязательство общегосударственного характера, не связанное с обычной производственной деятельностью данного лица.

Пленум Верховного суда СССР в своем первом руководящем постановлении военного времени от 26 июня 1941 г. «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» указал, что за злостное нарушение этих правил следует привлекать по ст. 59⁶ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Равным образом в своих постановлениях от 14 июля и от 22 сентября 1941 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что уклонение от сдачи радиоприемников и призматических биноклей должно караться по той же статье.

Согласно ст. 13 постановления СНК СССР от 10 августа 1942 г. о порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время, виновные в уклонении от трудовой повинности подлежали, как уже указывалось, ответственности «по законам военного времени». В соответствии с приказом НКЮ СССР от 5 декабря 1942 г. и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 24 декабря 1942 г. уклонение или отказ, или самовольный уход с работы лиц, мобилизованных в порядке постановления СНК СССР от 10 августа 1942 г., должны квалифицироваться по ст. 59⁶ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик¹.

Уклонение от работ, предусмотренных Указом от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», каралось исправительно-трудовыми работами по месту житель-

¹ О ст. 59⁶ подробнее см. ниже в гл. XIII.

ства сроком до одного года. Уклонение от работ, предусмотренных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городских и сельских местностей» от 17 апреля 1942 г., влекло за собой исправительно-трудовые работы сроком до 6 месяцев.

Как указывалось выше (см. гл. VIII), уголовной ответственности подлежат трудоспособные члены колхозов, не вырабатывающие обязательного минимума трудодней.

Обязанность военнообязанных соблюдать правила военного учета существовала и в мирное время, но наш закон не предусматривал нарушения правил учета в военное время. Между тем, нарушение правил воинского учета в военное время создает серьезные затруднения при мобилизации соответствующих категорий военнообязанных и призывников. Нарушение правил учета может явиться даже средством уклонения от мобилизации.

Поэтому 28 января 1942 г. и были опубликованы в «Известиях» новые правила учета и передвижения военнообязанных и призывников в военное время. Нарушение этих правил может выразиться в выезде из постоянного местожительства без разрешения своего военного комиссара, когда это разрешение требуется, в нарушении обязанности стать на учет при переезде на новое местожительство, в неявке на учет в ближайший военный комиссариат при неизбрании постоянного местожительства в течение месяца для проверки отношения к воинской обязанности и отметки в военном билете. Нарушение этих правил наказывается санкцией, предусмотренной ст. 193^{10а} (т. е. как за уклонение от мобилизации в военное время), — лишением свободы на срок не ниже одного года, а для начальствующего состава — не ниже двух лет, с конфискацией всего или части имущества, с повышением при особо отягчающих обстоятельствах, до высшей меры наказания — расстрела с конфискацией имущества.

На примере установления новых правил воинского учета на время войны особенно наглядно выявляется значение бездействия, неисполнения государственной обязанности. Несоблюдение правил учета в мирное время считалось мелким проступком. В военное время нарушение этой обязанности рассматривалось как одно

из тягчайших преступлений. В системе Особенной части это преступление должно быть отнесено к числу преступлений, особо опасных против порядка управления, в группу посягательств на оборону СССР.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 19 сентября 1941 г. было введено обязательное обучение военному делу. Постановление не содержало санкции за нарушение этой обязанности. Пленум Верховного суда СССР указал 11 октября 1941 г., что лица, уклоняющиеся от обязательного обучения военному делу, подлежат ответственности по ч. 1 ст. 68 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. За уклонение при отягчающих обстоятельствах должна была применяться часть 2 ст. 68 УК (лишение свободы до трех лет).

Остановимся в заключение еще на одной обязанности, которая возникла в условиях, характерных опять-таки для военного времени.

При эвакуации на месте оставалось в ряде случаев государственное и общественное имущество. Часть этого имущества граждане брали себе. По одному конкретному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР (определение от 21 марта 1942 г.) указала, что если растаскивание имущества имело место в условиях, когда населенный пункт был оставлен советской властью, то такого рода действия не содержат в себе преступления. Важно, чтобы советское имущество не досталось фашистским захватчикам. Но при восстановлении советской власти на данной территории долг каждого гражданина, спрятавшего оставленное имущество, немедленно сдать его органам власти, во всяком случае после официального о том объявления властей. То же самое должно быть выполнено и в отношении подобранного оружия и другого имущества, брошенного противником, а также оружия Советской Армии.

Несдача имущества является преступным действием. Его нельзя квалифицировать как похищение имущества, потому что самое завладение имуществом не являлось преступным. Это действие является присвоением, но не вверенного, а доставшегося виновному случайно. При несдаче оружия действие, до того не преступное (и даже похвальное, поскольку оружие прятано

лось от захватчиков-фашистов), становится преступным хранением оружия.

Приказ НКЮ СССР от 26 января 1942 г. дал указание о квалификации несдачи трофейного имущества. Согласно этому приказу, в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 16 января 1942 г. «О сдаче трофейного имущества», все граждане, проживающие в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, обязаны были сдать в 24 часа воинским частям, органам НКВД или местным органам власти, по принадлежности, все брошенное противником и подобранное огнестрельное оружие, боеприпасы, противогазы, обмундирование, обувь, людское и конское снаряжение, автотранспорт, повозки, продовольствие, фураж и прочее военное имущество, принадлежащее советским организациям, а также имущество, принадлежащее частям Красной Армии или советским учреждениям и предприятиям, присвоенное гражданами во время оккупации. Приказ указывает, что лица, не сдавшие в срок огнестрельное оружие и боеприпасы, отвечают по ст. 182 УК РСФСР, а в случае злостного уклонения от сдачи — по ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Лица, виновные в порче оружия, боеприпасов, военного имущества, а также в уклонении от сдачи прочего указанного выше имущества, подлежат штрафу до 3000 рублей или лишению свободы сроком до 6 месяцев, а в случаях злостной порчи или злостного уклонения от сдачи имущества — по ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

По существу мы имеем новые составы преступлений — злостную несдачу или порчу трофейного оружия или имущества государственного или общественного, с санкцией по ст. 58¹⁴ УК.

3. Вопрос о попустительстве и недоносительстве

Вопрос о заранее не обещанном попустительстве и недоносительстве в условиях военного времени является частью общего вопроса о значении в этих условиях бездействия.

Под попустительством следует понимать невоспрепятствование совершению преступления со стороны

лица, которое могло этому совершению воспрепятствовать.

«Руководящие начала» по уголовному праву 1919 г. относили попустительство к соучастию, а именно к пособничеству, считая, что попуститель содействует выполнению преступления. «Руководящие начала» предполагали, таким образом, наличие общегражданской обязанности активно бороться с преступлениями вообще. Такое положение можно объяснить условиями гражданской войны, ожесточенной классовой борьбой. Но, хотя «Руководящие начала» этого и не оговаривали, на практике наказуемым считалось попустительство не при всех преступлениях, а при наиболее опасных, в первую очередь при контрреволюционных.

О недоносительстве «Руководящие начала» не упоминали. Очевидно потому, что рассматривали его как попустительство, что неправильно. Не всегда недоносительство включает в себя все элементы попустительства.

УК РСФСР 1922 г. и УК других союзных республик, изданные в этот период, не упоминали попустителей среди пособников. В то же время кодексы устанавливали наказуемое недоносительство как самостоятельное преступление против порядка управления лишь в отношении контрреволюционных преступлений, и то не всех. Попустительство могло караться по УК 1922 г. в некоторых случаях как должностное преступление — бездействие власти или халатное отношение к служебным обязанностям. Все же в период усиленной борьбы со взяточничеством вскоре после издания УК РСФСР 1922 г. декретом 9 октября 1922 г. непринятие мер противодействия взяточничеству стало караться наравне с дачей взятки.

Действующее советское уголовное право не содержит в Общей части никаких постановлений о попустительстве. Что касается недоносительства, то в Особенной части недоносительство предусматривается как самостоятельное преступление при всех контрреволюционных преступлениях, а также при массовых беспорядках, бандитизме и фальшивомонетчестве. Судебная практика (постановление Верховного суда РСФСР от 27 июня 1933 г.) признала наказуемым и недоносительство о хищениях, подпадающих под действие закона

7 августа 1932 г. Такое расширение общегражданских обязанностей, неисполнение которых является наказуемым, вполне подтверждается и Союзной Конституцией 1936 г., обязывающей каждого гражданина СССР беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность (ст. 131).

Советская теория уголовного права считает, что у нас нет общегражданской обязанности предотвращать преступления, неисполнение которой подлежало бы наказанию. Исходя из этого положения и руководствуясь тем соображением, что по действующему праву попустительство со стороны должностных лиц может караться как самостоятельное преступление (ст. 111 УК), проф. Трайнин пришел в своей монографии о соучастии к выводу, что в советском уголовном праве «для так называемого попустительства как особого вида прикосновенности места не остается»¹.

С таким утверждением нельзя согласиться.

Понятие должностного попустительства не тождественно с должностным бездействием. При попустительстве должностное лицо знает, что готовится или уже выполняется то или иное преступление, и тем не менее не предпринимает никаких мер, предупреждающих или пресекающих данное преступление, несмотря на то, что оно обязано было это сделать в силу своей должности или служебного положения. Ни в какое соглашение с совершителями преступления оно не вступает, нет у него и прямого умысла на совершение преступления при помощи своего бездействия, иначе мы стали бы его рассматривать как исполнителя преступления. Но такой попуститель допускает, чтобы преступление было совершено, причем даже нельзя сказать, что мы имеем дело с «безразличным отношением» к тому, будет ли преступление совершено или нет. Недаром Толковый словарь Даля рассматривает попустительство, как поведение, окрашенное положительным отношением к совершающемуся².

¹ А. Трайнин, Учение о соучастии, 1941, стр. 134.

² В качестве поясняющих приводятся такие слова: позволять, позволять, допускать, разрешать, не запрещать, смалчивать, послаблять, потакать, давать позадку, потачку, потворствовать.

Указ о трудовой дисциплине от 28 декабря 1939 г. говорил о потатчиках на ушителям трудовой дисциплины.

При бездействии власти или халатном отношении к служебным обязанностям должностное лицо виновно в том, что оно дало создаться общей обстановке, облегчившей или даже создавшей условия для совершения конкретных преступлений, о предстоящем совершении которых должностное лицо не знало, хотя могло бы знать, если бы оно добросовестно относилось к своим обязанностям.

Должностное лицо-попуститель несомненно более виновно, чем должностное лицо, только допустившее бездействие или халатное отношение к службе в указанном выше смысле. Попуститель является и более виновным, чем укрыватель. Укрывательство, заранее не обещанное, не облегчает совершения преступления; укрыватель действует после того, как преступление совершилось. Тем не менее укрывательство, заранее не обещанное, в УК всех союзных республик, кроме УК УССР и Груз. ССР, рассматривается как пособничество. Теоретически это является неправильным, поскольку между укрывательством и совершением преступления нет вообще причинной связи. Между тем попустительство находится в причинной связи с совершившимся или совершающимся преступлением, поскольку причинная связь может иметь место не только при действии, но и при бездействии¹. Одной причинной связи для установления ответственности, конечно, недостаточно. Для наказуемости попустительства, как такового, требуется, как указывалось выше, наличие обязанности у данного лица предупредить или пресекать преступление и знание о совершающемся преступлении.

В условиях военного времени повышаются требования к должностным лицам. По таким преступлениям, как расхищение социалистической собственности, каравшееся по закону 7 августа 1932 г., или разбазаривание государственного имущества, судебная практика ка-

---

¹ «Вопрос о бездействии как о причине преступного результата должен быть разрешен аналогично с тем, как был разрешен вопрос о действии, как о причине преступного результата. Наступивший результат должен быть последствием бездействия лица. Если бы бездействие не имело места, то не имел бы места и преступный результат, так как развитию причинной цепи, приведшей к его наступлению, был бы положен предел активными действиями субъекта» (Уголовное право, Общая часть, изд. 3, 1943, стр. 122).

рала должностных лиц, виновных в попустительстве, не за бездействие власти, а как пособников. Притом круг лиц, на которых ложится обязанность препятствовать совершению преступления, очерчивается довольно широко. Так, Верховный суд СССР еще в начале 1942 г. усмотрел пособничество в действиях старшего, видевшего, что в вагон таскают мешками краденую муку, и тем не менее не принявшего никаких мер к пресечению преступления (определение Железнодорожной коллегии от 6 января 1942 г.).

Проф. Герцензон в своем докладе на научной сессии Военно-юридической Академии «Некоторые вопросы социалистического уголовного и военно-уголовного права», май 1942 г., высказывался за наказуемость по общему правилу попустительства по всем контрреволюционным преступлениям, и в особенности по изменническим; по хищениям социалистической собственности, и в особенности по хищениям военного имущества; по наиболее тяжким воинским преступлениям. По воинским преступлениям, по мнению проф. Герцензона, должно караться и недоносительство.

Мы не считаем необходимым расширять область наказуемого недоносительства в условиях военного времени. Интересы государства в достаточной мере охраняются карательной угрозой за недонесение о контрреволюционных преступлениях. К такому воинскому преступлению, как дезертирство, население, как известно, относится крайне отрицательно. Карать же недоносителей из среды военнослужащих — значило бы чрезмерно прибегать к судебной репрессии там, где уместнее бороться мерами воспитательного воздействия. Наказуемость недоносительства в случаях, не предусмотренных законом, вообще недопустима при помощи аналогии и потребовала бы издания специального законодательного акта. То, что такой акт не последовал за годы войны, является достаточным доказательством того, что практика не ощущала потребности в нем.

4. Значение сознания противоправности

В учении об умысле в условиях военного времени в советской теории уголовного права был поставлен вопрос о пересмотре некоторых положений, бывших до

того господствующими. Отсутствие сознания противоправности (общественной опасности) того или другого действия, по господствующему взгляду, не устраняет виновности лица и не влияет на форму его виновности¹. Формула «неведением закона никто не может отговариваться» получает хождение и у нас.

Конечно, нельзя допустить, чтобы виновный не знал о том, что измена Родине, расхищение социалистического имущества, убийство, изнасилование, кража личного имущества являются действиями преступными. Ссылки на неведение закона в таких случаях мы и не встретим на практике. Но когда действия, до того не запрещенные, специальными законами объявляются преступными, ссылка обвиняемого в первое время действия такого закона, что он не знал и по условиям места своего пребывания не мог быть осведомлен об издании закона, должна быть всесторонне рассмотрена. Уголовная ответственность за самовольный проезд в товарных поездах установлена была Указом 9 апреля 1941 г. Верховный суд СССР (Железнодорожная коллегия) и в военное время прекращал дела за отсутствием состава преступления, если нарушение новой нормы имело место в первое время действия закона, а виновный не мог еще знать о новом законе.

Более общее значение получала ссылка на незнание закона в местах, освобожденных от оккупации. Во время Отечественной войны советской властью был издан ряд законов, о которых население оккупированных районов не могло, конечно, знать (например, Указ 13 февраля 1942 г. об ответственности за уклонение от мобилизации на производство и др.). Было бы нарушением основ социалистической законности, если бы судебные органы стали привлекать за нарушение Указов до ознакомления с ними широких масс населения.

5. Значение неосторожной вины

По общему правилу, в условиях и мирного и военного времени умышленная вина карается строже, чем вина неосторожная. Достаточно сопоставить ответ-

---

¹ Уголовное право, Общая часть, изд. 3-е, 1943, стр. 155.

ственность за умышленное убийство и умышленное телесное повреждение с таковыми же посягательствами против личности, учиненными по неосторожности, или же умышленное повреждение социалистического имущества с неосторожным повреждением такого же имущества. Но в условиях войны неосторожная вина сама по себе стала чрезвычайно опасной по тем последствиям, которые наступили или могли бы наступить.

В своем первом выступлении во время войны, 3 июля 1941 г. товарищ Сталин подчеркнул, что с благодушием и беспечностью, — а в этом и заключается суть неосторожной вины, — должно быть покончено. «Прежде всего, — сказал товарищ Сталин, — необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим»¹.

Наряду с расчетами на «пятую колонну», фашистская Германия рассчитывала использовать и благодушные советского человека.

Разглашение военных тайн, хотя бы и по неосторожности, является чрезвычайно опасным преступлением и в мирное время. Наш закон (Положение о воинских преступлениях, ст. 25) карал разглашение военных тайн, если оно повлекло или заведомо могло повлечь особо тяжелые последствия, высшей мерой наказания. Для состава преступления достаточно неосторожной вины. Закон не выдвигал в качестве квалифицирующего признака разглашение военной тайны в военное время, но вполне очевидно, что в таких условиях опасные последствия могут скорее наступить, чем в мирное время.

В статье, опубликованной 30 августа 1944 г. в «Красной звезде», генерал-полковник юстиции Ульрих подчеркивал, что в условиях нашего победоносного наступления врагу легче организовать разведческую

---

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 12.

работу, поскольку ему уже не приходится перебрасывать шпионов и диверсантов через фронт, а можно просто оставлять их при отступлении, и что поэтому военнослужащие должны всегда помнить, что всякого рода разговоры служебного характера, которые ведутся при посторонних, и т. п. легко могут быть использованы фашистской разведкой. Свои положения автор подтверждает данными, взятыми из судебной практики.

До Указа 15 ноября 1943 г. разглашение военным служащим государственной тайны, не составлявшее контрреволюционного преступления, непосредственно нашим уголовным законодательством не предусматривалось. Указ 15 ноября 1943 г. устанавливал ответственность за разглашение государственной тайны и за утрату документов. Виновные в этих действиях должностные лица карались лишением свободы до 5 лет, а если их действия повлекли или могли повлечь за собой особо тяжелые последствия, — лишением свободы до 10 лет. Разглашение частными лицами сведений, заведомо являющихся государственной тайной, каралось лишением свободы до 3 лет.

Закон не характеризует субъективную сторону преступления. Вина может быть как умышленной (но без контрреволюционного умысла), так и неосторожной. По существу, разглашение тайн имеет место, по общему правилу, при неосторожной вине. Утрата же документов предполагает, конечно, только неосторожную вину.

Усиление ответственности за неосторожную вину преследовал и упоминавшийся выше Указ 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах». Согласно ст. 8 Указа, руководители предприятий (учреждений), не обеспечившие организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников, подвергались тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет. Мы имеем перед собой должностное преступление, составляющее специальный вид бездействия или халатного отношения к служебным обязанностям, которое по УК (ст. 111) карается лишением свободы до 3 лет. Вскоре, впрочем, этот Указ с переходом Советской Армии в наступление потерял свое практическое значе-

ние, но в нем чрезвычайно ярко отразился принцип усиления ответственности за неосторожную вину в условиях военного времени.

Сознательное или по халатности нарушение трудовой дисциплины на транспорте обычно на практике встречается в соединении с неосторожностью в отношении последствий. Виновный по небрежности отправляет, например, воинский или народнохозяйственный груз не по назначению, задерживает воинский эшелон на станции, принимает поезд на занятый путь и т. п. Учитывая особенности работы на транспорте во время войны, Пленум Верховного суда СССР в руководящем постановлении от 13 ноября 1941 г. «О квалификации нарушений трудовой дисциплины на транспорте», указал что «в условиях Отечественной войны, которую весь советский народ ведет с наглыми фашистскими захватчиками, четкая и бесперебойная работа транспорта имеет первостепенное значение». В этих условиях, говорится в постановлении, судебные органы обязаны вести суровую борьбу с лодырями, разгильдяями и иными нарушителями трудовой дисциплины на транспорте, препятствующими своим преступным отношением к возложенным на них обязанностям осуществлению важнейших задач, поставленных перед транспортом.

Практика линейных судов, реорганизованных потом в железнодорожные и водные военные трибуналы, в первые же месяцы войны показала, что по сравнению с мирным временем значительно усилилась репрессия в тех случаях, когда виновный действовал по неосторожности, в особенности при наступлении тяжелых последствий, которые виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предвидеть. В этом отношении заслуживает внимания практика применения второй части ст. 59^{3а}. Она предусматривает квалифицированный случай нарушения дисциплины, когда, как говорит закон, преступные действия, предусмотренные первой частью статьи, носят «явно злостный характер». Признак злостности может относиться только к субъективной стороне преступления. В довоенное время Верховный суд СССР явную злостность видел лишь в умышленном, сознательном нарушении трудовой дисциплины. Вторая часть применялась, далее, в тех случаях, когда крушение поезда сопровождалось человеческими жертвами.

Судебная практика военного времени показывает, что суды в понятие «явной злостности» вкладывали более широкое понимание, подводя под ч. 2 ст. 59^{3в} и случаи халатного, небрежного отношения виновного к своим обязанностям, при условии, что наступили тяжелые последствия, которые виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предвидеть. Так, ч. 2 ст. 59^{3в} применялась к случаям, когда машинист, нарушив по небрежности должные меры предосторожности, врезался в другой состав, в результате чего были убитые и раненые; применялась ч. 2 ст. 59^{3в} к дорожным мастерам и бригадирам, по халатности доведшим введенный им участок пути до такого аварийного состояния, что произошло крушение поезда с большим количеством человеческих жертв, и т. п.¹

В ряде случаев советский закон наступление последствий приравнивает в диспозиции к возможности наступления последствий. Все же при выборе наказания судебная практика не может не учитывать, наступили ли последствия или не наступили. И там, где они отсутствовали, суды и в условиях военного времени, по общему правилу, выносили менее суровую кару.

Это не значит, что последствия вменяются вне зависимости от наличия вины. Необходимо установить виновное отношение к последствиям. Если это и забывается иногда низшими судами, то Верховный суд СССР всегда выправляет такую практику. В статье «О военных трибуналах на морском и речном транспорте», подытоживающей практику указанных трибуналов после введения военного положения на водном транспорте (9 мая 1943 г.), председатель Военной водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР Н. Наумов пишет: «Советское правосудие отвергает принцип объективного вменения, и поэтому те или иные последствия могут служить основанием для уголовной ответственности только в том случае, когда они наступили вследствие вины подсудимого, умышленной или неосторожной. Выяснение причин, повлекших те или иные последствия, в отношении подсудимого как

---

¹ См. М. Исаев, Применение ст. 59^{3в} УК РСФСР в условиях военного времени, «Социалистическая законность», 1942, № 1.

к этим причинам, так и к наступившим последствиям, является одним из элементарных и основных требований нашего советского уголовного процесса»¹.

IV. ПРОБЛЕМЫ УЧЕНИЯ О НАКАЗАНИИ

1. Задачи общего предупреждения

Общая цель наказания в советском уголовном праве — борьба с посягательством на Советское государство и установленный в нем правопорядок — остается той же и в условиях военного времени. Но эти условия наполняют общую формулу конкретным содержанием. В период Отечественной войны наказание должно было быть так организовано, чтобы оно усиливало обороноспособность страны.

Задача общего предупреждения — моральное воздействие на все общество, на весь народ (поскольку нормы не имеют своим адресатом определенные группы населения, например, военнослужащих, работников транспорта) — достигается прежде всего изданием соответствующих карательных законов. Конечно, огромным большинством советского населения законы выполняются не за страх, а за совесть, и угроза наказанием призвана в первую очередь воздействовать на неустойчивые элементы нашего общества. Нельзя все же отрицать воспитательного значения советских уголовных законов и на все население в целом, в частности, таких законов, как об ответственности за хищение социалистической собственности, закона об ответственности за измену Родине, закона об ответственности за прогул и самовольный уход с предприятия и т. п. В условиях Отечественной войны общее предупреждение достигалось либо объявлением тех или иных действий отныне преступными и наказуемыми, либо усилением уже существующих санкций за действия, и до того признававшиеся преступными. Так, Указом 6 июля 1941 г. было признано преступным распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, и в качестве наказания установлено тюрем-

¹ Военные трибуналы на морском и речном транспорте, «Социалистическая законность», 1944, № 5—6.

ное заключение на срок от 2 до 5 лет; Указом 15 апреля 1942 г. введена уголовная ответственность за невыполнение минимума трудодней.

Прибегало законодательство и к усилению санкций. Так, по Указу от 26 июня 1940 г. самовольный уход с работы карался тюремным заключением от 2 до 4 месяцев тюремного заключения. Такая санкция явно была недостаточная за самовольный уход с предприятия военного значения в военное время. Указ от 26 декабря 1941 г. объявил, как мы знаем, такой уход трудовым дезертирством, караемым тюремным заключением от 5 до 8 лет. Указ издавался «в целях полной ликвидации все еще имеющих место самовольных уходов рабочих и служащих с предприятий военной промышленности».

Усиление ответственности преследовали и Указ «Об ответственности за хищения горючего в МТС и совхозах» от 23 июня 1942 г. и некоторые другие.

Необходимо отметить, что усиление задач общего предупреждения за время Отечественной войны достигалось не только усилением санкций. В ряде случаев общепредупредительное действие достигалось выделением специального состава, причем устанавливалась даже более мягкая санкция, чем за общий состав.

Так, Указ от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» и Указ от 15 апреля 1942 г. «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы» предусматривали специальные случаи нарушения государственных обязанностей в военное время, караемого по ст. 59^б УК РСФСР. Выделением специального состава, хотя бы и со значительно более мягкой санкцией, достигались задачи общего предупреждения, поскольку гражданам указывалась определенная обязанность и установление ее мотивировалось соображениями, понятными для каждого гражданина.

Задачи общего предупреждения преследовались и руководящими постановлениями Пленума Верховного суда СССР о возможности применения лишения свободы на сроки менее года по тем УК, в которых установлен минимум лишения свободы в один год. Практика последних довоенных лет ощущала потребность

назначения лишения свободы на более краткие сроки, что признано, между прочим, и союзным законодательством, установившим за самовольный уход с предприятия тюремное заключение на срок от 2 до 4 месяцев. Наличие ст. 18 Основных начал 1924 г., не устанавливающей минимума лишения свободы, давало основание Верховному суду СССР указать судам на возможность применения по отдельным преступлениям лишения свободы на сроки менее года. Первое такого рода постановление вынесено 4 мая 1939 г., когда было указано, что по делам об уклонении руководителей предприятий и учреждений от принятия мер по укреплению трудовой дисциплины можно применять лишение свободы на срок менее одного года.

В условиях военного времени тенденция к применению краткосрочного лишения свободы усилилась. Так, в постановлении от 11 октября 1941 г. «Об уголовной ответственности граждан, уклоняющихся от всеобщего обязательного обучения военному делу» Пленум Верховного суда СССР указал, что предусмотренное в ст. 68 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик лишение свободы на срок до шести месяцев может применяться без замены исправительно-трудовыми работами. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 24 декабря 1942 г. «О судебной практике по делам о самогоне» указывается, что, определяя наказания за действия, предусмотренные ч. I ст. 102 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, суды, как правило, должны применять лишение свободы, руководствуясь при этом ст. 18 Основных начал.

В целях усиления уголовно-правовой охраны личного имущества граждан Пленум Верховного суда СССР 13 апреля 1944 г. указал, что по делам о хищении имущества граждан суд, исходя из конкретных обстоятельств, вправе определить наказание в виде лишения свободы независимо от срока наказания (до 1 года), если этот вид наказания (лишение свободы) предусмотрен соответствующей статьей Уголовного кодекса.

Задачи общего предупреждения преследовались и такой мерой, как введение военного положения на железнодорожном транспорте Указом от 15 апреля 1943 г.

Указ устанавливал ответственность работников транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими Красной Армии, что конечно, усиливало и репрессию. В вводной части Указа отмечалось, что подавляющее большинство рабочих и служащих честно и добросовестно выполняет свой долг перед Родиной, но что «незначительное меньшинство работников транспорта проявляет недисциплинированность». И для того, чтобы «... расхлябанной и недисциплинированной части железнодорожников неповадно было подрывать транспорт и порочить честь железнодорожников», Указ и считает необходимым ввести на железных дорогах воинскую дисциплину.

Если угроза наказанием и является сдержкой, то все же не для всех, и тогда встает вопрос о наказании конкретного нарушителя закона. При назначении наказания суд должен иметь в виду задачи не только специального, но и общего предупреждения.

Вполне понятно, что в самом начале войны руководящие органы советской юстиции сделали ударение на задачах общего предупреждения. В приказе от 29 июня 1941 г. Народный комиссар юстиции СССР подчеркивал, что в условиях Отечественной войны всякое нарушение законов советской власти есть противонародное, преступное дело, что малейшее нарушение законов будет использовано врагом. Этим и должны определяться задачи органов юстиции и суда. «Истребляя врагов народа, диверсантов, шпионов, засылаемых на нашу землю, — говорил приказ, — суды должны беспощадно карать играющих на руку врага расхитителей, покушающихся на общественную, социалистическую собственность, спекулянтов, нарушающих государственную, кооперативную и колхозную торговлю, срывающих снабжение населения. Суровые наказания должны применяться в отношении врагов порядка — убийц, грабителей, воров и хулиганов и иных злостных преступников».

Необходимость самой суровой репрессии в отношении таких преступлений, как измена Родине, контрреволюционная агитация и пропаганда, шпионаж, диверсия, бандитизм, на всем протяжении войны полностью сознавалась судами. В этом отношении не требовалось издания дополнительных директив. В вопросе же об охране

социалистического имущества от расхищения и разбазаривания как Народному комиссариату юстиции СССР, так и Верховному суду СССР (по конкретным делам) не раз приходилось обращать внимание судов на необходимость применять усиленную репрессию к злым расхитителям социалистического имущества и к тем, кто злостно разбазаривал это имущество¹.

На усиление общего предупреждения направлено и постановление Государственного Комитета Обороны от 22 января 1942 г., предписывающее взыскивать с виновных стоимость похищенных или недостающих продовольственных товаров по рыночным ценам, а промышленных товаров — по коммерческим ценам в пятикратном размере².

Известное суждение о роли общего предупреждения в условиях Отечественной войны можно сделать на основании динамики уголовной репрессии. Мы располагаем сравнимыми данными, поскольку они относятся к территории СССР, не подвергавшейся оккупации.

В этом отношении характерными являются данные, относящиеся к лишению свободы. Уже со второго года войны наметилось снижение кривой. В первой половине 1943 г. лишение свободы стало применяться меньше, чем в довоенное время.

Соответственно меньшему применению лишения свободы повышается во время войны удельный вес исправительно-трудовых работ.

Об условном осуждении мы скажем ниже. Здесь должны только отметить, что приговоры к лишению свободы, в том числе и на срок свыше пяти лет, не всегда приводились в исполнение, а именно — при по-

¹ Не считая отдельных заметок в журнале «Социалистическая законность», этому вопросу посвящен ряд статей: А. Денисов — «Усилить охрану социалистической собственности» (1941 г., № 5); И. Т. Голяков — «Усилить борьбу с хищениями социалистической собственности» (1942, № 2); К. П. Горшенин — «Боевые задачи судов и органов юстиции» (1942, № 13—14); передовая — «Решительно устранить недостатки в борьбе с хищениями» (1944, № 3—4) и др.

² То же преследовалось и постановлением СНК СССР от 8 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или в хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам». К лицам, виновным в гибели крупного рогатого скота, свиней, овец и коз, гражданский иск предъявляется в размере трехкратной стоимости скота по ценам на племенной скот.

сылке осужденного на фронт в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, о чем будет сказано ниже.

Динамика репрессии (снижение кривой) в тылу за первые два с половиной года Отечественной войны является блестящим подтверждением того положения, что прочность советского строя, прочность советского тыла явилась фактором чрезвычайной важности, отразившимся и на судебной практике. Задачи общего предупреждения достигались, несмотря на экономию в применении карательных мер.

2. Задачи специального предупреждения

В первые же месяцы войны оказалось, что в ряде случаев немедленная реализация приговора противоречила бы интересам обороны страны. Так, согласно ст. 7 п. «в» Положения о воинских преступлениях, дезертирство, каковым считается самовольная отлучка свыше суток, карается в военное время расстрелом. Некоторые военные трибуналы не считали возможным при абсолютно определенном характере законодательной санкции за дезертирство в военное время смягчать наказание в порядке ст. 51 УК. Такого рода приговоры стали поступать в Верховный суд СССР в кассационном или надзорном порядке в первые же месяцы войны. Не считая целесообразным в ряде случаев сохранять приговор в силе, поскольку дезертирство не носило злостного характера (виновный, например, не имел намерения скрыться от военной службы навсегда или длительно, а только хотел по дороге на фронт повидать своих и т. п.), Верховный суд СССР применял ст. 51 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик и на основании примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик направлял осужденного на фронт, о чем обычно последний и сам ходатайствовал.

Обобщив свой опыт, Пленум Верховного суда СССР в руководящем постановлении от 22 апреля 1942 г. указал, что в тех случаях, когда суд, исходя из конкретных данных дела, при наличии смягчающих обстоятельств (как, например, раскаяние подсудимого, явка с повинной, самовольная отлучка хотя и свыше суток, но

в течение сравнительно небольшого периода времени и т. п.), признает более целесообразным направить подсудимого на фронт, то он вправе, путем применения ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, назначить в виде наказания длительный срок тюремного заключения без поражения в правах с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и с направлением осужденного в Действующую армию.

Не применяя высшей меры наказания и реального лишения свободы, суд соображался с интересами обороны, но одновременно он имел в виду и задачи специального предупреждения: не всякий дезертир мог рассчитывать на применение к нему примечания 2 к ст. 28 УК.

Постановление от 22 апреля 1942 г. имело принципиальное значение и для других воинских преступлений, совершавшихся в военное время, по которым закон устанавливал абсолютно-определенную санкцию, — например, по делам о членовредительстве (ст. 12 Положения о воинских преступлениях) и др. По этим преступлениям в ряде случаев можно было при наличии смягчающих обстоятельств применять то же примечание 2 к ст. 28 УК¹.

Примечание 2 к ст. 28 УК предназначалось для применения к военнослужащим. Но перед советской юстицией естественно встал вопрос, насколько целесообразно приводить в ряде случаев в исполнение приговоры, присуждавшие лиц призывного возраста или военнообязанных к лишению свободы. Отбывание этого наказания являлось препятствием к отбыванию воинской обязанности. Между тем, осуждение лиц призывного возраста или военнообязанного за бытовое или служебное преступление к лишению свободы в ряде случаев не свидетельствовало о том, что данное лицо недостойно с оружием в руках защищать социалистическое отечество, если исполнение приговора будет приостановлено. Поэтому Верховный суд СССР дал 22 января 1942 г. руко-

---

¹ Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 1 августа 1942 г. указал на возможность применения примечания 2 к ст. 28 УК к осужденным за уклонение в военное время от военного учета.

водящее указание, согласно которому осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Красную Армию или Военно-Морской Флот.

В этих случаях судам предоставлялось право, применительно к ст. 19² Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. (примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), приостанавливать исполнение приговора до возвращения осужденного из армии.

Практика доказала жизненность постановления Пленума от 22 января 1942 г., и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 25 июля 1943 г. было указано, что отсрочка может иметь место вообще при осуждении к лишению свободы без поражения в правах, независимо от срока лишения свободы.

Пленум Верховного суда не давал указаний, при каких преступлениях можно, а при каких нельзя прибегать к применению примечания 2 к ст. 28 УК. Практика не применяла его к контрреволюционным преступлениям, к бандитизму, к осужденным на основании закона 7 августа 1932 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» расширил применение принципа, выраженного в примечании 2 к ст. 28 УК. Этот Указ предоставил суду следующее право: если суд находил возможным применить к этим работникам, осужденным к лишению свободы без поражения в правах, примечание 2 к ст. 28 УК, то лиц призывного возраста он мог направить в Действующую армию, а остальных послать на предприятия с использованием по усмотрению руководителей последних.

Указ говорил о направлении на предприятия, не указывая характера последних. Но поскольку третья часть Указа предусматривала возможность освобождения по ходатайству соответствующего руководителя предприятия от назначенного по суду наказания или смягчения наказания лиц, осужденных с применением примеча-

ния 2 к ст. 28 УК и «показавших себя хорошо на транспорте», следует заключить, что данные лица должны были в военное время направляться на работу, связанную с транспортом. Смысл этого Указа в отношении лиц, вышедших из призывного возраста, и заключался в использовании их как специалистов именно в этой столь важной в условиях военного времени отрасли народного хозяйства. Что касается лиц призывного возраста, то, по смыслу Указа, к ним должно было применяться примечание 2 к ст. 28 УК полностью, т. е. освобождение от наказания или смягчение его могло последовать только в том случае, если они проявляли себя стойкими защитниками Родины.

Выше отмечалось общепредупредительное значение постановления Государственного Комитета Оборона от 22 января 1943 г. о взыскании с виновного стоимости похищенных или недостающих товаров. В судебной практике возник вопрос, как быть с такого рода взысканием в случае отсрочки исполнения приговора с направлением осужденного в Действующую армию. На удовлетворение такого рода взыскания могло иной раз пойти и все имущество осужденного. Это воспринималось бы как весьма реальное наказание, в особенности при некорыстных преступлениях. В постановлении от 13 апреля 1944 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что, применяя, в случае осуждения по делам о злоупотреблениях по службе, хищениях, растратах и недостачах, отсрочку исполнения приговора, суд вправе, исходя из конкретных обстоятельств дела, приостановить также взыскание сумм, присужденных в возмещение ущерба. Таким образом, мы видим и здесь сочетание задач общего предупреждения с задачами специального предупреждения.

Война сказалась и на применении условного осуждения. С изданием Указа от 26 июня 1940 г. и Указа от 10 августа 1940 г. условное осуждение по делам о прогуле без уважительных причин и самовольном уходе, по делам о хулиганстве, о хищении социалистического имущества почти что перестало применяться. В постановлении от 15 августа 1940 г. «О недостатках практики по делам о самовольном уходе рабочих и служащих и о прогулах без уважительных причин» Пленум Верховного суда СССР обязал суды строго

выполнять Указ от 26 июня 1940 г. и неуклонно применять предусмотренные этим Указом наказания, не допуская снижения этих мер наказания или назначения условного осуждения со ссылкой на ст. 51 и ст. 53 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик. В другом постановлении от того же числа «О недостатках судебной практики по делам о хищениях социалистической собственности, о спекуляции, хулиганстве и о корыстных должностных злоупотреблениях» Пленум указал, что, исходя из смысла Указа Президиума Верховного Совета от 10 августа 1940 г., к растратчикам, расхитителям социалистической собственности и хулиганам, как правило, не должно применяться условное осуждение или наказание ниже низшего предела, установленного в законе.

Пленум Верховного суда СССР совершенно своевременно дал приведенные указания: более или менее широкое применение условного осуждения или смягчение наказания в порядке ст. 51 УК по указанным преступлениям противоречило бы задачам, которые стремился достичь законодатель, издавая такие указы, как 26 июня 1940 г. или 10 августа 1940 г. Но постановления Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1940 г. не отменяли (да и не могли отменять) применения ст. ст. 51 и 53 УК по указанным делам вообще. В исключительных случаях в надзорном порядке и сам Верховный суд СССР по этим делам допускал и смягчение наказания и условное осуждение.

В условиях военного времени было недопустимо механическое применение судами постановлений Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1940 г. Некоторые суды, не считая себя вправе применять условное осуждение в порядке ст. 53 УК, прибегали к помощи ст. 456 УПК РСФСР (и соответствующих статей УПК других союзных республик), пункт 3-й которой разрешает суду отсрочить приведение приговора в исполнение, когда немедленное отбытие наказания могло бы повлечь за собой особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи, ввиду особых обстоятельств или особых условий его положения, как-то: пожар или иные стихийные бедствия, тяжкая болезнь или смерть единственного работника — работоспособного члена семьи и т. п. Суды определяли, например, что приговор

откладывается исполнением до помещения детей осужденной в детский дом и т. п.

Среди обвиняемых по мелким бытовым преступлениям, по мелким должностным преступлениям и т. п. оказывались, например, лица, пострадавшие от немецких захватчиков, причем преступление ими совершалось впервые. Интересы специального предупреждения не требовали применения к такого рода лицам наказания в виде лишения свободы. Не требовали его и интересы общего предупреждения. Суд не мог не считаться со смягчающими обстоятельствами, тесно связанными с войной.

В неоднократных своих постановлениях, как руководящих, так и по отдельным делам, Пленум Верховного суда подчеркивал необходимость при назначении наказания исходить из оценки всех обстоятельств дела, а также личности виновного. И в условиях военного времени это требование должно было строго соблюдаться судами.

На необходимость всемерного учета обстоятельств дела и личности обвиняемого указывалось и в директивах НКЮ и Прокуратуры СССР.

Норма, содержащаяся в ст. 8 УК РСФСР (и соответствующих статьях УК и УПК других союзных республик), преследует цели специального предупреждения. Она дает суду право освободить виновного от наказания, если лицо, совершившее преступление, к моменту расследования или рассмотрения дела в суде перестало быть общественно-опасным. Эта норма применялась Верховным судом СССР при рассмотрении дела в порядке надзора и в тех случаях, когда виновный уже отбывал наказание, но Верховный суд считал, что ст. 8 вполне справедливо и целесообразно было бы применить. В начале войны Верховный суд применял эту статью, когда жалобы в порядке надзора поступали от бывших летчиков гражданской авиации, капитанов торгового флота и т. п., отбывавших наказание в виде лишения свободы и изъявлявших желание быть отправленными на фронт. Учитывая в каждом случае характер преступления (большею частью должностные преступления, лишенные корысти), отсутствие правопоразжения и личность осужденных, Верховный суд и применял

ст. 8 УК, освобождая их от дальнейшего отбывания наказания. Такого рода лица явно не представлялись общественно-опасными, и содержание их в местах лишения свободы, когда в интересах обороны было необходимо всемерное использование специалистов, представлялось бы совершенно нецелесообразным.

В дальнейшем, обобщая практику, Верховный суд СССР прибегал к даче директив общего характера, расширявших применение ст. 8 УК в соответствии с ее смыслом.

Так, в постановлении от 29 июля 1943 г. Пленум Верховного суда СССР дал важное указание в отношении дел о преступлениях общеуголовного характера, не представляющих особой злостности, производство о которых было приостановлено ввиду призыва обвиняемых в армию. Пленум указал, что рассмотрение этих дел по возвращении обвиняемых с военной службы было бы явно нецелесообразным, тем более, как подчеркнул Пленум, что обвиняемые уже по одному факту беспорочной службы в Действующей армии дают основание рассматривать их как лиц, не представляющих опасности. Поэтому все такого рода дела, на основании ст. 8 УК и соответствующих статей УК и УПК других союзных республик, подлежат прекращению¹.

Война выдвинула и такой вопрос, как досрочное освобождение от поражения в правах. По существующим законам поражение в правах препятствует призыву в армию, хотя бы осужденный полностью отбыл назначенное ему главное наказание. В постановлении от 7 января 1943 г. Пленум Верховного суда

---

¹ В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. было указано, что незаконченные производством дела по контрреволюционным преступлениям, по преступлениям, особо опасным против порядка управления, и наиболее тяжким преступлениям общеуголовного характера (убийство, разбой, крупные хищения и растраты) в отношении лиц, призванных после совершения преступления в армию, подлежали направлению в Военный трибунал, по месту службы обвиняемого. Прочие дела в отношении указанных лиц, ввиду отсутствия указаний Пленума, были судами приостановлены производством. Постановление от 29 июля 1943 г. и внесло ясность в этот вопрос.

СССР вполне справедливо отметил, что в условиях военного времени было бы нецелесообразно лишать возможности выполнить свой воинский долг тех осужденных и пораженных в правах, которые отбыли наказание за преступления, не представляющие исключительной общественной опасности, тем более, что, как правило, эти лица сами выражают желание пойти на фронт и тем загладить свою вину перед Родиной. Поэтому, руководствуясь ст. 8 УК РСФСР и соответствующими статьями УК и УПК других союзных республик, Пленум указал, что суды вправе вынести (в порядке ст. 461 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик) определение о досрочном снятии поражения в правах с лиц, отбывших наказание и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации в армию. Указывалось вместе с тем, что постановление не распространяется на лиц, отбывших наказание за контрреволюционные преступления (кроме недоносительства) и бандитизм.

В постановлении от 23 сентября 1943 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что если осужденные заочно по делам о самовольном уходе с предприятий и учреждений (по Указу от 26 июня 1940 г. и по Указу от 26 декабря 1941 г.) призваны в армию, то приговоры по таким делам подлежат, в порядке надзора, отмене с прекращением дела применительно к ст. 8 УК РСФСР и соответствующим статьям УК и УПК других союзных республик.

Наконец, в постановлении от 23 сентября 1943 г. о порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик к лицам, уволенным из Действующей армии вследствие полученной ими инвалидности, Пленум Верховного суда СССР хотя и не ссылается на ст. 8 УК РСФСР, но по существу руководствуется нормой этой статьи. Он указал, что в отношении лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК и уволенных из Действующей армии вследствие инвалидности, суд, учитывая нецелесообразность применения к инвалидам Отечественной войны определенного им наказания, может и при отсутствии ходатайства военного командования по заявлению самого осужденного или по представлению прокурора вынести определение о полном осво-

бождении от наказания или о замене лишения свободы условным осуждением на тот же срок.

Задачи специального предупреждения преследовали и меры в отношении несовершеннолетних, принятые во время войны. Хотя закон 31 мая 1941 г. и установил возраст, с которого несовершеннолетний нес уголовную ответственность по всем преступлениям, в 14 лет, но война, вызвавшая некоторое усиление безнадзорности благодаря мобилизации отцов и поступлению на работу матерей, потребовала усиления воспитательных мер в отношении подростков до 16 лет. В этом отношении принципиальное значение получает постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Этим постановлением, в дополнение к существующим трудовым колониям для содержания подростков, осужденных судами, предусматривается организация трудовых воспитательных колоний НКВД СССР. В эти колонии могут направляться и несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет, задержанные за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, уголовное преследование которых будет признано нецелесообразным. Постановление усиливает воспитательный момент в деле борьбы с преступностью несовершеннолетних. Отказ от уголовного преследования и прекращение судом дела предусматривается не только по указанным делам, но и по иным «незначительным преступлениям». Незначительность не следует понимать в смысле незначительности последствий преступления. Незначительным преступление может быть и в силу субъективных свойств несовершеннолетнего, степени его развития, вины и т. п. Приказ НКЮ СССР от 19 апреля 1943 г. разъяснял, что, прекращая дело, суд должен обсудить вопрос о том, какую меру целесообразно избрать в отношении несовершеннолетнего: передать на попечение родителей или опекуна (при наличии их) или направить в трудовую воспитательную колонию. Инструкция от 21 июня 1943 г. «О порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР», изданная на основании постановления от 15 июня 1943 г., предусматривает продолжительность содержания в колонии до 16-летнего воз-

раста, а достигших этого возраста, но нуждающихся еще в получении определенной трудовой квалификации, и до 17-летнего возраста¹.

Началами воспитательного воздействия на несовершеннолетних проникнуты и руководящие постановления Пленума Верховного суда СССР от 1 августа 1942 г. и от 30 августа 1943 г.

В судебной практике возник вопрос, как следует квалифицировать самовольный уход с предприятий военной промышленности учеников-подростков в возрасте моложе 16 лет. По Указу от 26 декабря 1941 г. самовольный уход карается, как мы знаем, тюремным заключением от 5 до 8 лет. Поскольку законом 31 мая 1941 г. общее уголовное совершеннолетие установлено с 14 лет, казалось, несовершеннолетний ученик-подросток моложе 16 лет мог рассматриваться в качестве субъекта преступления, предусмотренного Указом 26 декабря 1941 г. Однако Верховный суд СССР правильно усмотрел сходство в положении ученика-подростка на предприятиях с положением такого же ученика в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО. В постановлении от 1 августа 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал, что в отношении ответственности за самовольный уход с предприятий военной промышленности ученики-подростки моложе 16 лет приравниваются к учащимся ремесленных училищ и ФЗО и что к ним по аналогии должен применяться Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1940 г. Этим Указом ответственность для учащихся за самовольный уход из

---

¹ В. Тадевосян в статье «Правовая охрана детей в условиях Отечественной войны» («Социалистическая законность», 1944, № 1) совершенно справедливо подчеркивает, что благодаря принятым советской властью мерам с самого начала войны, наша страна не чувствует такого роста беспризорности и безнадзорности, какой она чувствовала после первой мировой войны. На содержание одних лишь детских домов, детских садов, ремесленных училищ и школ ФЗО на 1944 г. было ассигновано 6 млрд. 600 млн. рублей. Постановлением СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» проведение мероприятий по предупреждению детской безнадзорности и устройству детей, оставшихся без родителей, признаны «важнейшим государственным делом».

училищ и школ устанавливалась в виде заключения в трудовые колонии сроком до одного года.

Такое же указание на необходимость применения по аналогии Указа от 12 декабря 1940 г. дано Пленумом Верховного суда СССР в постановлении от 30 августа 1943 г. в отношении случаев самовольного ухода с предприятия, совершенного работниками транспорта, не достигшими 16 лет.

3. Возмездие как одна из целей наказания

«Руководящие начала» по уголовному праву 1919 г. в вопросе о наказании высказали положение, которое отрицательно отразилось на развитии советской теории уголовного права о сущности и целях наказания.

«При выборе наказания, — говорилось в ст. 10 «Начал», — следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление «вины».

Составители «Руководящих начал», как это явствует из приведенной формулировки, в известном отношении находились под влиянием социологической школы уголовного права. Русские криминалисты считали в свое время социологическую школу более научной, более прогрессивной, чем классическая школа. Они не учли того, что классическая школа отражала в области уголовного права идеологию буржуазной демократии, в то время как учение социологической школы — идеологию буржуазии развивающегося империализма. «Целесообразность репрессии», которую проповедывали буржуазные криминалисты-социологи, приводила к отказу от понятия вины, от назначения наказания в соответствии с виной, заменила вину опасным состоянием, наказание — мерами социальной защиты.

Все это приводило к сужению правовых гарантий в области уголовного права.

Неправильной политической оценке социологической школы в значительной мере способствовали защита ее представителями преобладающего значения общественных факторов в учении о причинах преступности, за-

щита таких прогрессивных мероприятий, как условное осуждение, воспитательные учреждения для несовершеннолетних.

Составители «Руководящих начал» не учли высказываний классиков марксизма, отнюдь не отрицавших понятия вины, которое они лишали всякого метафизического содержания. Классики марксизма не отрицали и понятия наказания как реакции на преступление, содержащей определенную отрицательную оценку преступления. С другой стороны, классикам марксизма были совершенно чужды понятия «опасного состояния» и «меры социальной защиты», которые социологической школой ставились на место понятий преступления и наказания.

Формула «Руководящих начал» о наказании перешла в УК РСФСР 1922 г., а оттуда с известными редакционными изменениями и в «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик» 1924 г. «Основные начала» отказались даже от термина «наказание», заменив его термином «меры социальной защиты». В ч. 2 ст. 4 «Основные начала» указывали, что «задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит» и что «все меры социальной защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства». Эта формула перешла и в УК союзных республик, изданные после 1924 г.

В советском законодательстве, в судебной практике, равно как и в советском общезнании, понятия вины и наказания тем не менее не исчезли и не могли исчезнуть. Эти понятия прежде всего были сохранены нашими уголовно-процессуальными кодексами. Приговор, как указывается в УПК союзных республик, означает решение, вынесенное судом о виновности или невиновности обвиняемого. В ряде мест УПК говорит об обвиняемом, о признании его виновным и т. п. Не отказалось советское уголовное право и от принципа соответствия наказания размеру или степени вины. В качестве повода к отмене приговора как в кассационном, так и в надзорном порядке, указывается «явная несправедливость приговора» (п. 4 ст. 413 УПК РСФСР). Ст. 417 УПК поясняет, что приговор признается явно несправед-

ливым, когда назначенное наказание, хотя и не выходит за законные пределы, но по размеру своему резко не соответствует содеянному. Это несоответствие следует понимать как в смысле чрезмерной суровости, так и в смысле чрезмерной мягкости наказания.

Закон об ответственности за измену Родине от 8 июня 1934 г. вернулся к термину «наказание» и говорит о том, что преступление «карается». Общая формулировка сущности и целей наказания дана в Законе о судостроительстве 1938 г., который тем самым отменил ч. 2 ст. 4 «Основных начал» 1924 г. Ст. 3 Закона о судостроительстве говорит, что «применяя меры уголовного наказания, советский суд не только карает, но также имеет своей целью исправление и перевоспитание преступника»¹.

Таким образом, наряду с целью исправления и перевоспитания преступника ставится и цель покарать его. Эта цель может сочетаться с целью исправления и перевоспитания, но может явиться и единственной целью, как это имеет место при высшей мере наказания, при длительных сроках лишения свободы. При лишении свободы на 15—20 лет можно говорить, что наряду с целью кары преследуется и цель изоляции преступника от общества, но вряд ли здесь преследуется цель исправления преступника.

Закон о судостроительстве ничего не говорит о возмездии. Но если под возмездием понимать воздаяние,

---

¹ В постановлении по одному конкретному делу от 13 июля 1944 г. Пленум Верховного суда СССР высказал принципиальные соображения о различии мер наказания и мер медицинского характера: «Сами задачи и цели мер наказания и мер медицинского характера по своей природе являются различными. Если наказание ставит себе целью покарать и исправить преступника, то меры медицинского характера ставят себе целью излечить больного и защитить общество от опасных действий больного, допущенных им вследствие своего болезненного состояния. В этом отношении меры медицинского характера могут с полным правом именоваться мерами социальной защиты, в отличие от мер наказания, к которым этот термин неприменим, и хотя употребляется в УК и «Основных началах уголовного законодательства», но должен, как термин в отношении мер наказания, считаться отвергнутым последующим законодательством, в частности, ст. 3 и ст. 4 п. «а» «Закона о судостроительстве». (Разрядка наша. — Авт).

назначение наказания в соответствии с виной, то от такого возмездия советское уголовное право, как мы указывали, никогда не отказывалось.

Совершенно неправильно представление о возмездии как о каком-то библейском талионе («око за око, зуб за зуб»). Справедливое возмездие предполагает справедливое покарание виновного. Это соответствие в общих чертах устанавливается санкцией карательного закона и окончательно судом, руководствующимся указаниями Общей части кодекса, пределами санкции, установленной в Особенной части за данное преступление, и своим социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление (ст. 45 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Вопрос о возмездии как цели наказания привлек к себе внимание во время Отечественной войны. Нелюбимые злодеяния немецких фашистов и их сателлитов, чинившиеся над населением на временно оккупированной территории СССР и стран Западной Европы, зверское обращение с пленными красноармейцами вызвали у всех свободолюбивых народов ненависть к фашистским бандам и единодушное желание покарать их, воздать им должное за все содеянное ими.

«Гитлеровские мерзавцы взяли за правило, — говорил товарищ Сталин в своем докладе 6 ноября 1942 г., — истязать советских военнопленных, убивать их сотнями, обрекать на голодную смерть тысячи из них. Они насилуют и убивают гражданское население оккупированных территорий нашей страны, мужчин и женщин, детей и стариков, наших братьев и сестер... Только низкие люди и подлецы, лишенные чести и павшие до состояния животных, могут позволить себе такие безобразия в отношении невинных безоружных людей. Но это не все. Они покрыли Европу виселицами и концентрационными лагерями. Они ввели подлую «систему заложников». Они расстреливают и вешают ни в чем неповинных граждан, взятых «под залог», из-за того, что какому-нибудь немецкому животному помешали насиловать женщин или ограбить обывателей. Они превратили Европу в тюрьму народов... Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления».

ния и не миновать карающей руки замученных народов»¹.

Свою ноту от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных Советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» Народный Комиссар Иностранных дел товарищ В. М. Молотов заканчивал следующими словами: «Правительство Советского Союза от имени народов Советского Союза заявляет: гитлеровское правительство и его пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные злодеяния, совершенные против народов СССР и против всех свободолюбивых народов»².

В докладе — 26-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции товарищ Сталин указал, что «...мы должны будем... принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершенные ими злодеяния»³.

В Московской декларации, опубликованной 2 ноября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», подписанной Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, три союзные державы торжественно заявляли, что «в момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за... зверства, убийства и казни, или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и

---

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 68—69.

² Ноты Народного Комиссара Иностранных Дел товарища В. М. Молотова, 1942, стр. 79.

³ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 111.

свободных правительств, которые будут там созданы».

Еще во время войны советское законодательство установило порядок суда над фашистскими преступниками и их наказания, издав Указ 19 апреля 1943 г. До Указа 19 апреля 1943 г. в качестве наказания ко всем этим преступникам могла применяться высшая мера наказания в виде расстрела и лишение свободы в виде тюремного заключения. Указ устанавливал смертную казнь через повешение и ссылку в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Введением повешения как способа исполнения смертной казни советский закон подчеркивал позорящий характер наказания, которое немецко-фашистские злодеи и их приспешники по справедливости заслужили. Лица, организовавшие душегубки, лагеря смерти, заслуживают того, чтобы с ними обращались как с лишенными человеческого достоинства.

Момент воздаяния, связанный с оценкой деяния виновного, присущ наказанию в каждом конкретном случае. Иногда наказание и преследует только одну эту цель — справедливое воздаяние¹. По отношению к преступникам, попадающим под действие Указа 19 апреля 1943 г., только о воздаянии и может идти речь. Никаких исправительных целей в отношении этих выродков рода человеческого наше уголовное право ставить не может.

4. Понятие судимости

Снятие судимости в советском уголовном праве чрезвычайно облегчено при условном осуждении. Не совершение в течение испытательного срока нового не менее тяжкого преступления не только освобождает осужденного от наказания, но и влечет за собой, в силу самого закона, снятие судимости (ст. 55 п., «б» УК

---

¹ В словаре Даля указывается, что возмездие означает воздаяние, награду и кару, плату по заслугам. У нас возмездие понимается в настоящее время только в смысле отрицательной оценки действий виновного.

РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). В более узкие рамки поставлено снятие судимости в остальных случаях. Снятие судимости в силу самого закона допускается лишь при наказаниях, не превышающих трех лет лишения свободы. При более строгих наказаниях снятие судимости может последовать лишь в порядке амнистии или помилования.

В условиях Отечественной войны снятие судимости было чрезвычайно облегчено для военнослужащих. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1941 г. секретариатом Президиума 15 января 1942 г. была издана «Инструкция о порядке снятия судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками». Согласно «Инструкции», снятие судимости с таких военнослужащих производилось, по ходатайству командиров (начальников) частей, кораблей, учреждений Военными Советами фронтов (отдельных армий) и флотов, от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением. По утверждению военнослужащему выдавалась справка о снятии судимости. В случае его смерти справка выдавалась семье. Судимость могла быть снята независимо от тяжести наказания, к которому в свое время был приговорен амнистируемый, и независимо от времени, протекшего со дня осуждения или отбытия наказания.

Вопросу о снятии судимости с военнослужащих, находившихся в Действующей армии, наш законодатель посвятил большое внимание.

Практика показала, что освобожденные от наказания в порядке примечания 2 к ст. 28 УК, не освобождаются, в силу умолчания об этом закона, одновременно и от судимости. Для ее снятия требовалось возбуждение со стороны начальства осужденного нового ходатайства, которое должно было проходить ряд инстанций, чтобы быть разрешенным Военным Советом фронта в порядке Инструкции 15 января 1942 г. Рассмотрение военным трибуналом вопроса о снятии наказания в порядке примечания к ст. 28 УК производилось, по общему правилу, в самой воинской части. В судебном заседании давалась боевая характеристика начальством осужденного. И сам освобожденный от на-

казания и его товарищи были убеждены, что с освобождением от наказания снималась и судимость. Оказывалось не так. Получался, таким образом, разрыв между освобождением от наказания и снятием судимости, которое при переброске части из одного крупного соединения в другое могло и весьма затянуться.

Недостатки действовавшей системы тем более ощущались, что при обычном условном осуждении судимость (как и само наказание) снималась в силу самого закона, в силу одного того, что испытательный срок истек и осужденный не совершил за это время нового не менее тяжкого преступления. Здесь же осужденный должен был проявить себя стойким защитником Родины. Поведение его должно было получить соответствующую оценку со стороны начальства, и затем вопрос о снятии наказания рассматривался судом. Понимание юридической природы нормы, предусмотренной примечанием 2 к ст. 28 УК, как особого вида условного осуждения, требовало распространения и на него облегченных условий снятия судимости.

Это и было выполнено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 февраля 1943 г. Указ установил, что лица, осужденные с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК, проявившие себя стойкими защитниками Родины и в силу этого освобожденные от наказания военным трибуналом или иным соответствующим судом, признаются не имеющими судимости, о чем указывается судом в определении об освобождении от наказания.

V. АМНИСТИЯ В СВЯЗИ С ПОБЕДОЙ НАД ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ.

После капитуляции вооруженных сил Германии товарищ Сталин обратился 9 мая 1945 г. к народу. «Великая Отечественная война, — говорил товарищ Сталин, — завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития»¹.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 171.

Вскоре после этого, 7 июля 1945 г., Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией.

Этот Указ является актом огромного принципиального значения для общей оценки советского уголовного права: он свидетельствует о том, что вполне оправданная суровость уголовного закона в условиях военного времени не является самоцелью. Окончательный разгром германского империализма позволил отпустить вину полностью или частично тем, кто нарушил советские законы за годы Великой Отечественной войны.

Прежде всего Указ полностью освобождал от наказания осужденных к лишению свободы на срок не свыше трех лет и к более мягким мерам наказания. Амнистируя эту категорию осужденных, Президиум Верховного Совета СССР исходил, конечно, из соображения, что сравнительно незначительный срок лишения свободы или более мягкие меры наказания, вынесенные судом в условиях военного времени за то или другое преступное деяние, свидетельствует о сравнительно небольшой вине и социальной опасности осужденного.

Освобождались от наказания, далее, все осужденные за самовольный уход с предприятий военной промышленности и других предприятий, на которые было распространено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Как известно, санкция за такое трудовое дезертирство была установлена в виде лишения свободы от 5 до 8 лет. Освобождались от наказания все осужденные с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. Освобождались, наконец, от наказания военнослужащие, осужденные за ряд воинских преступлений. К ним Указ относит: ст. ст. 193² (неповиновение), 193⁵ и 193⁶ (оскорбление), 193⁷ (самовольная отлучка и дезертирство), 193⁹ (самовольное оставление части или места службы в боевой обстановке), 193¹⁰ (неявка в срок на службу), 193^{10а} (уклонение от мобилизации), 193¹⁴ (промотание предметов казенного обмундирования и т. п.), 193¹⁶ (нарушение правил караульной службы). Большинство из перечисленных статей устанавливало за совершение предусмотренных ими преступлений в условиях военного времени высшую меру наказания — расстрел.

Лица, осужденные к лишению свободы на срок свыше трех лет, получали льготу в виде сокращения неотбытого срока наказания наполовину. Из этого правила исключались осужденные за контрреволюционные преступления, по закону 7 августа 1932 г., за бандитизм, фальшивомонетчество, умышленное убийство и разбой. Такое исключение устанавливалось, несомненно, исходя из учета особой тяжести преступления. По общему правилу за такого рода преступления и не назначалось наказание ниже трех лет, исключая, может быть, такие преступления, как простое умышленное убийство или убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего (ст.ст. 137, 138). Осужденные за такого рода убийство к лишению свободы ниже трех лет освобождались по Указу вообще от наказания.

Поскольку по Указу определенная категория осужденных лиц освобождалась вообще от наказания, было бы нецелесообразно продолжать по такого рода делам следственное и судебное производство. Указ предписывал поэтому прекратить производством все следственные дела, не рассмотренные судами, о совершенных до его издания преступлениях, за которые в законе установлено наказание не свыше трех лет лишения свободы, а также дела о трудовом дезертирстве и дела о воинских преступлениях, указанных выше. По делам об остальных преступлениях суд, если признает необходимым избрать меру наказания не свыше трех лет лишения свободы, освобождает от наказания; если же считает необходимым назначить наказание свыше трех лет лишения свободы, то сокращает на половину срок, превышающий три года лишения свободы.

Указ не только освобождал от наказания полностью или частично, но и снимал судимость с осужденных к лишению свободы на срок не свыше одного года и к более мягким мерам наказания, с осужденных за трудовое дезертирство и с военнослужащих, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР.

Наконец, Указ снимал все невзысканные административные штрафы и все не приведенные в исполнение административные взыскания, которые предусматри-

вались Указом от 22 июня 1941 г. «О военном положении».

Последний пункт Указа устанавливал, что амнистия не применяется к лицам, неоднократно осужденным за растраты, кражи, грабежи и хулиганство. Это постановление следует понимать в том смысле, что к указанной категории лиц не применимы никакие льготы, установленные Указом от 7 июля 1945 г. Они не освобождаются от наказания, к ним не применяется сокращение наказания, не снимается судимость, дела о них не прекращаются производством.

СПбГУ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РАЗВИТИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. РАЗВИТИЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ПЕРИОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И МЕТОДЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Война, наложившая свою печать на все стороны жизни социалистического государства, не могла не оказать влияния и на развитие Особенной части уголовного права. Во время Отечественной войны не приходилось пересматривать понятия и институты Общей части. Только на практике применения статей Особенной части могли изменяться во время войны и институты Общей части. Иначе обстояло дело с Особенной частью уголовного права. Почти все постановления Государственного Комитета Оборона и Указы Президиума Верховного Совета СССР уголовно-правового содержания, почти все материалы практики Верховного суда СССР, почти все приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и НКЮ СССР уголовно-правового характера военного времени посвящены вопросам Особенной части. Именно введением новых составов преступлений или изменением квалификации наиболее опасных для интересов обороны действий отвечало, на основе действующего законодательства, советское уголовное право на новые формы преступности и на повышение во время войны опасности преступлений, предусмотренных в действующем законодательстве. Поставленная товарищем Сталиным задача — все подчинить интересам фронта — находила в области уголовного права свое конкретное выражение главным образом в изменениях и дополнениях Особенной части. Конкретное действие или бездействие, его оценка с точки зрения вреда для дела разгрома врага, установление ответственности за него, квалификация его и возможность или невозможность при этом охватить его предусмотренными

в уголовном законодательстве составами преступлений,— вот та форма, в которой во время войны практически вставляли перед законодателем и перед судебной практикой вопросы борьбы с преступностью.

Этим объясняется и изменение во время войны отношения науки уголовного права к вопросам Особенной части. До Отечественной войны вопросы Особенной части уголовного права не привлекали к себе достаточного внимания ученых криминалистов. В юридической литературе, в планах работ секций уголовного права научно-исследовательских юридических институтов, в темах диссертаций на соискание ученых степеней преобладающее место принадлежало вопросам истории и Общей части уголовного права. После начала войны, когда судебные органы стали перед необходимостью быстро реагировать на новые формы преступления и на возросшую в условиях военного времени опасность некоторых действий, совершавшихся и в довоенное время, — задачей ученых юристов явилось оказать в этом отношении помощь практике. Результатом этого было некоторое оживление интереса советских ученых криминалистов к вопросам Особенной части уголовного права. Многие из таких вопросов нашли освещение в статьях, напечатанных во время войны в журнале «Социалистическая законность»¹. Во время войны появились диссертации на темы Особенной части, началась работа над монографическими работами по вопросам Особенной части. Был выпущен ряд научно-популярных брошюр на темы Особенной части².

---

¹ Ряд статей на темы по Особенной части, опубликованных во время войны, принадлежит проф. И. Голякову, проф. М. Исаеву, проф. Б. Утевскому, проф. М. Чельцову, доц. В. Власову, доц. М. Якубу и другим, не говоря о практических работниках юстиции.

² Еще в 1941 г. была издана брошюра А. Вышинского, Беспощадно карать дезорганизаторов тыла. В 1943 г. появилась брошюра Н. Дурманова, Государственная и военная тайна. Отдельные брошюры по вопросам Особенной части были изданы на местах. Всесоюзным институтом юридических наук подготовлены: брошюра М. Исаева, О преступлениях против социалистической и личной собственности; Н. Меньшагина, О преступлениях против порядка управления; Г. Смолицкого, О должностных преступлениях; Б. Утевского, О преступлениях в области трудовых отношений. Уже после окончания войны

Было бы, однако, глубоко неправильным полагать, что то обстоятельство, что в области уголовного права именно вопросы Особенной части приобрели во время войны преимущественное значение, означало какое-либо чрезвычайное усиление законодательной деятельности, а тем более издание исключительных законов.

В СССР в этом не было надобности. Уже первые дни и часы после вероломного и предательского нападения фашистского хищника на нашу Родину обнаружили беспримерную крепость тыла, исключительное морально-политическое единство всех народов СССР, беспримерный патриотизм, монолитное единство мысли и дела бойцов на фронте и трудящихся в тылу. «...Наша страна, — сказал товарищ Сталин 6 ноября 1942 г., — никогда еще не имела такого крепкого и организованного тыла»¹. Преобразились люди в тылу. «Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной и перед ее защитниками на фронте — перед Красной Армией. Ротозеев и разгильдяев, лишенных чувства гражданского долга, становится в тылу все меньше и меньше. Организованных и дисциплинированных людей, исполненных чувства гражданского долга, становится все больше и больше»².

Подавляющая часть трудящихся, воодушевленная пламенным советским патриотизмом, ревностно выполняла свой долг перед социалистическим отечеством.

Эта изумительная особенность советского тыла и советских людей в тылу а priori ограничивала рамки необходимости при помощи уголовной репрессии содействовать организованности тыла, бороться с отдельными попытками его дезорганизации. Эта изумительная особенность повела к тому, что не возникало никакой нужды в частичном хотя бы отказе от положений Особенной ча-

---

появилась написанная главным образом на материалах военного времени книга В. Меньшагина, Преступления против обороны СССР, 1946, и В. Чхиквадзе, Военно-уголовное право, ч. II, Особенная, 1947, а также были закончены и сданы в печать монографические исследования М. Шаргородского — о преступлениях против личности и Б. Утевского — о должностных преступлениях.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 56.

² И. Сталин, там же, стр. 56—57.

сти действующих кодексов и в замене их специальными военными законами. Точно так же, как Отечественная война оставила в силе все основные положения, основные институты Общей части уголовного права, так оставила она в основном в силе и все составы Особенной части.

Оглядываясь на военные годы, можно со всей определенностью сказать: скромными, скупыми средствами удалось Особенной части уголовного права своевременно и эффективно реагировать на новые формы преступности и на повышение во время войны опасности некоторых видов преступлений, известных и в мирное время. Потребовалось издание только немногочисленных Указов Президиума Верховного Совета СССР, установивших новые составы преступлений.

Для развития Особенной части в соответствии с потребностями борьбы против преступности в условиях военного времени достаточной оказалась в основном повседневная руководящая деятельность высших органов юстиции — Верховного суда СССР, Народного комиссариата юстиции СССР, Прокуратуры СССР.

Однако этими скромными средствами достигались подчас значительные результаты. На их основе развивались одни тенденции, намечавшиеся еще в довоенное время, и прокладывались другие, новые, наметившиеся только во время войны.

Установление тенденций развития во время войны Особенной части уголовного права представляет теоретически и практически важную задачу науки советского уголовного права.

Однако выполнение этой задачи предполагает предварительную работу иного характера, а именно — сбор и систематизацию всех материалов, относящихся к развитию во время войны Особенной части уголовного права. Только на основе такой проделанной работы можно приступить к более заманчивой для научного исследования части работы, а именно — к установлению тенденций развития во время войны Особенной части, — тенденций, характерных для периода военного времени и вызванных к жизни условиями военного времени.

В соответствии с этим и строится настоящая глава. Она начинается с обзора развития во время войны Особенной части уголовного права, причем материалами

служат: постановления Государственного Комитета Обороны, Указы Президиума Верховного Совета СССР военного времени, постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), постановления Пленума Верховного суда СССР, определения его Судебной коллегии по уголовным делам и других его коллегий, приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и НКЮ СССР, а также брошюры, статьи и заметки, опубликованные во время войны.

Только после этого делается попытка установить тенденции развития отдельных категорий и составов преступлений, а также некоторые общие тенденции развития Особенной части уголовного права во время войны.

Само собою разумеется, что и обзор развития Особенной части, и попытки установления тенденций этого развития не могут еще претендовать ни на полноту исследования, ни на окончательность выводов.

Эти задачи смогут быть в полном объеме и с достаточной глубиной разрешены только после того, как будут собраны все необходимые материалы, после того как будет изучена практика нижестоящих судебных органов, — в особенности народных судов, — и будет создана таким образом возможность полного, точного и исчерпывающего анализа развития Особенной части уголовного права в условиях войны.

II. ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

1. Контрреволюционные преступления

В условиях войны тягчайшие из всех преступлений, которые знает Особенная часть уголовного права, — контрреволюционные, — еще более повышают свою опасность. Если в довоенном уголовном праве из всей группы контрреволюционных преступлений выделялись как наиболее тяжкие изменнические преступления, т. е. такие преступления, объектом которых является внешняя безопасность Союза ССР, то в условиях Отечественной войны каждое контрреволюционное престу-

пленение по существу играло наруку врагу и тем самым приобретало характер изменнического.

Условия Отечественной войны не могли не вызвать необходимости усилить ответственность по одним контрреволюционным преступлениям, известным практике довоенного времени, и установить суровую ответственность за новые формы контрреволюционной деятельности враждебных элементов.

«Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов... Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитёр, опытен в обмане и распространении ложных слухов»¹, — указал товарищ Сталин в своем историческом выступлении по радио 3 июля 1941 г. Товарищ Сталин требовал — «организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи»².

«Провокаторы, шпионы, разведчики, диверсанты, — писала «Правда» 19 октября 1941 г., — всегда идут по линии намеченного удара и впереди войск... Подрывная работа фашистской агентуры — это первая линия фронта».

Нашлись отдельные изменники и предатели среди граждан СССР. Краснодарский, харьковский и другие процессы фашистских убийц показали, что отдельные изверги из граждан СССР выполняли позорнейшую роль пособников фашистских злодеев. Могли оживить свою преступную деятельность притаившиеся по углам обломки вражеских классов, возлагавшие еще какие-то преступные надежды на гитлеровское наступление.

Однако исключительная крепость тыла в СССР не требовала издания для борьбы со шпионами, диверсантами и другими врагами народа исключительных законов. Для борьбы с контрреволюционными преступлениями в условиях военного времени достаточными оказались в основном средства «Положения о преступлениях государственных». Это не исключало издания отдельных нормативных актов, направленных на усиление

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 14.

² И. Сталин, там же.

ответственности за контрреволюционные преступления. Так, например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. установил суровую репрессию в отношении фашистских убийц и их пособников — граждан СССР (см. выше, гл. XII).

Статьи о контрреволюционных преступлениях «Положения о преступлениях государственных» с последовавшими еще до войны изменениями не подверглись во время войны никаким изменениям или дополнениям. Постановления Пленума Верховного суда СССР, определения его Уголовной коллегии по судебным делам и разъяснения НКЮ СССР, относящиеся к контрреволюционным преступлениям, выполняли задачу усиления борьбы с контрреволюционными преступлениями в основном с помощью «Положения о преступлениях государственных».

Так, например, в связи с делами о контрреволюционной агитации и пропаганде дано было толкование понятия «военной обстановки», которое упоминается в ч. 2 ст. 58¹⁰ УК¹. Судебная практика военного времени считала «военной обстановкой» обстановку, создавшуюся во время войны всюду в стране, независимо от близости или отдаленности места совершения преступления от фронта².

В связи с конкретным делом Пленум Верховного суда СССР указал, что в тех случаях, когда распространяемые виновным слухи, возбуждающие тревогу среди населения, наполнены антисоветским содержанием, надлежит применять не Указ 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», а статью Уголовного кодекса об антисоветской агитации (ст. 58¹⁰ УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик)³.

По другому конкретному делу Пленум Верховного суда СССР указал, что высказывания против советской власти, если они сознательно допущены лицом, находящимся во вменяемом состоянии, сами по себе являются

¹ См. выше, прим. 1 на стр. 3.

² Учебник Уголовное право, часть Особенная, 1943, стр. 78.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», вып. III, стр. 8 (в дальнейшем это издание при ссылках на него именуется «Судебная практика»).

достаточными для осуждения по ст. 58¹⁰ УК, ибо контрреволюционный умысел в данном случае вытекает из самого содержания этих высказываний¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР рассмотрела 29 августа 1942 г. дело, по которому Богораздов обвинялся в ложном доносе. Богораздов, подстрекая двух колхозников к даче ложных показаний против Латыгиной, написал одной из них на бумажке текст тех антисоветских высказываний, которые были приписаны Латыгиной. Эти последние действия Богораздова суд квалифицировал по ст. 58¹⁰ УК. В связи с этим Судебная коллегия указала: «Антисоветская агитация является преступлением умышленным и предполагает, что антисоветские высказывания или письменное их изложение выражает личное мнение высказывающегося или пишущего, либо солидарность его с этими высказываниями, когда они им передаются от имени третьего лица. В данном же случае эти высказывания не только не были изложены Богораздовым с целью продемонстрировать свою солидарность с ними, но, наоборот, были привлечены с тем, чтобы тем самым дать свидетелям возможность подтвердить хотя и заведомо ложный донос, но все же донос, ставивший себе целью обвинение третьего лица в преступлении. Таким образом, написанная Богораздовым фраза должна была выразить отрицательное отношение Богораздова к содержанию этой фразы. Это действие Богораздова должно рассматриваться не как антисоветская агитация, а как одно из звеньев в кругу всех остальных действий Богораздова, направленных к искусственному созданию доказательств обвинения, что предусмотрено ч. 2 ст. 95 УК РСФСР»².

Среди определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, посвященных контрреволюционным преступлениям, следует отметить определения, касающиеся ст. 58¹⁴ УК. В двух определениях речь шла об умышленных действиях, хотя и без прямой контрреволюционной цели, но заведомо для виновных ведущих к подрыву производства.

В одном случае шла речь об электросварщике шахты, два раза отказавшемся явиться на шахту по вызову

¹ «Судебная практика», вып. V, стр. 4.

² «Судебная практика», вып. II, стр. 13.

администрации для ликвидации аварий. В другом — об электрослесаре шахты Чванине, который систематически в течение 34 дней не выходил на работу, изготавливая подложные справки об освобождении его от работы, и который изготавливал такие же подложные справки ряду других рабочих шахты. Судебная коллегия установила, что Чванин хорошо сознавал преступность своих действий и ущерб, причиненный им производству. Судебная коллегия указала, что «при оценке действий Чванина следовало учесть, что он совершил преступление на одном из предприятий угольной промышленности, имеющих особо важное значение в условиях военного времени, где вопросы укрепления трудовой дисциплины и поднятия производительности труда играют первостепенную роль, а всякий причиненный ущерб является особенно ощутительным. На фоне трудового энтузиазма, вызванного широким патриотическим подъемом основной массы рабочих, действия Чванина, влекущие дезорганизацию производства и оказывающие отрицательное моральное влияние на неустойчивые элементы, не могут быть расценены иначе, как подрыв производства, тем более, что, как указано выше, Чванин хорошо сознавал всю вредность своих действий»¹.

В обоих случаях Судебная коллегия признала правильной квалификацию действий виновных по ст. 58¹⁴ УК РСФСР.

В практике военного времени имело место применение ст. 58¹⁴ к некоторым действиям, носящим характер сознательного неисполнения гражданами СССР обязанностей военного времени, наносящего ущерб делу разгрома врага.

Как уже указывалось выше, Государственный Комитет Оборона в постановлении от 16 января 1942 г. «О сдаче трофейного имущества» обязал всех граждан, проживающих в освобожденных Красной Армией населенных пунктах, сдать в 24 часа воинским частям, органам НКВД или местным органам власти по принадлежности все брошенное противником и подобранное огнестрельное оружие, боеприпасы, противогазы и прочее военное имущество, а также имущество, принадлежащее частям Красной Армии, советским, общественным орга-

¹ «Судебная практика», вып. II, стр. 9.

низациям и частным лицам, присвоенное гражданами во время оккупации. Выше, в гл. XII, приводится содержание приказа НКЮ СССР (от 26 января 1942 г.), изданного в соответствии с этим постановлением ГКО. Как отмечалось в той же главе, здесь устанавливаются по существу новые составы преступлений (злостная неспадча или порча указанного имущества), для совершения которых не требуется прямой контрреволюционный умысел. Если отнести эти составы к группе контрреволюционных преступлений, то необходимо признать, что мы здесь имеем контрреволюционные преступления, совершаемые с эвентуальным, как правило, умыслом (не исключаются и прямой умысел и контрреволюционная цель).

Контрреволюционным преступлением не является, но в связи с контрреволюционными преступлениями может быть рассмотрен состав преступления, предусмотренный Указом 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»¹. Как известно, в Особенной части уголовных кодексов союзных республик имелся существенный пробел, заключающийся в том, что в этих кодексах не была предусмотрена ответственность за так называемый «неосторожный шпионаж», т. е. за неосторожное разглашение государственных тайн гражданскими лицами (соответствующее разглашение военных тайн военнослужащими предусмотрено ст. 193²⁵ УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик). Упомянутый Указ восполнил этот пробел, предусмотрев два состава преступления: а) разглашение должностными лицами сведений, составляющих государственную тайну, а равно утрату документов, содержащих такие сведения (лишение свободы на срок до 5 лет, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания, или лишение свободы на срок до 10 лет, если они повлекли или могли повлечь за собой тяжелые последствия) и б) разглашение частными лицами сведений, заведомо являющихся государственной тайною (лишение свободы на срок до 3 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания).

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР» от 18 ноября 1941 г.

2. Хищения социалистической собственности

Социалистическая собственность, составляющая вместе с социалистической системой хозяйства экономическую основу СССР, являлась во время войны одной из основ победы над врагом. В условиях войны еще более должна была поэтому усиливаться охрана социалистической собственности, еще решительнее должна была проводиться борьба со всеми посягательствами на нее. По этому именно пути и пошли во время войны органы советской юстиции¹.

Обобщая практику военного времени в этом вопросе, можно установить следующие специфические для этого времени тенденции:

1) усиление охраны таких видов социалистической собственности, которые имеют непосредственное значение для организации разгрома врага;

2) усиление ответственности лиц, на которых возложена охрана социалистической собственности, за хищения последней;

3) усиление ответственности должностных лиц, по вине которых был нанесен другими лицами ущерб социалистической собственности;

4) признание ряда новых обстоятельств основанием для квалификации хищений социалистической собственности по закону 7 августа 1932 г.;

5) усиление материальной ответственности расхитителей социалистической собственности.

Рассмотрим каждую из этих тенденций.

1. Некоторые виды социалистической собственности приобрели во время войны особо важное значение. Сюда относится прежде всего всякого рода и вида военное имущество.

---

¹ См. М. Исаев, Применение закона 7 августа 1932 г. в условиях военного времени, «Социалистическая законность», 1942, № 7; И. Голяков, Усилить борьбу с хищениями социалистической собственности, там же, 1942, № 2. О месте, которое занимали дела о хищениях социалистической собственности в Москве в военное время, см. В. Смирнов, Судебные органы Москвы в условиях военного времени, «Социалистическая законность», 1942, № 1.

В условиях военного времени в связи с огромной ролью транспорта и увеличившимися перевозками военное значение получило обеспечение сохранности перевозимых грузов. Это относится не только к грузам чисто военного характера, но и к перевозимым продовольственным грузам и ко всем грузам вообще¹.

По делу Юрова, Вавилова и др., осужденных за хищение из вагона путем срыва пломбы мешка манной крупы весом 80 кг по п. «г» ст. 162 УК, Пленум Верховного суда СССР указал, что при квалификации действий осужденных «суд не учел ряда обстоятельств, значительно повышающих общественную опасность совершенного ими преступления. Обвиняемые совершили хищение по сговору между собой путем срыва пломбы с вагона проходившего поезда в напряженных условиях железнодорожных перевозок и в обстановке военного времени. Именно поэтому, учитывая повышенную опасность совершенного обвиняемыми преступления, следственные органы предъявили им обвинение по закону 7 августа 1932 г. Суд же, исходя только из размера похищенного, переквалифицировал действия обвиняемых по п. «г» ст. 162 УК и определил им наказание, которое не может обеспечить успешную борьбу с хищениями на транспорте». Пленум Верховного суда СССР приговор отменил и дело передал на новое рассмотрение со стадии предания суду².

Судебная практика военного времени исключительное значение придавала охране от хищений всякого имущества железных дорог, в особенности же имущества, необходимого для правильности и безопасности движения и для охраны перевозимых грузов. Суды квалифицировали поэтому, как правило, по закону 7 августа 1932 г. расхищение снегозащитных ограждений (щитов, кольев, заборов и т. д.), хлебных щитов и др.

Усиленной охраной пользовались во время войны хлеб (зерно, мука, семенные фонды) и другие сельскохозяйственные продукты. Руководящие указания органов юстиции, посвященные борьбе с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, овощей и других сельско-

¹ См. А. Егоров, Активизировать борьбу с хищениями грузов, «Социалистическая законность», 1942, № 13—14.

² «Социалистическая законность» 1942, № 8, стр. 17.

хозяйственных продуктов, подчеркивали опасность подобных преступлений, ведущих к уменьшению ресурсов государства в условиях войны.

Такую точку зрения проводил во время войны Верховный суд СССР. Так, растрату семенного зерна он карал, как правило, не по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а по закону 7 августа 1932 г.¹

Пленум Верховного суда СССР предложил должностных лиц, виновных в разбазаривании государственного или колхозного зерна (муки) и иных продовольственных ресурсов на самогоноварение, привлекать к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса или по закону 7 августа 1932 г. в зависимости от обстоятельств дела, личности обвиняемого и размера причиненного государству материального ущерба².

Целый ряд мероприятий, направленных на защиту от преступных посягательств на сельскохозяйственную продукцию, предусматривал приказ Прокуратуры СССР от 25 июля 1944 г. В частности он предлагал привлекать к уголовной ответственности расхитителей хлеба и другой сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов вплоть до применения к виновным закона от 7 августа 1932 г. Виновных в нарушении установленных норм отчислений продуктов для выдачи авансов и на внутренние нужды колхозов приказ предлагал привлекать к ответственности как за разбазаривание хлеба. В случаях использования урожая и семенных продуктов не по назначению лица, побуждающие к этому, должны были привлекаться к ответственности по ст. 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик³.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об уборке урожая и зерновых сельскохозяйственных продуктов в

¹ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 11 апреля 1942 г. по делу Гладышева («Судебная практика», вып. 1, стр. 10). Согласно другому определению той же коллегии, систематическое, по сговору, расхищение хлеба должно квалифицироваться не по п. «д» ст. 162 УК, а по закону 7 августа 1932 г. (определение от 7 марта 1942 г. по делу Епифанова и Захарова, «Социалистическая законность», 1942, № 10, стр. 29—30).

² «Судебная практика», вып. III, стр. 3.

³ См. «Социалистическая законность», 1944, № 7—8, стр. 43.

1944 г.» устанавливает, что расхищение зерна и другой колхозной и совхозной продукции является тягчайшим преступлением и требует сурового наказания расхитителей хлеба.

В условиях войны оказалось необходимым подчеркнуть всю опасность хищений горючего. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. установил за хищение горючего в МТС и колхозах наказание в виде тюремного заключения на срок от 3 до 5 лет¹.

2. Еще до войны Пленум Верховного суда СССР указал в постановлении от 25 декабря 1939 г., что лица, ответственные за сохранение государственного или общественного имущества, должны нести повышенную ответственность за хищение ими этого имущества. Это положение с особой последовательностью проводилось в судебной практике военного времени. Так, например, по делу Уткина, работавшего стрелком охраны на Мясокомбинате и похитившего из охраняемого им склада 72 килограмма окороков, преступление его было переквалифицировано Верховным судом РСФСР с закона 7 августа 1932 г. на п. «д» ст. 162 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала: «Уткин, на которого была возложена охрана склада, в условиях военного времени занимался систематическим хищением мясопродуктов из склада. Преступление его по закону от 7 августа 1932 г. было квалифицировано правильно и к переквалификации его на п. «д» ст. 162 УК РСФСР... не было оснований»².

¹ Директора МТС и совхозов, заведующие нефтебазами, механики и бригадиры тракторных бригад за использование горючего и масла не по назначению привлекались к ответственности по ст. 109 УК, заведующие нефтебазами МТС и совхозов, учетчики-заправщики МТС и колхозники-возчики за недостачу горючего, находящегося на нефтебазах, а также хранящегося в тракторных бригадах, при недостаче горючего при перевозках, если в их действиях имеется состав преступления — по ст. ст. 109 и 111, директора МТС и совхозов за бесхозяйственное хранение и расходование горючего и масел и за уклонение от предания суду лиц, виновных в расхищении нефтепродуктов, — по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

² «Судебная практика», вып. II, стр. 10; см. также постановление Пленума Верховного суда СССР в «Социалистической законности», 1942, № 3.

Во время войны суды сурово карали лиц, которым была вверена охрана эвакуированного государственного и общественного имущества и которые это имущество расхищали¹.

3. Еще практика довоенного времени знала квалификацию преступных действий должностных лиц, расхитивших социалистическую собственность, разбазаривших ее, нанесших государству крупный имущественный ущерб и т. д., — не по статьям о должностных или иных преступлениях, а по закону 7 августа 1932 г. Во время войны вместе с общим усилением ответственности должностных лиц за преступные действия, связанные с их служебными обязанностями, выросла и их ответственность за преступления, наносящие ущерб социалистической собственности.

Так, например, при проверке в подготовительных заседаниях полноты и правильности расследования дел стало уделяться особое внимание вопросам, связанным с выявлением источников приобретения предметов спекуляции, и должностные лица, виновные в этих преступлениях, привлекались к ответственности по закону 7 августа 1932 г. или соответствующим статьям Уголовного кодекса².

4. В условиях военного времени некоторые новые обстоятельства были признаны основанием квалификации хищений социалистической собственности по закону 7 августа. Так, меньший, чем до войны, размер похищенного и совершение хищения повторно могли являться основанием для применения закона 7 августа 1932 г. Несколько железнодорожников, в два приема похитивших из цистерны 4 ведра спирта, линейный суд приговорил по закону 7 августа 1932 г. Приговор был утвержден. Выросла ответственность организаторов хище-

---

¹ Из нескольких колхозов Бронницкого района был эвакуирован скот за пределы Московской области. Ответственный за эвакуацию скота Воробьев продал по пути следования 20 овец, 7 телок, 2 коров и 2 нетелей, а вырученные деньги присвоил и пропил. Воробьев был осужден по закону 7 августа. (Апенин, статья в журнале «Социалистическая законность», 1942, № 9, стр. 21).

² О других случаях ответственности должностных лиц за нанесение ущерба социалистической собственности см. ниже, в разделе о должностных преступлениях.

ний социалистической собственности. Они приговаривались наравне с исполнителями по закону 7 августа 1932 г. Усилилась и ответственность попустителей хищения социалистической собственности, — они стали рассматриваться как пособники хищения.

Пленум Верховного суда СССР признал возможной квалификацию по закону 7 августа 1932 г. незаконного получения продуктов, хотя бы за плату, путем сокрытия этих продуктов от того государственного органа, которому они должны были быть переданы¹.

5. Во время войны по-новому был поставлен вопрос о возмещении ущерба, нанесенного расхитителями социалистической собственности государственным, кооперативным и общественным учреждениям, предприятиям и организациям. Не касаясь вопроса о юридической природе той формы присуждения с расхитителей социалистической собственности причиненного ими ущерба, какую она приняла во время войны, нельзя отрицать, что фактически она означает значительное усиление репрессии за хищение социалистической собственности. Такое значение имеет упоминавшееся выше постановление о взыскании с виновных в расхищении социалистической собственности стоимости похищенных или недостающих продовольственных товаров по рыночным ценам, а промышленных товаров по коммерческим ценам в пятикратном размере². Такое

---

¹ «Судебная практика», вып. 1/VII, стр. 7.

² А. Юрашкевич в статье «Возмещение ущерба, причиненного при хищении или разбазаривании социалистической собственности» («Социалистическая законность», 1944, № 3—4) доказывает, что такое возмещение ущерба является не мерой наказания, а обстоятельством, возникшим из причинения вреда. Против этой точки зрения говорит то, что речь идет здесь не о возмещении по принципу соответствия присуждаемой суммы действительному ущербу, как этого требует ст. 403 ГК, а в кратном размере причиненного ущерба, что придает указанной обязанности штрафной характер. Опасения автора, что при ином толковании осужденный с применением прим. 2 к ст. 28 УК должен освобождаться от обязанности возмещения ущерба, неосновательны. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 23 апреля 1944 г. дало судам право (но не обязало их), «исходя из конкретных обстоятельств дела», приостанавливать также взыскание сумм, присужденных в возмещение причиненного ущерба.

же значение имеют постановление СНК СССР от 9 января 1944 г. «О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам», и постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. «О мерах по увеличению поголовья лошадей, улучшения за ними ухода и содержания в колхозах и совхозах». Согласно первому постановлению, сумма убытков за крупный рогатый скот, свиней, овец и коз, погибших по вине отдельных лиц, должна определяться не по рыночным ценам, а в размере трехкратной стоимости скота по предельно-закупочным ценам, а в отношении убытков за гибель племенного скота — в размере трехкратной стоимости скота по ценам за племенной скот. Второе постановление возлагает на лиц, виновных в гибели лошадей, помимо уголовной ответственности, обязанность возместить ущерб в размере трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам¹.

3. Преступления, особо опасные против порядка управления

Среди преступлений, особо опасных против порядка управления, наибольшее применение во время войны получила упоминавшаяся уже выше, в гл. XII, ст. 59⁶ УК РСФСР (и соответствующие статьи УК других союзных республик), рассчитанная только на действие во время войны, — статья, которую называли иногда «законом военного времени».

Ст. 59⁶ — одна из восьми статей УК, предназначенных только для военного времени.

Двадцать лет тому назад в совершенно иной политической обстановке составлялся проект ныне действующего Уголовного кодекса РСФСР. Представления того времени о характере возможной войны, о соотношении фронта и тыла в грядущей войне, о роли тыла во время войны были естественно глубоко отличными от действительности в условиях Отечественной войны. Неудиви-

---

¹ П. Орловский, Некоторые вопросы судебной практики по делам о возмещении вреда в условиях Отечественной войны. «Социалистическая законность», 1944, № 3—4, стр. 22 и след.

тельно поэтому, что действующие нормы уголовных кодексов союзных республик, рассчитанные на условия военного времени в 1926 г., потребовали через 15 лет значительных коррективов.

Наиболее жизненной из таких норм и получившей наибольшее применение явилась ст. 59⁶ УК. Однако в практике применения этой статьи оказался необходимым ряд коррективов, значительно изменивших и самый ее характер и круг охватываемых ею действий.

После вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР судам пришлось столкнуться с делами о невыполнении отдельными лицами повинностей.

Не имея еще в своем распоряжении никаких руководящих указаний по этому вопросу, суды, естественно, обратились к единственной статье УК, говорящей о невыполнении повинностей во время войны, т. е. к ст. 59⁶, и в первые месяцы войны во всех почти случаях невыполнения повинностей, независимо от их характера, применялась эта статья. Изредка отдельные суды квалифицировали невыполнение повинностей по ст. ст. 60 и 61 УК.

В первые месяцы войны суды настолько широко толковали диспозицию ст. 59⁶, что возникла необходимость ввести ограничительные признаки, суживающие область ее применения. 11 августа 1941 г. НКЮ СССР разъяснил, что ст. 59⁶ и соответствующие статьи УК других союзных республик могут применяться при злостном отказе или уклонении от внесения налогов или выполнения повинностей и общегосударственных заданий. Понятие злостности при этом не расшифровывалось. Установление наличия или отсутствия злостности предоставлялось усмотрению суда.

Суммируя практику судов за первые военные месяцы по делам о невыполнении повинностей, приходится сделать вывод, что ст. 59⁶ выполняла, как правило, в течение ряда месяцев роль общей нормы для всех случаев невыполнения повинностей.

Однако вскоре обнаружилась тенденция, отнюдь не отрицавшая того обстоятельства, что неисполнение повинности в военное время более опасно, чем такое же невыполнение в мирное время, но шедшая по линии сужения области применения ст. 59⁶, хотя и по другим основаниям.

Для того, однако, чтобы понять эту вторую тенденцию, необходимо сделать краткий экскурс в историю ст. 59⁶. Статья эта и соответствующие статьи УК других союзных республик буквально воспроизводят ст. 21 Положения о преступлениях государственных 1927 г.

Широко обрисованная диспозиция в ст. 59⁶ и столь же широкие рамки санкции за ее нарушение (вплоть до расстрела при особо отягчающих обстоятельствах) могут быть объяснены политической обстановкой эпохи введения этой статьи. 1927 год приходится на первую фазу развития социалистического государства, когда во всей силе и остроте стояла задача подавления свергнутых классов внутри страны и когда усиливало свое сопротивление еще не ликвидированное в то время кулачество.

Естественно, что законодательство, уже в 1927 г. считавшееся с возможностью военного нападения на СССР со стороны агрессоров, должно было учесть, что кулацко-капиталистические элементы облекут в случае начала войны свое сопротивление советской власти в числе других форм также и в форму отказа или уклонения от выполнения различных повинностей. Именно эти враждебные элементы и возможность именно такой формы их сопротивления мог главным образом иметь в виду законодатель в 1927 г., вводя ст. 59⁶ в число особо опасных для Союза ССР преступлений против порядка управления, т. е. преступлений государственных. Об этом свидетельствует и суровая санкция этой статьи.

В иных политических условиях пришлось советским судам применять теперь ст. 59⁶. В СССР уже «отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого»¹. Нет уже тех кулацко-капиталистических элементов, на которых была главным образом рассчитана ст. 59⁶. Не они являются нарушителями повинностей, ибо их нет уже, — и не угроза уголовной репрессией, а высокое морально-политическое единство народов СССР и их пламенный патриотизм обеспечивают выполнение гражданами СССР их повинностей.

При таких условиях ст. 59⁶ с ее суровой репрессией не могла в условиях Отечественной войны оставаться

---

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

общей нормой для всех случаев невыполнения повинностей. Она могла применяться к отдельным сохранившимся еще представителям разгромленных враждебных классов или к случаям злого невыполнения повинностей отдельными отсталыми, несознательными трудящимися. Надо было поэтому дифференцировать различные виды такого невыполнения и, в зависимости от их характера, применять наказания большей или меньшей тяжести. В отдельных случаях невыполнения повинностей могло даже вовсе не потребоваться уголовного наказания, а достаточно было взыскания в административном порядке.

Вот почему еще в первом военном году стала обнаруживаться другая тенденция: законодатель не довольствуется ст. 59⁶, а становится на путь конкретизации невыполнения отдельных повинностей и дифференциации в каждом отдельном случае характера государственного принуждения (административное взыскание или уголовное наказание) и степени его тяжести (исправительно-трудовые работы или лишение свободы, разные сроки той и другой меры).

Тенденция эта по существу проявилась в первый же день Отечественной войны. Указ «О военном положении» от 22 июня 1941 г. предоставил военным властям право устанавливать в местностях, объявленных на военном положении, военно-квартирную, трудовую, автогужевую и транспортную повинности (п. «а», «б», «в», и «г» ст. 3). За невыполнение этих повинностей военные власти могли устанавливать наказание в административном порядке в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3000 рублей (п. «а» ст. 4).

Указ от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» за уклонение от такой мобилизации установил наказание — исправительно-трудовые работы на срок до одного года. Иными словами, этот Указ, выделив один определенный вид невыполнения повинности, назначил за такое невыполнение наказание, резко отличающееся от санкции статьи 59⁶.¹

---

¹ Учебник ВИУН, Уголовное право, часть Особенная (изд. 3-е, 1943) относит этот и аналогичные составы преступлений

Эта линия законодательной политики продолжается и в постановлениях СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозах, совхозах и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» и «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой». Санкция и по этим постановлениям резко отклоняется от санкции ст. 59⁶, а именно: исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев.

По пути конкретизации отдельных видов невыполнения повинностей пошел и Верховный суд СССР. Если в одних случаях он постановляет о квалификации невыполнения повинностей по ст. 59⁶, то в других он дифференцирует квалификацию в зависимости от характера невыполненной повинности. Как уже указывалось выше (гл. XII), в первые месяцы войны Верховный суд СССР квалифицирует по ст. 59⁶ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик нарушение правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне (постановление от 26 июня 1941 г.)¹, уклонение от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств (постановление 14 июля 1941 г.)², уклонение от сдачи призматических биноклей (постановление от 22 сентября 1941 г.)³ и др. Однако Верховный суд СССР дифференцирует квалификацию отдельных случаев нарушения гражданами СССР их обязанностей во время войны. Так, например, уклонение граждан от всеобщего обязательного обучения военному делу Пленум Верховного суда СССР предложил квалифицировать по ст. 69 УК⁴ и т. д.

к группе: «Преступления, посягающие на трудовую дисциплину». С точки зрения системы Особенной части, принятой учебником, это правильно. Но и с этой точки зрения возбуждает сомнение определение объекта этого и аналогичных преступлений: «трудовая дисциплина граждан СССР». Поскольку эти и аналогичные составы введены только на военное время и задачей своей имеют укрепление обороны СССР, объектом их следует считать интересы обороны СССР. К преступлениям против обороны СССР относит рассматриваемое преступление и В. Меньшагин в его работе «Преступления против обороны СССР», 1946, стр. 74.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда Союза ССР, от 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г., стр. 3.

² Там же, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 7—8.

Если суммировать положение, создавшееся в результате проведенных указов и постановлений Пленума Верховного суда СССР, то окажется, что область применения ст. 59⁶ сузилась. Статья эта перестала быть общей универсальной нормой. Она стала статьей субсидиарной, т. е. статьей, которая может применяться в случаях, когда имеет место такое невыполнение повинностей, которое специально не предусмотрено особым законодательным актом, постановлением Верховного суда СССР или разъяснением Наркомюста СССР.

Это не исключает того, что ст. 59⁶ оставалась сильным и эффективным средством борьбы за точное, своевременное и полное выполнение гражданами СССР их повинностей. Но она применялась только в случаях особо злостного невыполнения, когда требовался меткий и эффективный удар по преступникам, и притом тогда, когда отсутствовала специальная норма, предусматривавшая данный вид невыполнения.

Можно, таким образом, все случаи невыполнения гражданами их повинностей разбить с точки зрения ответственности на три основные группы: а) невыполнение, влекущее за собою ответственность в административном порядке; б) невыполнение, влекущее уголовную ответственность на основании специальных указов, постановлений Пленума Верховного суда СССР или разъяснений НКЮ СССР и в) невыполнение, влекущее ответственность по ст. 59⁶ УК.

Объективная сторона преступления, предусматриваемого ст. 59⁶, состоит в отказе или уклонении от выполнения какой-либо военной повинности. Статья говорит не о «невыполнении», а об «отказе или уклонении» от выполнения. Практике не удалось провести четкого различия между понятиями «отказа» и «уклонения». Можно было бы, правда, считать, что «отказ» это есть прямое заявление обязанного, что он отказывается выполнить данную повинность. Уклонение же — это фактическое невыполнение повинности. Но для такого разграничения практика не дала оснований. Предоставляется поэтому более правильным говорить не об «отказе» или «уклонении», а «невыполнении повинностей»¹.

---

¹ Не только практическое, но и теоретическое значение имеет вопрос о содержании понятия повинности. С этой точки зрения

Говоря о субъективной стороне этого преступления, следует согласиться с авторами учебника ВИЮН — Уголовное право, Особенная часть, — которые считают, что

интерес представляет упоминавшееся выше, в гл. XII, определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 8 июля 1942 г. Определение, как мы видели, указало, что «в отношении индивидуального лица повинность может быть определена как обязанностями гражданина выполнить личным трудом или личными средствами обязательство, возложенное государством на всех или на определенные группы граждан (трудовая повинность, воинская обязанность и т. п.). С этой точки зрения повинность предполагает обязательство общегосударственного характера, не связанное с обычной производственной деятельностью данного лица и возлагаемое не только на данное конкретное лицо, но и на всех или определенные группы граждан, как бы они ни отличались по характеру их производственной деятельности или по иным индивидуальным свойствам».

Таково понятие повинности индивидуального лица в смысле ст. 59⁶. Но повинности в этом смысле могут лежать и на учреждениях и предприятиях. Определение Судебной коллегии считает, что эти же соображения применимы к понятию повинности и в отношении учреждений или предприятий. И в данном случае речь может идти об общегосударственном обязательстве, не связанном с производственной деятельностью данного учреждения или предприятия. Так, военно-транспортная повинность, о которой, например, говорится и в ст. 59⁶ УК, обязывает любое учреждение или предприятие, владеющее средствами автотранспорта, выделить в условиях военного времени для нужд обороны часть своих автотранспортных средств независимо от специального назначения данного учреждения или предприятия, если только оно не освобождено от этой повинности в силу особого закона или иного законного основания («Судебная практика», вып. I, стр. 19).

Установление понятия повинности (в смысле ст. 59⁶ УК) учреждения или предприятия представлялось важным для решения вопроса, могут ли привлекаться к ответственности по ст. 59⁶ должностные лица, виновные в невыполнении заданий, которые завод должен был осуществить в силу обычных своих производственных функций. Вопрос этот, решавшийся по-разному в практике, легко разрешался с точки зрения приведенных определений понятия повинности. Нельзя не согласиться с утверждением того же определения Судебной коллегии по уголовным делам: «С этой точки зрения выполнение учреждением или предприятием возложенных на них служебных или производственных функций, для которых они созданы, не может рассматриваться как выполнение государственной повинности в юридическом значении этого слова, а отказ или уклонение должностного лица от выполнения этих функций не может рассматриваться как отказ или уклонение от выполнения государственной повинности. Иная точка зрения привела бы к нелепому положению, при котором было бы сведено к нулю применение соответствующих статей УК о должностных престу-

преступления, предусмотренные в ст. 59⁶, предполагают как умысел, так и неосторожность¹.

Практика показала, что возможны случаи злостного невыполнения военных обязанностей при наличии вины неосторожной. Например, лицо систематически по злостной небрежности нарушает правила светомаскировки, хотя ему неоднократно указывалось на всю важность более внимательного отношения к соблюдению этих правил.

Встал далее вопрос: сохраняют ли ст.ст. 60 и 62 свое действие в условиях военного времени или же они полностью уступают во время войны свое место ст. 59⁶? Практика судов в этом вопросе не отличалась единообразием. Постановлений Пленума Верховного суда по этому вопросу не имелось².

плениях, так как любой акт злоупотребления служебным положением или халатности мог бы толковаться как невыполнение государственной повинности и караться по ст. 61 УК в условиях мирного времени и по ст. 59⁶ в условиях военного времени».

¹ Уголовное право, Особенная часть, изд. 3-е, 1943, стр. 127. Во втором издании того же учебника утверждалось, что рассматриваемое преступление может быть совершено только умышленно (стр. 146). Согласно Постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 февраля 1943 г. для применения ст. 59⁶ требуется умысел; см. «Судебная практика», вып. IV, стр. 9—10. Так же и Меньшагин, указ. соч., стр. 90—91.

² Против применения во время войны ст.ст. 60 и 62 говорит то, что по своему содержанию ст. 59⁶, с одной стороны, и 60 и 62 — с другой, адекватны. С этой точки зрения ст.ст. 60 и 62 — это нормы мирного времени, а ст. 59⁶ — это корреспондирующая им норма военного времени. Применение ст. 59⁶ исключает применение ст.ст. 60 и 62 и наоборот. Это мнение подкрепляется тем, что невыполнение повинностей не вызывает в легких случаях необходимости в уголовной репрессии, а в более тяжелых требует не массовой репрессии, а отдельных метких и сильных ударов, эффективных с точки зрения как общего, так и частного предупреждения. А такие удары по злостным невыполнителям повинностей обеспечивает ст. 59⁶. Особенностью ст. 61 (о ней, главным образом идет речь) является ее общий характер. Это такая же бланкетная статья, как и ст. 59⁶. Оставление в силе ст. 61 привело бы к ослаблению стабильности карательной политики по делам о невыполнении повинностей. Одни суды усматривали бы в невыполнении той или другой военной обязанности нарушение ст. 61, другие — ст. 59⁶. Ссылка на то, что ст. 59⁶ предусматривает злостное невыполнение повинностей, а ст. 61 — невыполнение, лишённое злостности, неубедительна, так как при отсутствии злостности нет нужды в уголовном наказании, а достаточно административного взыскания. Наконец, в отношении ст.ст. 60 и 62 речь идет

Усилили в условиях военного времени свое значение ст. 59^{зв} УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик, ставшие мощным средством в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины на транспорте. Огромной, исключительно возросшей во время войны роли четкой и бесперебойной работы транспорта соответствовал рост опасности даже малейших нарушений трудовой дисциплины на транспорте. Не могли не измениться поэтому условия, дающие основание суду для применения ст. 59^{зв}. Анализ судебной практики по делам о применении этой статьи показал, что суды в условиях военного времени стали в ряде случаев применять эту статью и тогда, когда в аналогичных случаях, но в условиях мирного времени они находили возможным ограничиться дисциплинарным взысканием¹.

Ст. 59^{зв} УК была, в частности, использована во время войны для борьбы с прогулами по неуважительным причинам и с самовольным уходом с работы со стороны работников транспорта. До войны такие действия преследовались как известно, по Указу 26 июня 1940 г. Во время войны санкции ст. 5 этого Указа оказались не соответствующими той опасности, которую приобрели эти действия на транспорте.

В постановлении от 13 ноября 1943 г. Пленум Верховного суда СССР исходил из положения, которым он руководствовался впоследствии в ряде постановлений, вынесенных по делам о преступлениях работников транс-

---

только о второй и третьей их частях (первые части обеих статей устанавливают административную ответственность). Между тем эти части явно не соответствуют по своему содержанию условиям Отечественной войны, так как имеют в виду главным образом кулацкое сопротивление. Об этом свидетельствуют и самый текст этих частей, и время принятия статей в их последней редакции, а именно 1930 и 1931 годы — годы наступления против капиталистических элементов, годы ликвидации кулачества как класса и бешеного сопротивления со стороны кулаков, выражавшегося, в частности, в уклонении от платежа налогов и выполнения государственных заданий.

¹ О применении ст. 59^{зв} во время войны см. статью М. Исаева в «Социалистической законности», 1942, № 1, стр. 19. Проф. Исаев считает, в частности, допустимым применение ч. 2 ст. 59^{зв} не только при умышленном нарушении трудовой дисциплины на транспорте, но и при нарушении ее по небрежности, при условии, конечно, наступления особо тяжких последствий, предвидеть которые мог и должен был виновный.

порта. «В условиях Отечественной войны, — говорится в постановлении, — которую весь советский народ ведет с наглыми фашистскими захватчиками, четкая и бесперебойная работа транспорта имеет первостепенное значение. В этих условиях судебные органы обязаны вести суровую борьбу с лодырями, разгильдяями и иными нарушителями трудовой дисциплины на железнодорожном и водном транспорте, препятствующими своим преступным отношением к возложенным на них обязанностям осуществлению важнейших задач, поставленных перед транспортом».

Одним из средств такой борьбы и явилась ст. 59^{3а}. В том же постановлении Пленум Верховного суда СССР указал, что прогул без уважительных причин и самовольный уход с работы, а также появление в нетрезвом виде на работе работника транспорта, если это нарушение трудовой дисциплины повлекло или могло повлечь последствия, указанные в ст. 59^{3а}, должны квалифицироваться по этой статье, а не по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.¹ Это положение оставалось в силе до издания 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах».

В постановлении от 22 октября 1942 г. Пленум Верховного суда распространил действие ст. 59^{3а} на нарушения порядка несения службы работниками военизированной охраны железнодорожного и водного транспорта. Речь шла и в этом случае о таких нарушениях, которые повлекли или могли повлечь последствия, указанные в ст. 59^{3а}².

Ст. 59^{3а} не потеряла своей силы в отношении работников железнодорожного и водного транспорта и после Указа от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» и Указа 9 мая 1943 г., распространившего Указ 15 апреля 1943 г. на Наркомморфлот, Наркомречфлот и Главное управление Северного морского пути при СНК СССР.

---

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР с 23 июня 1940 г. по 1 марта 1942 г. стр. 9. См. также постановление по делу Мирошкина от 28 января 1943 г. в «Судебной практике», вып. IV, стр. 7—8.

² «Судебная практика», вып. II, стр. 6—7.

По ст. 59^{3а} РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик квалифицировалось халатное отношение работников железнодорожного транспорта к исполнению служебных обязанностей (нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути и т. п.), которое повлекло или могло повлечь крушение или аварию, срыв выполнения задания по перевозкам и т. п. или иные нарушения правильности и безопасности движения¹.

Так же квалифицировались соответствующие действия работников морского и речного транспорта.

Как уже указывалось в нашей литературе, по ст. 59^{3а} должна квалифицироваться самовольная отлучка работников транспорта продолжительностью до двух часов, если она повлекла или могла повлечь последствия, предусмотренные этой статьей².

Во время войны был установлен ряд новых составов преступлений, которые теория уголовного права относит к группе преступлений, особо опасных против порядка управления.

Первым по времени установления таким составом преступления является распространение во время войны ложных слухов, вызывающих тревогу среди населения (Указ 6 июля 1941 г.³). Это преступление карается тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если соответствующие действия по своему характеру не влекут за собою более тяжкого наказания⁴.

Указ 6 июля 1941 г., установивший этот состав преступления, претворил в жизнь указание товарища Сталина: «Мы должны организовать беспощадную борьбу

---

¹ Лица начальствующего состава железнодорожного транспорта за злоупотребления властью, превышение власти, бездействие власти, а также за халатное отношение к службе, не содержащее признаков ст. 59^{3а}, несли ответственность по ст. 193¹⁷ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

² См. учебник Уголовное право, Особенная часть, изд. 3-е, стр. 122.

³ См. статью Б. Утевского, Уголовная ответственность за распространение ложных слухов, «Социалистическая законность», 1941, стр. 12.

⁴ См. юридический анализ этого преступления в учебнике Уголовное право, Особенная часть, изд. 3-е, стр. 132—133.

со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов...»¹.

В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. товарищ Сталин указал, что мы должны «обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов»². В докладе 6 ноября 1941 г. товарищ Сталин сказал: «Существует только одно средство, необходимое для того, чтобы свести к нулю превосходство немцев в танках и тем коренным образом улучшить положение нашей армии. Оно, это средство, состоит не только в том, чтобы увеличить в несколько раз производство танков в нашей стране, но также и в том, чтобы резко увеличить производство противотанковых самолетов, противотанковых ружей и орудий, противотанковых гранат и минометов...»³.

Для разрешения этой задачи необходимо было прежде всего обеспечить железную дисциплину на предприятиях оборонной промышленности. Задача увеличения производства продукции на этих предприятиях и дальнейшего усиления снабжения нашей армии всеми видами вооружения потребовала безусловного закрепления рабочих и служащих на предприятиях военной промышленности. С целью полной ликвидации самовольных уходов рабочих и служащих этих предприятий и усиления ответственности рабочих и служащих, работающих на военных заводах, был издан, как уже указывалось, 26 декабря 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Указ этот признал всех рабочих и служащих, мужского и женского пола, предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации, мобилизованными и закрепленными для постоянной работы за теми предприятиями, на которых они работают. Самовольный уход ра-

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 14.

² И. Сталин, там же.

³ Там же, стр. 24.

бочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности, в том числе эвакуированных, Указ рассматривал как дезертирство и карал тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет¹.

Как указывалось в предыдущей главе настоящей работы, 28 января 1942 г. были опубликованы новые правила учета и передвижения военнообязанных и призывников. Правила содержали указание, что военнообязанные и призывники, уклоняющиеся от воинского учета, а также лица, содействующие этому (пособничество уклонению), привлекаются к уголовной ответственности по ст. 193^{10а} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик². Практика считала возможным осуждение за нарушение правил учета по этим статьям лишь при наличии умысла на уклонение от учета.

---

¹ Указ 26 декабря 1941 г. был распространен Указом от 11 июня 1942 г. на рабочих и служащих предприятий угольной промышленности, Указом 1 июля 1942 г. — на рабочих и служащих предприятий нефтяной промышленности и более поздними указами — на рабочих и служащих некоторых других отраслей промышленности. Указ Президиума Верховного Совета СССР 29 октября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах» перевел на положение мобилизованных всех рабочих и служащих и инженерно-технических работников мужского и женского пола, работавших в государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, и закрепил их за теми предприятиями и учреждениями, в которых они работали (п. I). Самовольный уход лиц указанных категорий Указ рассматривал как дезертирство и карал их, согласно Указу 26 декабря 1941 г., тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. Об этом указе см. подробно у В. Меньшагина, указ. соч., стр. 97.

Пленум Верховного суда СССР постановил 12 ноября 1941 г., что третий прогул без уважительных причин, совершенный во время отбывания наказания по совокупности за предыдущие прогулы лицом, подпадающим под действие Указа от 26 декабря 1941 г. или последующих указов, распространяющих действие этого Указа, следует квалифицировать по Указу от 26 декабря 1941 г. с назначением наказания, установленного этим Указом. Пленум Верховного суда СССР признал, что самовольный уход с одного предприятия на другое, хотя бы и оборонное, общественно-опасен и должен сурово караться как самовольный уход (см. «Социалистическая законность», 1944, № 9—10, стр. 42).

² «Известия» от 28 января 1942 г. Юридический анализ этих правил см. учебник Уголовное право, Особенная часть, изд. 3-е, стр. 131—132, а также у В. Меньшагина, указ. соч., стр. 41.

Во время войны суды встретились с новой формой подделки документов, а именно — с подделкой пропусков на право въезда в местности, объявленные на особом режиме. Судебная коллегия Верховного суда СССР признала, что подделка таких пропусков должна быть приравнена к подделке паспортов и в соответствии с постановлением 50 Пленума Верховного суда СССР от 21 марта 1935 г. эти действия подлежат квалификации по 1 ч. ст. 59⁸ РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик¹.

4. Имущественные преступления

Имущественные преступления, направленные против личной собственности граждан, не должны были, казалось бы, усилить свою опасность в связи с условиями военного времени. Имущественные преступления, можно было полагать, это преступления, в основном бытовые, не связанные непосредственно или косвенно с интересами фронта, а поэтому вряд ли они смогут вызвать во время войны какие-либо изменения в судебной практике.

Эти предположения оказались правильными в отношении большей части имущественных преступлений, и лишь в отношении двух групп имущественных преступлений действительность обнаружила иные тенденции. К этим двум группам преступлений относятся хищения личной собственности граждан и истребление или повреждение некоторых видов имущества, в сохранности которых заинтересовано социалистическое государство, независимо от того, кому это имущество принадлежит.

Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г., составленный за 10 лет до издания Сталинской Конституции, не мог, естественно, дать личной собственности граждан той охраны, которой она пользуется в настоящее время в силу ст. 10 Конституции. Несоответствие с этой точки зрения ст. 162 УК РСФСР давно уже назревшей потребности усиления охраны личной собственности особенно отчетливо выявилось во время войны. Напряженная работа людей тыла на помощь фронту требовала уверенно-

---

¹ «Судебная практика», вып. II, стр. 6.

сти в том, что их личное имущество получит надлежащую охрану от всяких преступных на нее посягательств. Это было тем более необходимо, что в условиях военного времени создавались нередко такие положения, которые облегчали преступным элементам возможность хищений личного имущества граждан (налеты вражеской авиации, эвакуация и др.).

Судебная практика военного времени значительно повысила охрану личной собственности¹. Это повышение шло двумя путями. Первый из них шел по линии общего усиления репрессии за наиболее распространенные виды кражи, предусмотренные пп. «а», «б» и «в» ст. 162 УК. Недостаточность охраны, предоставляемой этими пунктами личной собственности граждан, вытекала из того положения, что все они предусматривают в качестве наказания лишение свободы на сроки до одного года. В силу же того, что ст. 28 УК в редакции 20 мая 1930 г. допускает лишение свободы на срок только от одного года, лишение свободы за кражи, предусмотренные в пп. «а», «б» и «в», должно было заменяться исправительно-трудовыми работами на те же сроки, что явно не обеспечивало успешности борьбы с кражами личного имущества трудящихся.

Пленум Верховного суда СССР постановлением от 13 апреля 1944 г. в значительной мере устранил это ненормальное положение, указав, что по делам о краже личного имущества граждан лишение свободы может назначаться на сроки и до одного года. Как уже указывалось в предыдущей главе, основание для этого Пленум усматривает в ст. 18 Основных начал, предусматривающей возможность применения лишения свободы на срок до одного года².

Другим способом повышения охраны личной собственности было усиление репрессии по отдельным видам кражи, как встречающимся в условиях мирного, так и появившимся только в условиях военного времени.

К первому виду таких краж относятся кражи в местах общественного пользования. Пункт

---

¹ См. И. Исаев, Усилить борьбу с кражами личного имущества граждан СССР, «Социалистическая законность», 1942, № 3.

² «Судебная практика», вып. V (XI), стр. 3.

«в» ст. 162 УК считает квалифицированной кражу, совершенную на вокзалах, на пристанях, пароходах, в вагонах и в гостиницах. Практика считала этот перечень исчерпывающим. В результате такого толкования создавалось ненормальное положение, при котором кражи в таких местах общественного пользования, как театр, кино, столовые, рынок и т. д., почему-то наказывались значительно легче, чем кражи в местах общественного пользования, перечисленных в п. «в» ст. 162. Идя навстречу давно назревшей потребности, Пленум Верховного суда СССР во время войны указал, что кража личного имущества, совершенная, например, в столовой, магазине или театре, представляет собою не меньшую опасность, чем кража в местах, перечисленных в п. «в» ст. 162. В постановлении от 16 мая 1943 г. Пленум предложил поэтому судам квалифицировать применительно к пункту «в» ст. 162 и соответствующими статьями УК других союзных республик кражу личного имущества, совершенную в любых местах общественного пользования¹.

К числу краж, которые могут иметь место и в мирное и в военное время, относится кража одежды с прикрепленным к ней орденом, медалью, нагрудным знаком. Лица, совершившие такие кражи, а также лица, обнаружившие среди похищенных ими вещей орден, медаль или нагрудный знак и присвоившие их, привлекаются к ответственности как за кражу, так и по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»².

Пленум Верховного суда СССР усилил во время войны ответственность за хищение молодняка крупного скота (жеребят, телят и др.), предложив судам, в изменение своего постановления от 8 мая 1941 г., квалифицировать такие хищения по ст. 166 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

¹ «Судебная практика», вып. V, стр. 2—3.

² Ст. 2 этого Указа предусматривает присвоение ордена, медали или нагрудного знака.

К видам краж, появившимся только в условиях войны, относится, прежде всего, кража имущества граждан во время воздушных налетов врага, при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, а также кража личного имущества эвакуированных как в пути, так и оставленных в прежнем месте жительства.

Как уже указывалось выше, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 8 января 1942 г. признал, что такие кражи являются кражами с отягчающими обстоятельствами, по своему характеру и по повышенной опасности подпадают под признаки кражи, совершенной во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия, и должны поэтому квалифицироваться по п. «г» ст. 162 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Если подобные кражи совершены группой лиц, либо совершены неоднократно или лицами, ранее судившимися за кражи, а также при особо отягчающих обстоятельствах, они должны квалифицироваться как бандитизм по ст. 59³ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик¹.

Специфическим для военного времени видом хищений личного имущества граждан явилось также хищение продовольственных и промтоварных карточек. Этот вид хищения представлялся особо злостным с двух точек зрения: с точки зрения возможности дезорганизации важнейшего государственного дела снабжения населения и с точки зрения тех лишений, которые подобные хищения приносят потерпевшему. С целью усиления репрессии за такие хищения Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 26 июня 1942 г. предложил квалифицировать их по статье Уголовного

---

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г., стр. 10—11.

М. М. Исаев в упоминавшейся выше статье «Усилить борьбу с кражами личного имущества граждан СССР» правильно указывает, что хотя постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. говорит о краже, но нет никаких сомнений, что оно должно применяться и к грабежу, если последний совершен с использованием условий военного времени.

кодекса, предусматривающей соответствующий вид хищения (кража, грабеж, разбой), и по 2 ч. ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик¹. Эту квалификацию Пленум обосновывает следующим образом: «Лицо, похищающее продовольственные или промтоварные карточки, ставит себе целью не только обращение в свою собственность самих карточек, которые не представляют собою почти никакой материальной ценности, но, главным образом, незаконное приобретение для себя или иных лиц таким путем принадлежащего права на покупку тех или иных товаров по этим карточкам. Поэтому в данном случае хищение является лишь средством для получения имущественной выгоды путем обмана должностных лиц, продающих по карточкам товары и рассчитывающих, что покупатель является законным владельцем карточки. При этих условиях хищение карточек представляет собою совокупность двух преступлений — хищения (то есть, в зависимости от конкретных обстоятельств, кражи, грабежа и т. д.) и покушения на мошенничество».

Практический и теоретический интерес представляет постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 февраля 1944 г. по вопросу о квалификации действий, выразившихся в хищении государственного имущества у лиц, которые сами это имущество похитили. Пленум признал, что такие действия должны без применения аналогии квалифицироваться по п. «г» или «д» ст. 162 УК. В постановлении Пленума по конкретному делу (речь шла о хищении спирта, принадлежавшего заводу) говорится: «В действиях осужденных содержатся все признаки кражи, как тайного хищения чужого имущества: они действовали тайно и, как они признали, спирт они взяли с целью его присвоения. Весь вопрос таким образом сводится к вопросу о наличии третьего признака кражи, а именно изъятия имущества из чужого владения. Если считать, что спирт уже был изъят из владения завода, собственника его, теми лицами, которые вывезли его на паровозе и спрятали в уголь вне территории завода, то тем не менее осужденные совершали изъятие этого спирта из чу-

---

¹ «Судебная практика», вып. I, стр. 1—2.

жого обладания, но в этом случае уже не из обладания завода, а тех лиц, которые его похитили с завода. Следовательно, они и в этом случае совершили кражу. Поскольку же они не могли не знать, что этот спирт принадлежит заводу, совершенная ими кража является кражей государственного имущества»¹.

В условиях военного времени государство было особенно заинтересовано в сохранении в целости таких видов имущества, которое необходимо для тыла и фронта. Охрана целости такого имущества и борьба с его уничтожением и повреждением приобрели во время войны исключительное значение.

Судебная практика, приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и НКЮ СССР должны были реагировать как на известные и раньше, но усилившие свою опасность формы повреждения и истребления имущества, так и на новые формы такого истребления и повреждения, выявившиеся во время войны.

Известно, какое огромное значение приобрели в условиях войны коллективные и индивидуальные огороды рабочих и служащих. Умышленное повреждение посевов и урожая на таких огородах дезорганизует снабжение трудящихся продуктами сельского хозяйства. Как уже отмечалось выше (в гл. XII), постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26 июня 1942 г. было предложено квалифицировать умышленное повреждение посевов и урожая на землях, отведенных учреждениям и предприятиям под коллективные огороды для рабочих и служащих, по ст. 79 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик².

Общественно-опасным стал в условиях военного времени убой колхозниками молодняка крупного рогатого скота. Проблеме сохранения молодняка и увеличения поголовья скота были посвящены постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах сохранения молодняка и увеличения поголовья скота в колхозах и совхозах» от 13 марта 1942 г. и «О мерах увеличения пого-

---

¹ «Судебная практика», вып. III (IX), стр. 4.

² «Судебная практика», вып. I, стр. 1.

ловья скота в колхозах и совхозах и повышения его продуктивности» от 14 апреля 1943 г.

В связи с поступившими запросами Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 1 августа 1942 г. дал указание: в злостных случаях убоя молодняка колхозниками, связанного с невыполнением государственных плановых заданий по выращиванию молодняка или с нарушением договоров контрактации молодняка для колхозных товарных ферм, привлекать виновных к судебной ответственности по ст. 79¹ или 131 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Равным образом должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 79¹ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик виновные в убое племенного скота, записанного в Государственной племенной книге, и его приплода¹.

Ст. 79¹ была введена в УК РСФСР в порядке выполнения постановления ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», являвшемся в то время «одним из способов вредительства со стороны кулаков, которые этим подрывают коллективизацию и препятствуют подъему сельского хозяйства»². Поскольку во время войны хищнический убой молодняка препятствовал подъему сельского хозяйства, имелись все основания применить репрессию ст. 79¹ УК. Нельзя было забывать, что в борьбе с коварным врагом устойчивость и эффективность сельского хозяйства имели исключительно важное значение.

Важность в условиях войны развития коневодства как для обеспечения сельскохозяйственных работ, так и для нужд армии требовала прежде всего охраны и мевшегося поголовья лошадей. Ст. 79⁴ УК приобрела поэтому в условиях войны особое значение.

Действия колхозников и рабочих совхозов, повлекшие за собою гибель лошади или приведение ее в негодное состояние, практика квалифицировала по ст. 79⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Вместе с тем практика выделяла в качестве субъекта таких действий должностных лиц кол-

¹ «Судебная практика», вып. I, стр. 2.

² СЗ 1930 г. № 6.

хозов и совхозов, виновных в преступно-небрежном обращении с лошадьми, повлекшем их гибель или потерю работоспособности, и эти их действия квалифицировала по ст. 109 и 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случаях массового истребления лошадей — по закону 7 августа 1932 г. По тем же статьям квалифицировалось уклонение председателей колхозов, директоров совхозов, управляющих фермами, бригадиров производственных бригад, заведующих конными транспортом от предания суду лиц, виновных в падеже лошадей.

Средством усиления репрессии за рассматриваемое преступление несомненно являлось также присуждение с виновных во всех случаях осуждения за преступно-небрежное отношение с лошадьми, повлекшее их гибель или потерю работоспособности, убытков в размере трехкратной стоимости лошади по заготовительным ценам.

5. Должностные преступления

На советских должностных лиц, на служащих государственных и общественных учреждений и предприятий легли во время войны повышенные обязанности. «Правда» в передовой статье 19 апреля 1942 г. писала: «Работать с меньшим количеством людей, лучше чем в мирное время — такова задача каждого учреждения, большого и малого. Работать по-военному точно и оперативно, при решении любого вопроса исходить из интересов фронта — таково требование к каждому советскому служащему, какой бы пост — большой или малый — он ни занимал».

Это повышение ответственности предполагало такое же повышение ответственности за нарушение служащими государственных и общественных учреждений и предприятий их служебного долга. И действительно, в указах и других нормативных актах военного времени специально оговаривалась ответственность должностных лиц. В Указе 26 декабря 1941 г. «О военном налоге»¹, в постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от

¹ «Известия», 1941, № 309. См. ст. 14 об ответственности за представление заведомо неверных сведений об удержании налога.

13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»¹, в Указе 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственные тайны», в Указе 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»², в Указе 29 сентября 1942 г. «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»³ и других специально оговаривается ответственность должностных лиц за различные нарушения ими своего служебного долга во время войны.

Изучая материалы военного времени, относящиеся к ответственности должностных лиц, можно заметить некоторые характерные для этого времени тенденции.

Наблюдается специальное выделение ответственности должностных лиц за некоторые действия, субъектом которых могут быть как должностные, так и частные лица.

Так, если запрещается торговля хлебом до выполнения плана хлебозаготовок и если колхозники и единоличники, виновные в нарушении этого постановления, в первый раз подвергаются штрафу, а во второй привлекаются к ответственности по ст. 105 УК, то председатели колхозов и другие должностные лица колхозов за нарушение этого же постановления отвечают по ст. 109 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

---

¹ См. ст. 7 об ответственности председателей правлений колхозов и бригадиров за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней.

² Пункт 1 говорит о незаконном награждении соответствующими командующими Красной Армии, а пункт 3 — об ответственности должностных лиц за халатное отношение к хранению орденов, медалей и нагрудных знаков.

³ Пункт 8 говорит об ответственности руководителей предприятий (учреждений), не обеспечивших организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических сил.

Если все лица, нарушившие постановления о запрещении свободной продажи махорки и табака до выполнения государственного плана поставок махорочного и табачного сырья, отвечают по ст. 99 УК РСФСР, а в случае продажи в крупных размерах по ст. 107 УК РСФСР, то должностные лица колхозов во всех случаях нарушения этого постановления привлекаются к ответственности по ст. 109 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик).

Если ст. 79⁴ УК в общей форме (т. е. не выделяя специальных субъектов) карает преступно небрежное обращение с лошадьми, повлекшее гибель лошади или приведение ее в негодное состояние, — то такие же действия должностных лиц колхозов и совхозов квалифицируются по ст. 109 и 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случае массового истребления лошадей преступление квалифицировалось по закону 7 августа 1932 г.

Если Пленум Верховного суда СССР предлагает убой молодняка колхозниками, связанный с невыполнением государственных плановых заданий по выращиванию молодняка или с нарушением договоров контрактации молодняка для колхозных товарных ферм квалифицировать по ст. 79¹ или 131 УК¹, — то, согласно разъяснению НКЮ СССР от 23 апреля 1943 г., действия должностных лиц колхозов, виновных в убое и продаже молодняка крупного рогатого скота в возрасте до одного года, квалифицируются по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в случае массового истребления общественного скота преступление квалифицировалось по закону 7 августа 1932 г.

В условиях войны учащается переход от ответственности должностных лиц по ст. 109 к ответственности по закону 7 августа 1932 г.

Выше мы уже отмечали, что должностные лица, уличенные в разбазаривании государственного или кол-

---

¹ Постановление Пленума от 1 августа 1942 г., «Судебная практика», вып. 1, стр. 2.

хозного зерна (муки) и иных продовольственных ресурсов на самогонварение, привлекались к уголовной ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса или по закону 7 августа 1932 г. — в зависимости от обстоятельств дела, личности обвиняемого и размера причиненного государству материального ущерба¹.

Должностные лица, виновные в снабжении спекулянтов товарами для перепродажи, привлекались к ответственности по закону 7 августа или соответствующим статьям Уголовного кодекса.

Если в некоторых из приведенных случаев и в условиях мирного времени должностные лица могли привлекаться к ответственности по закону 7 августа 1932 г., то, во-первых, надо учесть, что размер хищения, дающий основание к переходу от квалификации хищений по статьям УК о должностных преступлениях к квалификации по закону 7 августа 1932 г., во время войны по сравнению с мирным временем понизился, а во-вторых, характерными для военного времени являлись прямые указания в соответствующих актах на возможность применения к должностным лицам не статей о должностных преступлениях, а закона 7 августа 1932 г.

Еще до войны в судебной практике обнаружилась тенденция установления ответственности должностных лиц за создание ими условий для совершения преступлений.

Создание таких условий отличается от попустительства. Попуститель действует умышленно: он сознает, что совершается преступление, он знает, что в силу своего должностного положения он обязан принять меры к предотвращению этого преступления, и он сознательно, умышленно таких мер не принимает. При создании же условий для совершения преступлений должностное лицо по небрежности, по халатности создает условия, которые делают возможным или облегчают другим лицам совершение тех или иных преступлений. Между тем государственная дисциплина обязывает должност-

---

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР 24 декабря 1942 г., «Судебная практика», вып. III, стр. 3.

ное лицо заглядывать вперед и принимать меры к тому, чтобы определенные преступления не совершались как в данное время, так и в будущем.

Так, еще постановление СНК СССР от 16 февраля 1933 г.¹ предложило: в случае хищений и растрат привлекать к уголовной ответственности наряду с непосредственными виновниками растрат и хищений в ЗРК, ЦРК, Горпо, Райпо, в городах в отделах рабочего снабжения, конторах государственной торговли и т. п. также руководителей соответствующих организаций за несвоевременные и недостаточные меры борьбы с хищениями и растратами в объединяемых ими торговых предприятиях.

Постановлением Президиума Верховного суда СССР 28 мая 1933 г. было предложено должностных лиц счетного аппарата и работников правлений кооперативных центров, не принявших мер к предупреждению растрат и хищений, неуклонно привлекать к уголовной ответственности по статье 109 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, а в особо злостных случаях явного непринятия мер к охране кооперативной собственности привлекать к ответственности по закону 7 августа 1932 г. наравне с виновниками, привлекаемыми к ответственности непосредственно за хищения и растраты.

В этих и некоторых других аналогичных случаях соответствующее поведение должностного лица квалифицируется или как халатность, или как злоупотребление властью, или как то же преступление, которое было совершено в результате создания должностным лицом условий для совершения преступления.

Во время Отечественной войны эта тенденция продолжала развиваться. Указ 2 мая 1943 г. предусматривает в качестве самостоятельного состава преступления один из случаев создания условий для совершения преступлений, а именно халатность должностного лица, ответственного за хранение орденов, медалей и нагрудных знаков, в результате которой допущено хищение орденов, медалей и нагрудных знаков.

Судебная практика военного времени особо выделяла как самостоятельный состав преступления непринятие

¹ СЗ 1933 г. № 13, ст. 76.

комендантами проходящих воинских эшелонов мер против расхищения снегозащитных ограждений. В таких случаях практика квалифицировала действия виновных наравне с прямыми виновниками хищения.

Практика военного времени выделяла также ответственность руководителей предприятий и начальников станций железных дорог, на территории которых (т. е. предприятий и станций) имели место хищение хлебных щитов, их порча, уничтожение, использование не по назначению или неправильное хранение. Практика квалифицировала этот вид создания условий для совершения преступления в отношении должностных лиц железнодорожного транспорта — по ст. 193¹⁷ УК, в отношении остальных — по ст. 109 и 111 УК, а в необходимых случаях — по закону 7 августа 1932 г.

В юридической печати приводился следующий факт: в Архангельской области прокуратура, проверяя выполнение Указа 26 декабря 1941 г. о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности, привлекла к ответственности ряд лиц, самовольно оставивших работу на предприятиях, и вскрыла причины, которые давали отдельным рабочим, особенно недавно пришедшим на производство, повод к совершению этого преступления. Лица, виновные в том, что они не создали необходимых условий для молодых кадров, главным образом для недавно окончивших школы ФЗО и ремесленные училища, были преданы суду¹.

Ст. 116 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик содержат, как известно, две части: первая часть предусматривает простую растрату, вторая — квалифицированную растрату. Вторая часть квалифицирующими обстоятельствами считает: наличие у виновного особых полномочий или присвоение особо важных ценностей. Санкция первой части ст. 116 предусматривает лишение свободы на срок до трех лет, т. е. наказание, во многих случаях явно не соответствующее тяжести этого вида хищения социалистической собственности. Санкция второй части

---

¹ А. Волин, «Социалистическая законность», 1942, № 10, стр. 3.

более соответствует опасности растрат, но признаки этой части слишком ограничены и не дают возможности применять ее ко всем случаям квалифицированной растраты. Создалось положение, при котором суды должны были при рассмотрении дел о растратах вообще, а тем более растратах, значительных по сумме, хотя и не подпадающих под узкие рамки растраты «особо важных государственных ценностей» или особо опасных по иным признакам, ограничиваться явно недостаточными санкциями ч. 1 ст. 116 или же стать на путь расширительного, и притом весьма решительного толкования части 2-й этой статьи.

Еще довоенная практика стала на этот второй путь. Правда, практика в некоторых случаях строго относилась к соблюдению признака «особых полномочий лица». Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР не считала возможным применение ч. 2 ст. 116, например, к продавцу в Рабкоопе¹ или к заведующему базой транспорта². Однако в других случаях определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР отступали от буквального текста 2 ч. ст. 116 и признавали лицами, имеющими особые полномочия, кассира-инкассатора³, руководителей партийных организаций, учреждений и предприятий⁴ и др. Гораздо решительнее судебная практика шла по пути распространительного толкования упоминаемых в ч. 2 ст. 116 «особо важных государственных ценностей». Такими ценностями стали признаваться вообще крупные суммы⁵, а затем, при наличии других признаков,

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам по делу Жусупова. См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1940, стр. 96.

² Определение той же коллегии по делу Дудкина и Николаевой. См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, второе полугодие 1939 г., стр. 24.

³ Определение той же коллегии по делу Соловьева. См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР за 1940 г., стр. 114.

⁴ Определение той же коллегии по делу Самаруева, там же, стр. 114.

⁵ Определение той же коллегии по делу Соловьева, там же, стр. 114.

отягчающих опасность преступления, и суммы, которые не могли считаться крупными.

Наконец, практика, явно уже выходя за рамки буквального текста ч. 2 ст. 116, стала применять ее в случае повторности растраты, а тем более систематичности¹, при злостности ее² и т. п.

Так, например, Пленум Верховного суда СССР, рассматривая дело И., установил, что И., работая в должности заведующего боксом базы № 2 Саратовской конторы «Торговодтранса», систематически пьянствовал на работе, брал для себя на работе продукты бесплатно, отпускал товар работникам базы, а деньги в кассу не вносил, в результате чего растратил 6044 руб. Пленум Верховного суда СССР, «учитывая характер совершенного преступления и размер присвоенного», признал, что действия завмага И. должны быть квалифицированы не по 1-й, а по 2-й части ст. 116.

Таким образом еще до войны судебная практика развивалась в направлении отхода от ограничительных признаков ч. 2 ст. 116 и обнаружила тенденцию применять 2-ю часть в некоторых случаях растраты и по иным признакам, которые буквально не предусмотрены в этой части статьи.

Имеются данные полагать, что во время Отечественной войны эта тенденция получила дальнейшее развитие, и по 2 ч. ст. 116 стали квалифицироваться самые различные случаи злостной растраты.

В печати было приведено дело Гончарова, подтверждающее это положение. Народный суд Эльтонского района Сталинградской области приговорил 18 августа 1941 г. Гончарова за растрату 1532 р. по 1 ч. ст. 116 УК. Установлено, что Гончаров, начальник 2 части райвоенкомата, получив 26 июня деньги на расходы по отправке военнообязанных в Красную Армию, присвоил и растратил из этих денег 1532 р. В статье И. Голякова говорится в связи с этим делом: «Характер похищенной Гончаровым суммы, служебное положение растратчика и совершение растраты в условиях военного времени давали все основания для квалификации его действий

¹ Определение той же коллегии по делу Ильина и Хил, там же, стр. 113.

² Определение УСК по делу Зеланцева, «Советская юстиция», 1940, № 21, стр. 39—40.

по ч. 2 ст. 116 УК»¹. В той же статье говорится: «Большим злом до настоящего времени являются вредные рассуждения о «точных» признаках ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. Не мало судей все еще ищет точной границы стоимости похищенного или растраченного, которая отделяла бы ч. 2 ст. 116 от ее 1-й части. Эти судьи забывают о том, что основанием для разграничения 1-й и 2-й частей ст. 116 УК РСФСР должна явиться не механически определенная сумма, а вся совокупность дела, в которой должны найти место и личность виновного, и обстановка, и условия, в которых преступление совершено»².

6. Хозяйственные преступления

В условиях военного времени интересы социалистического хозяйства непосредственно переплетались с интересами обороны СССР. Это означало повышение во время войны опасности хозяйственных преступлений. Тем не менее, насколько можно судить по материалам судебной практики, приказам и разъяснениям Прокуратуры СССР и НКЮ СССР, статьи уголовных кодексов о хозяйственных преступлениях не вызвали в основном необходимости ни в законодательных дополнениях и изменениях, ни в специальных директивных указаниях в связи с условиями военного времени.

Исключением явились спекуляция, самогоноварение и отчасти нарушение правил торговли, предусмотренное ст. 105 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Можно было заранее предполагать, что в условиях военного времени спекуляция как преступление, дезорганизующее снабжение не только тыла, но и фронта, усилит свою опасность. И действительно, уже 22 июня 1941 г. Указом «О военном положении» военным властям в местностях, объявленных на военном положении, было предоставлено право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, «если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного времени» (ст. 7). Насколько

¹ «Социалистическая законность», 1942, № 9, стр. 3.

² Там же, стр. 4.

известно, военное командование этим своим правом во время Отечественной войны не пользовалось.

Это не означает, однако, что опасность спекуляции в условиях военного времени не усилилась. Спекулянты, пытавшиеся использовать военную обстановку для наживы за счет трудящихся, вносившие дезорганизацию в государственную и кооперативно-колхозную торговлю, должны были в условиях военного времени нести самую суровую кару. Верховный суд СССР указывал во время войны, что суды не должны допускать послабления в тех случаях, когда все обстоятельства дела дают основание притти к выводу, что скупка и перепродажа были произведены с целью наживы¹. НКЮ СССР обращал внимание судов на то, чтобы профессиональные спекулянты не уходили от ответственности. В частности, он указывал на случаи неправильной квалификации по другим статьям УК таких действий, которые должны были квалифицироваться по ст. 107.

Так, например, НКЮ СССР разъяснял, что суды неправильно применяют к случаям спекуляции виновными и водочными продуктами ст. 101 УК вместо ст. 107.

Борьба со спекуляцией в условиях войны требовала умения распознавать новые формы спекуляции и своевременно наносить по ним быстрые и меткие удары. В инструктивном письме НКЮ РСФСР от 24 августа 1942 г. указывалось: «Не всегда суды учитывают, что спекуляция в условиях военного времени приобретает во многих случаях новые формы. Спекулянты подчас сражаются с работниками торгующих организаций, которые, используя свое служебное положение, делают предметом спекуляции нормированные товары. Спекулянты проявляют исключительную изворотливость, применяют самые ухищренные методы и ловко маскируются, скупая товары и продукты в количествах, явно превышающих собственные потребности, припрятывая эти товары и выступая на рынке с небольшим количеством товаров. Нередко спекулянт вместо перепродажи товаров и продуктов продает скупленные продовольственные и промтоварные карточки»².

¹ «Судебная практика», вып. I, стр. 12.

² О борьбе со спекуляцией, Народный комиссариат юстиции РСФСР, 1942, стр. 22.

В отношении этого последнего вида спекуляции НКЮ СССР и Прокуратура СССР еще 25 июня 1941 г. предложили привлекать виновных к ответственности по ст. 107 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик¹.

Вместе с тем суды в условиях военного времени не должны были допускать, чтобы за спекуляцию осуждались случайные люди, задержанные на рынках за действия, в которых вообще нет состава преступления, — за продажу вещей своего личного пользования, случайную мелкую продажу продуктов, полученных по карточкам, обмен вещей на продукты или одних продуктов на другие.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в ряде своих определений проводила во время войны следующие положения: однократный случай перепродажи товаров в незначительном размере не содержит состава спекуляции²; продажа собственных вещей при недоказанности скупки и продажи или скупки для перепродажи в целях наживы не содержит состава спекуляции³; обмен одного предмета на другой без цели наживы не может квалифицироваться как спекуляция⁴; покупка предметов широкого потребления по просьбе других лиц и продажа закупленных предметов этим лицам без цели наживы не содержит состава спекуляции⁵; покупка тех или иных предметов для собственного потребления не может квалифицироваться как спекуляция⁶; при отсутствии данных, свидетельствующих о том, что обнаруженные у обвиняемого предметы приобретены им с целью перепродажи, нет основания квалифицировать действия обвиняемого как покушение на спекуляцию⁷.

Представляет интерес вынесенное во время войны Судебной коллегией по уголовным делам Верховного

---

¹ Инструктивное письмо от 25 июня 1941 г. См. упомянутый на предыдущей странице (прим. 2) сборник, стр. 21.

² «Судебная практика», вып. I, стр. 13.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ «Судебная практика», вып. I, стр. 15.

⁶ Там же, вып. III, стр. 12.

⁷ Там же, вып. IV, стр. 16.

суда СССР определение по делу Губина, обвинявшегося в том, что он скупил в магазинах Электросбыта в Москве 7 штук электросчетчиков по цене от 82 руб. до 150 руб. за каждый и перепродал их по спекулятивным ценам от 150 руб. до 375 руб. Так как по делу было установлено, что Губин не перепродавал счетчики, а принимал заказы на установку их за свой счет и что, таким образом, указанная в приговоре плата, которую брал Губин с заказчиков, включала не только стоимость счетчика, но и стоимость материалов, необходимых для установки, а также стоимость работы по установке, то Судебная коллегия по уголовным делам не нашла вину Губина в спекуляции обоснованной. Это определение дало основание в аннотации выставить положение: продажа предмета с надбавкой, компенсирующей стоимость дополнительных материалов и общественно-полезный труд продавца, затраченные последним для приспособления продаваемой вещи в интересах покупателя, не может рассматриваться как продажа с целью наживы и не может поэтому квалифицироваться как спекуляция¹.

В советском законодательстве понятие спекуляции изменялось. Ст. 107 УК в действующей редакции отличается по своему содержанию от первоначальной редакции. Первоначальная редакция главным элементом спекуляции считала злостное повышение цен. Приемы могли быть разными: скупка, сокрытие или невыпуск товаров на рынок. Не цель наживы, а цель повышения цен характеризовала спекуляцию. Ст. 107 в действующей редакции, наоборот, цель спекуляции видит в наживе, а объективную сторону спекуляции усматривает в скупке с целью перепродажи.

Война внесла новые изменения в понятие спекуляции, — вернее, расширила круг действий, охватываемых понятием спекуляции.

В практике военного времени возник вопрос о квалификации продажи некоторых продуктов хотя и с целью наживы, но без предварительной их скупки, или хотя и без скупки и без цели наживы, но в больших размерах.

---

¹ «Судебная практика», вып. III, стр. 9—10.

Речь шла при этом о таких случаях продажи, которые представляют опасность взятые сами по себе, независимо от наличия или отсутствия либо признака скупки-продажи, либо признака цели наживы. В одном случае имелся в виду сбыт в значительных размерах и явно с целью наживы самогона (без предварительной скупки сырья или самогона), а в другом — продажа в крупных размерах (независимо от цели наживы) махорки или табака до выполнения данной республикой, краем, областью государственного плана поставок махорочного и табачного сырья. В первом случае Верховный суд СССР дал указание о квалификации продажи по аналогии со ст. 107 УК¹, во втором практика квалифицировала указанную продажу по ст. 107 УК без ссылки на аналогию.

В обоих этих случаях ст. 107 применялась к действиям, по объективной своей стороне не совпадающим с объективной стороной, обрисованной в этой статье. Мотивы применения ст. 107 в обоих случаях различны (в первом случае — борьба с нерациональным использованием во время войны продовольственных ресурсов, во втором — обеспечение выполнения плана государственных поставок), но* в обоих случаях они отличаются от мотивов спекуляции, как она мыслится в ст. 107 (т. е. борьба с действиями, дезорганизующими советскую торговлю). Общий обоим случаям признак — значительный или крупный размер проданного.

В условиях Отечественной войны важнейшее значение приобрело бережное и рациональное использование продовольственных ресурсов. Как указал Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 24 декабря 1942 г., всякое разбазаривание и преступное использование продовольственных ресурсов «требует суровых мер наказания. Одним из видов преступного использования предметов продовольствия является самогонование, особенно недопустимое в условиях военного времени».

Приведенное постановление Пленума Верховного суда СССР предусматривало ряд мер, направленных на уси-

---

¹ «Судебная практика», вып. III, стр. 3.

ление репрессии за самогоноварение. Прежде всего Пленум предложил применять за действия, предусмотренные ч. 2 ст. 102 УК (изготовление и хранение самогона без цели сбыта, а также сбыт не в виде промысла), как правило, лишение свободы (Пленум ссылается при этом на ст. 18 Основных начал, допускающую лишение свободы на срок ниже года). Пленум предложил скупку продовольственного сырья с целью выработки самогона и последующего его сбыта, скупку с этой же целью самогона и сбыт его при указанных условиях рассматривать как спекуляцию и карать по ст. 107 УК. В тех случаях, когда по делу не установлены факты предварительной скупки сырья или самогона, но самый сбыт был произведен в значительных размерах и явно преследовал цель наживы, такие действия должны квалифицироваться по аналогии со ст. 107 УК. Учитывая, что в условиях военного времени применение мер административного взыскания представляется явно недостаточным в деле борьбы с самогоноварением, Пленум указал судам, что во всех случаях самогоноварения дела должны передаваться в суды для рассмотрения с применением по аналогии ч. 1 ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. Наконец, Пленум, как уже указывалось выше, предложил должностных лиц, уличенных в разбазаривании государственного или колхозного зерна (муки) и иных продовольственных ресурсов на самогоноварение, привлекать к ответственности по соответствующим статьям Уголовного кодекса или по закону 7 августа 1932 г. в зависимости от обстоятельств дела, личности обвиняемого и размера причиненного государству материального ущерба¹.

Усилилось во время войны значение ст. 99 УК, предусматривающей изготовление, хранение и покупку с целью сбыта в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение. По этой статье во время войны стали привлекаться к ответственности лица, продававшие махорку в сырье и в толченом виде, а также табак до выполнения государствен-

---

¹ «Судебная практика», вып. III, стр. 2—3.

ного плана поставок махорочного и табачного сырья урожая по данной республике, краю, области в целом¹.

Судебная практика военного времени применяла ст. 105 УК в случае повторной незаконной торговли хлебом (зерно, мука, печеный хлеб) колхозниками и единоличниками до выполнения плана сдачи хлеба государству².

7. Преступления в области трудовых отношений

В годы Отечественной войны трудящиеся нашей страны с исключительным энтузиазмом ковали победу на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в предприятиях и учреждениях. Отставали только наименее сознательные, наименее дисциплинированные, составлявшие исключение на общем фоне непревзойденного трудового подъема. Но во время войны недопустимо и малейшее нарушение трудовой дисциплины. К тому же в условиях военного времени появились новые формы трудовых отношений, возникла возможность и новых форм нарушений трудовой дисциплины. Вот почему, как указал товарищ Сталин, «мирная строительная работа наших руководящих органов» выразилась во время войны также и «в укреплении трудовой дисциплины в тылу, как на заводах, так и в колхозах и совхозах»³.

В соответствии с повышением значения во время войны трудовой дисциплины должна была повыситься и ответственность за ее нарушение.

Обобщая мероприятия, направленные на дальнейшее укрепление трудовой дисциплины, можно разделить их на следующие группы:

а) меры, направленные на общее укрепление трудовой дисциплины;

б) меры, направленные на обеспечение промышленности рабочей силой;

---

¹ Продажа махорки и табака, произведенная в крупных размерах, квалифицировалась по ст. 107 УК; должностные лица колхозов, виновные в продаже махорки и табака колхозами, привлекались к ответственности по ст. 109 УК.

² Председатели колхозов и другие должностные лица, допустившие продажу и обмен хлеба до выполнения плана сдачи хлеба, привлекались к ответственности по ст. 109 УК.

³ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 56.

в) меры, направленные на обеспечение рабочей силой сельского хозяйства;

г) меры, направленные на обеспечение выполнения трудовых повинностей;

д) меры, направленные на обеспечение плановой переброски рабочей силы.

Эти меры рассмотрены выше в главах IX и X с точки зрения трудового права, а также в гл. VIII с точки зрения колхозного права. Здесь мы их рассмотрим как мероприятия уголовно-правового характера.

а) Меры, направленные на общее укрепление трудовой дисциплины

Необходимость повышения во время войны ответственности за нарушение трудовой дисциплины во всех вообще учреждениях и предприятиях побудила к изменению характера назначения наказания за повторный прогул во время отбывания наказания за первый прогул и изменению квалификации третьего прогула, совершенного до отбытия наказания за второй прогул, — в том и другом случае в сторону усиления репрессии¹. Уголовная репрессия была предусмотрена в отношении лиц, нарушающих правила внутреннего распорядка с целью добиться таким путем увольнения².

¹ Пленум Верховного суда СССР 23 июля 1941 г. постановил: в тех случаях, когда осужденный за прогул без уважительных причин к исправительно-трудовым работам по месту работы совершит во время отбывания наказания повторный прогул без уважительных причин, такие действия осужденного следует рассматривать как самостоятельное преступление и определять меру наказания в соответствии с ч. 2 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. по принципу сложения. О порядке производства в таких случаях удержаний с заработной платы по обоим приговорам см. разъяснение НКЮ СССР от 14 августа 1941 г. в «Социалистической законности» № 3—4, стр. 29. Если после этого осужденный совершил во время отбывания наказания снова прогул без уважительных причин, то такие действия, как носящие по существу характер злостного уклонения от работы, следует рассматривать как самовольный уход с работы и квалифицировать по ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. См. «Сборник постановлений Пленума Верховного суда Союза ССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г.», стр. 9—10.

² Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1941 г. предложено рассматривать такие действия как своеобразный вид самовольного ухода с работы, соединенного

Был разрешен во время войны вопрос об ответственности лиц, самовольно ушедших из предприятия или учреждения и поступивших на работу на железную дорогу¹. Была повышена ответственность за прогул и самовольный уход с работы и появление на работе в нетрезвом виде в отношении работников транспорта, если эти действия вызвали или могли вызвать последствия, указанные в ст. 59^{3в} УК. Ответственность в этих случаях определялась по ст. 59^{3в} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик².

С изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. о переходе всех железных дорог на военное положение (и Указа от 8 мая 1943 г. о распространении этого Указа на водный транспорт) прогул без уважительных причин работников транспорта стал квалифицироваться как самовольная отлучка, предусмотренная ст. 193⁷ УК.

Необходимо, однако, отметить, что усиление ответственности за нарушения трудовой дисциплины не исключало необходимости в определенных случаях ограничить репрессию по этого рода делам. В особенности ярко такое ограничение проявилось в отношении несовершеннолетних. Выше уже отмечалось, что работающие на предприятиях военной промышленности ученики-подростки в возрасте моложе 16 лет были в отношении ответственности за самовольный уход с предприятий военной промышленности приравнены к учащимся ремесленных училищ и школ ФЗО с тем, чтобы к ним применялся по аналогии Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и

с попыткой избежать за него уголовной ответственности, и квалифицировать эти действия по ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

¹ Приговор в отношении таких лиц исполнялся на общих основаниях с тем, что к осужденному мог быть применен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта».

² Постановление Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г. См. «Сборник постановлений Пленума Верховного суда Союза ССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г.», стр. 8—9.

школ ФЗО за нарушение трудовой дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»¹.

Точно так же должны были, согласно указаний Пленума Верховного суда СССР от 30 августа 1943 г., квалифицироваться прогул без уважительных причин и самовольный уход с предприятия, совершенные работниками транспорта, не достигшими 16-летнего возраста.

Принципиальное значение имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу К. от 25 января 1943 г. Определение это исходит из того положения, что прогул без уважительных причин, караемый в уголовном порядке, предполагает, кроме случаев появления на работе в нетрезвом виде, приравненного к прогулу, такое нарушение трудовой дисциплины, которое связано с отсутствием работника на работе в рабочее время. С этой точки зрения Судебная коллегия подошла к вопросу о квалификации допущенного работником сна на посту. Она указала: «Типовые правила приравнивают к прогулу лишь один вид нарушения — появление на работе в нетрезвом виде. Поскольку сон на посту является таким нарушением трудовой дисциплины, которое не связано с отсутствием работника на месте работы, но, наоборот, предполагает обязательное присутствие его там, постольку это нарушение не может квалифицироваться как прогул. Представляя собою вид бездельничанья, сон в рабочее время, если он не повлек и не мог повлечь серьезных послед-

---

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 августа 1942 г.; см. «Судебная практика», вып. I, стр. 21. Постановление Пленума от 11 мая 1944 г. указало, что хотя постановление от 1 августа 1942 г. относится не ко всем подросткам до 16-летнего возраста, но в некоторых случаях, исходя из конкретных обстоятельств дела, может быть поставлен вопрос о квалификации по Указу 28 декабря 1940 г. самовольного ухода с предприятий военной промышленности и лиц моложе 16-летнего возраста, которые хотя формально и не являются учениками на производстве, но по стажу и характеру выполняемой ими работы более тяготеют к ученикам. Однако Пленум Верховного суда СССР в другом постановлении указал, что неявка к месту работы на военное предприятие направленного по наряду Управления трудовых резервов по окончании школы ФЗО должна квалифицироваться не по Указу 28 декабря 1940 г., а по Указу 26 декабря 1941 г., как самовольный уход с предприятия военной промышленности. См. «Судебная практика», выпуск III, стр. 6.

ствий, должен согласно тех же правил преследоваться в дисциплинарном порядке»¹.

Заслуживает внимания и постановление Пленума Верховного суда СССР от 1 апреля 1943 г., установившее, что затрата части рабочего времени на обращение к врачу лицом, добросовестно полагавшим себя больным, не может рассматриваться как прогул без уважительных причин даже в том случае, если обратившемуся отказано в выдаче листка нетрудоспособности².

С точки зрения общего укрепления трудовой дисциплины во время войны интерес, хотя уже и исторический, представляет Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах»³. Указ этот установил, что все рабочие, служащие и инженерно-технические работники мужского и женского пола, работающие в государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, переводятся на положение мобилизованных и закрепляются за теми предприятиями и учреждениями, в которых они работали (п. 1). Самовольный уход с работы лиц указанных категорий карается по Указу 26 декабря 1941 г. (п. 6). Дела о лицах, виновных в самовольном уходе, а также в уклонении от обязательной эвакуации, рассматриваются военными трибуналами (п. 7). Руководители предприятий (учреждений), не обеспечившие организованной и полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников, привлекаются к уголовной ответственности и подвергаются по приговору военного трибунала тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет.

---

¹ «Судебная практика», вып. IV, стр. 14; там же, вып. VI, стр. 9.

² «Судебная практика», вып. V, стр. 7.

О квалификации невыхода в выходной день на работы, производящиеся по постановлению общественных организаций, см. статью М. Чельцова — К вопросу о применении Указа 26 июня 1940 г. в условиях Отечественной войны, «Социалистическая законность», 1942, № 3.

³ См. Трудовое законодательство военного времени, Профиздат, 1943.

б) Меры, направленные на обеспечение промышленности рабочей силой

Большое значение получило во время войны обеспечение рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работавших на нужды обороны. С этой целью Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. была признана необходимой на период военного времени мобилизация трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на производстве и строительстве, в первую очередь, в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной промышленности. Мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 16 до 55 лет, а женщины от 16 до 45 лет (Указом от 19 сентября 1942 г. возраст для женщин был установлен от 16 до 50 лет) из числа не работающих в учреждениях и предприятиях. Не освобождались от мобилизации работавшие в общественных и кооперативных предприятиях и учреждениях. От мобилизации освобождались: а) лица мужского и женского пола в возрасте от 16 до 18 лет, подлежавшие призыву в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища; б) женщины, имевшие грудных детей, а также женщины, имевшие детей в возрасте до 8 лет, в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за ними¹ и в) учащиеся в высших и средних учебных заведениях. Наказание за уклонение от мобилизации—исправительно-трудовые работы на срок до 1 года.

Задачу обеспечения промышленности рабочей силой преследовало и постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 4 сентября 1941 г., которое предоставило народным комиссарам СССР и советам народных

¹ Согласно Указу от 7 августа 1943 г. от мобилизации освобождались женщины, имевшие грудных детей, а также детей до 4 лет в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за ними. При этом мобилизация и направление на работу женщин, имевших детей в возрасте до 8 лет, производились при условии предоставления руководителями предприятий и строек мест в детских яслях и детских садах для детей мобилизуемых работниц в случае отсутствия других членов семьи, обеспечивавших уход за детьми.

комиссаров союзных республик право продлить на один год действие трудовых договоров, заключенных с правлениями колхозов и единоличниками на работу в промышленности. Прогул без уважительных причин и самовольный уход с работы колхозников и единоличников, работавших на основании таких продленных договоров, квалифицировался по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.¹

в) Меры, направленные на обеспечение рабочей силой сельского хозяйства

Во время войны возникла необходимость обеспечить рабочей силой сельское хозяйство. С этой целью 13 апреля 1942 г. было издано, как уже указывалось, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». Согласно этому Указу, мобилизации на сельскохозяйственные работы подлежало трудоспособное население городов и сельских местностей, не работавшее на предприятиях промышленности и транспорта, часть служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений и в первую очередь из органов Наркомзема и Наркомсовхозов, однако не в ущерб работе, и учащиеся 6—10 классов средних и неполных средних школ, студенты техникумов и вузов за исключением студентов выпускного курса вузов. Мобилизации подлежали лица мужского пола в возрасте от 14 до 55 лет и лица женского пола — от 14 до 50 лет. Уклонение от мобилизации и самовольный уход с работы наказывались исправительно-трудовыми работами на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%².

¹ «Социалистическая законность», 1942, № 7, стр. 27.

² К мобилизованным на сельскохозяйственные работы и нарушавшим трудовую дисциплину на этих работах или допускаявшим прогулы могли применяться меры дисциплинарного воздействия. В тех случаях, когда указанные нарушения носили систематический или злостный характер и являлись по существу отказом или уклонением от работ, виновные привлекались к ответственности согласно постановлению 13 апреля 1942 г. Лица, мобилизованные на сельскохозяйственные работы согласно постановлению 13 апреля 1942 г., не могли направляться на какие-либо другие работы, почему неявка их на эти работы не могла преследоваться по постановлению от 13 апреля 1942 г.

Подростки учащиеся в возрасте от 14 до 16 лет уголовной ответственности за уклонение от мобилизации или самовольный уход, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 28 октября 1942 г., не подлежали¹.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. предложило привлекать председателей правлений колхозов и бригадиров за уклонение от предания суду трудоспособных колхозников, не вырабатывающих минимума трудодней, к уголовной ответственности².

В связи с особой важностью в обстановке войны обеспечения армии и страны достаточным количеством продовольствия, а также с целью своевременного проведения в колхозах всех сельскохозяйственных работ, чтобы тем самым обеспечить колхозам получение высокого урожая и дальнейшее развитие животноводства, а колхозникам более высоких натуральных и денежных доходов по трудодням, было издано 13 апреля 1942 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Постановление, как уже указывалось выше, повысило для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудодней в году до 120 или 150 (в зависимости от района), распределяемый по отдельным периодам сельскохозяйственных работ. Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ, караются исправительно-трудовыми

---

¹ Пленум Верховного суда СССР, учитывая, что подростки в возрасте 14—16 лет являются в подавляющей массе учащимися и что явно нецелесообразно признавать уголовно-наказуемыми такие же действия подростков в возрасте 14—16 лет, которые по тем или иным причинам не являются учащимися, постановил (8 октября 1942 г.), что подростки в возрасте 14—16 лет, независимо от того, являются ли они или не являются учащимися, не подлежат уголовной ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или самовольный уход с этих работ. («Судебная практика», вып. II, стр. 5—6).

² Председатели правлений колхозов и бригадиры в таких случаях привлекались к ответственности, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по ст. ст. 109 и 111 УК.

работами в колхозах на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты трудодней до 25% в пользу колхоза ¹.

г) Меры, направленные на обеспечение выполнения трудовых повинностей

В. И. Ленин придавал огромное значение трудовым повинностям и возлагал суровую ответственность на всех, кто должен был проводить их в жизнь. Это видно из письма его в отдел топлива Московского Совета от 16 июня 1920 г., в котором он писал: «Можно и должно мобилизовать московское население поголовно и на руках вытащить из лесов достаточное количество дров... к станциям железных дорог и узкоколеек. Если не будут приняты героические меры, я лично буду проводить в Совете Обороны и в Цека не только аресты всех ответственных лиц, но и расстрелы. Нетерпима бездеятельность и халатность» ².

Советское законодательство о труде еще до войны предусматривало возможность привлечения к трудовой повинности граждан СССР. Так, согласно Кодексу законов о труде РСФСР, все граждане (за некоторыми исключениями) могут по специальным постановлениям Совета Народных Комиссаров и других уполномоченных на то органов привлекаться в исключительных случаях к труду в порядке трудовой повинности. Исключительными случаями являются борьба со стихийными бедствиями и недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий.

---

¹ Пленум Верховного суда СССР 1 августа 1942 г. постановил: 1) в случае, когда осужденный за невыработку без уважительных причин обязательного минимума трудодней в какой-либо период сельскохозяйственных работ вновь совершит такое же преступление в следующий период сельскохозяйственных работ, наказание за это преступление назначается самостоятельно с присоединением неотбытой части наказания по предыдущим приговорам; 2) в случае злостного уклонения осужденного от отбывания исправительно-трудовых работ по месту работы в колхозе, равно как и в случае исключения его из колхоза, неотбытый срок исправительно-трудовых работ по месту работы заменяется на тот же срок исправительно-трудовыми работами на общих основаниях. См. «Судебная практика», вып. I, стр. 16—18.

² «Правда» от 26 сентября 1942 г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» предоставил военным властям в местностях, объявленных на военном положении, право привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями. За неисполнение постановлений о введении таких трудовых повинностей военные власти имели право наказывать виновных в административном порядке¹.

Опыт показал, что эти и другие трудовые повинности получили во время войны крупнейшее значение для выполнения государственных заданий.

Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» указало, что трудовые повинности граждан вводятся каждый раз по постановлению СНК СССР, а в местностях, объявленных на военном положении, также военными властями в соответствии со ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении». Трудовая повинность объявлялась для выполнения оборонных работ и других военных надобностей, для заготовки топлива, для выполнения специальных строительных работ и других важнейших государственных заданий и т. д.² Постановление указало, что виновные в отказе или уклонении от трудовой повинности, а также в задержке лиц, работающих в предприятиях и учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности, подлежат уголовной ответственности «по законам военного времени»³.

---

¹ Наказание установлено в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев или штрафа до 3000 руб.

² Трудовое законодательство военного времени, изд. ВЦСПС, Профиздат, 1943, стр. 10—13.

³ Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 24 декабря 1942 г. самовольный уход с работы лиц, привлеченных на основании постановления СНК СССР от 10 августа 1942 г. к трудовой повинности, рассматривался как уклонение от трудовой повинности и квалифицировался по ст. 59^б УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик; прогулы без уважительных причин лиц, привлеченных к трудовой повинности, квалифицировались по ч. 2 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г.

Работы в порядке трудовой повинности по своей юридической природе отличаются от работ, производимых в порядке мобилизации на производстве, строительстве и в сельском хозяйстве. В то же время мобилизация на сельскохозяйственные работы в некоторых отношениях сходна с трудовой повинностью. Как и при трудовой повинности, мобилизация на сельскохозяйственные работы имеет временный, краткосрочный (в данном случае сезонный) характер; как и при трудовой повинности, работы могут выполняться не по месту жительства. Но характер работ при мобилизации на работы в сельском хозяйстве, как и при мобилизации для работ в промышленности или строительстве, отличен от работ в порядке трудовой повинности: это плановые, нормальные работы, а не работы, вызванные стихийными бедствиями, или чрезвычайные, исключительные работы государственного характера.

д) Меры, направленные на обеспечение плановой переброски рабочей силы

В условиях войны еще больше усилилось значение планового распределения рабочей силы между учреждениями и предприятиями. В дополнение к Указу от 19 октября 1940 г., установившему специальный вид наруше-

---

В дальнейшем судебная практика квалифицировала уклонение от трудовых повинностей в зависимости от характера работ. Так, например, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР, уклонение граждан, проживавших в городах или сельских местностях, от мобилизации для постоянной работы на производстве и строительстве по месту жительства или в иной местности, в тех случаях, когда такая мобилизация производилась на основании соответствующего постановления Государственного Комитета Оборона или Совнаркома СССР, квалифицировалось по аналогии по Указу 13 февраля 1942 г. (согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 11 ноября 1943 г. исправительно-трудовые работы в таких случаях назначались по месту работы, на которую осужденный был или должен был быть назначен по мобилизации). Уклонение от такой же мобилизации на торфоразработки практика квалифицировала по ст. 59^б УК. Уклонение от мобилизации на работы по лесозаготовкам, лесосплаву и выгрузке древесины судебная практика квалифицировала при наличии злостности или повторности по ст. 59^б УК; при отсутствии злостности уклонение каралось исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года с отбыванием наказания по месту лесозаготовок и т. д.

ния трудовой дисциплины — отказ от перехода на работу в другое учреждение или предприятие, — постановление Совнаркома СССР от 23 июля 1941 г. предоставило совнаркомам союзных и автономных республик и край(обл)-исполкомам на время войны право переводить в обязательном порядке рабочих и служащих, освобождавшихся в связи с сокращением штатов, консервацией строителъств и т. п., на работу в другие учреждения, предприятия, строительства, независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Отказ от перехода на другую работу в указанном порядке квалифицировался по ч. 1 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г.¹

Указ Верховного Совета СССР от 30 января 1943 г. предоставил, как уже указывалось выше, Народному комиссару здравоохранения СССР и Народному комиссару путей сообщения право переводить во время войны врачей, фельдшеров, фармацевтов и медицинских сестер из одних медицинских учреждений в другие в порядке, предусмотренном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие».

8. Преступления против порядка управления

Среди многочисленных преступлений, относимых к числу преступлений против порядка управления, наибольшую опасность во время войны должны были, естественно, приобрести нарушения правил о военной службе. Однако все почти статьи уголовных кодексов, предусматривающие эти преступления, имели в виду мирное время. На время войны большинство этих статей утратило свое действие и должно было быть заменено иными статьями Уголовного кодекса. Это относилось прежде всего к ст. 64 УК, предусматривающей нарушение правил, установленных для учета военнообязанных. Как мы уже видели, принятые 16 января 1942 г. новые правила учета и передвижения военнообязанных и призывников заменили на время войны статью 64 УК.

¹ См. «Социалистическая законность», 1941, № 1—8, стр. 29.

Фактически потеряла свое значение во время войны и ст. 66 УК, предусматривающая уклонение от опытных и поверочных мобилизаций. Часть 1 ст. 70 УК, говорящая об уклонении от поставки лошадей, повозок и упряжи на укомплектование территориальных частей Красной Армии, а также во время учебных и краткосрочных сборов на время войны, уступила место ст. 59^в. Только частично сохранила свое действие ч. 2 ст. 70, предусматривающая нарушение правил о военном и ином учете рабочих животных, повозок, упряжи, автомобилей, мотоциклетов, велосипедов и иных транспортных средств, подлежащих учету, а также принадлежностей и запасных частей к ним, или непредставление их без уважительных причин на переучет, перепись и при опытных или поверочных мобилизациях.

Несколько иначе сложилась судьба ст. 68 УК. Поскольку статья эта предусматривает отказ или уклонение от обязательной военной службы допризывников, она потеряла значение с изданием Закона о всеобщей воинской обязанности 1939 г., не предусматривающего обязательной военной службы допризывников. Поскольку же статья эта предусматривает аналогичные действия военнообязанных запаса, она на время войны заменялась ст. 193^{10а} УК.

Но ст. 68 УК сохранила свое значение по иным основаниям.

Так, в самом начале войны возник вопрос о квалификации уклонения от всеобщего военного обучения.

В. И. Ленин указывал, что народу нужно поголовно учиться владеть оружием, и по его инициативе был издан в 1918 г. декрет о введении всеобщего военного обучения.

Великая Отечественная война потребовала громадного напряжения всех военных сил советского народа. В своем приказе от 23 февраля 1942 г. Народный Комиссар Обороны товарищ Сталин требовал, «... чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту. Необходимо, чтобы все новые и новые войсковые части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом»¹.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 40.

Государственный Комитет Оборона, считая, что каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу и уметь с оружием в руках защищать свою Родину и что необходимо подготовить для Красной Армии обученные резервы, постановил — ввести обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет¹.

Уклонение от всеобщего обязательного обучения военному делу не предусмотрено действующими уголовными кодексами. В самом постановлении Государственного Комитета Оборона санкция за уклонение от обучения не была предусмотрена. Как видно из постановления Пленума Верховного суда СССР от 11 октября 1941 г., поступили запросы о квалификации уклонения от всеобщего обязательного обучения военному делу. Пленум предложил квалифицировать такое уклонение по ст. 68 УК РСФСР, а в тех союзных республиках, кодексы которых не содержат статей, соответствующих 1 и 2 частям ст. 68 УК РСФСР, применять по аналогии статьи Уголовного кодекса, предусматривающие уклонение от очередного призыва на действительную военную службу².

III. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Развитие отдельных составов преступлений, предусматриваемых действующим законодательством

Из обзора развития во время войны Особенной части уголовного права можно сделать некоторые выводы.

Обзор этот свидетельствует прежде всего о том, что не подверглись во время войны никаким изменениям составы преступлений против личности. Это понятно, так как в основном преступления этой группы — это преступления бытовые, и война не могла внести сколько-нибудь заметных изменений в преступность этого вида и не дала оснований для изменения оценки опасности этих преступлений.

¹ «Известия» от 19 сентября 1941 г.

² Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР с 23 июня по 1 марта 1942 г., стр. 7.

Незначительным изменениям подверглась группа составов преступлений хозяйственных. Если исходить из теоретической системы, то, как мы видели, только три преступления этой группы потребовали изменения в их трактовке: спекуляция, самогоноварение и, отчасти, сбыт продуктов, относительно которых имеется специальное запрещение. Спекуляция потребовала изменения в ее трактовке, с одной стороны, потому, что она угрожала дезорганизацией снабжения тыла и фронта, а с другой — потому, что появились некоторые новые формы преступных действий в области торговли, которые судебная практика квалифицировала как спекуляцию: продажа продуктов в крупных размерах при определенных условиях. Самогоноварение как преступление, приводящее к нерациональному использованию столь ценных во время войны продовольственных ресурсов, стало настолько более опасным, что потребовалось усиление репрессии за него. Нарушение запрещения продажи хлеба, табака, махорки и др. до выполнения государственного плана поставок угрожало выполнению этих планов, ставшему особо важным во время войны, и потребовало расширительного толкования ст. 99 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Отсутствие специальных указаний по таким ставшим во время войны особенно опасными хозяйственным преступлениям, как выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции или обмеривание и обвешивание покупателей, объясняется тем, что редакция соответствующих статей относится к недавнему времени, что она полностью учла опасность этих преступлений и предусмотрела достаточно широкие рамки санкций (в обоих случаях лишение свободы до 10 лет), дававшие возможность проведения выдержанной карательной политики по этим преступлениям и во время войны.

Полное отсутствие каких-либо руководящих указаний по такому особенно опасному во время войны преступлению, как бесхозяйственность, может быть объяснено тем, что бесхозяйственность преследовалась во время войны по статьям УК о должностных преступлениях. Основание к этому давали и специальный, узко очерченный круг субъектов по ст. 128 УК (лица, стоящие во главе учреждений и предприятий), и несоразмер-

ная опасности этого преступления, — в особенности во время войны, — слабая мера репрессии по этой статье (лишение свободы до двух лет или исправительно-трудовые работы на срок до одного года). В пользу такого предположения говорит, в частности, то, что действия лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности за бесхозяйственное расходование топлива, квалифицировались по ст. ст. 109 и 111 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

К числу глав уголовных кодексов, потребовавших наименьших изменений и дополнений законодательства, относится и глава о преступлениях контрреволюционных. Объяснение этому мы уже дали выше. Судебная практика в основном могла проводить беспощадную борьбу с вражескими действиями средствами «Положения о государственных преступлениях».

Незначительным изменениям подверглась глава о преступлениях имущественных. Не должно представляться странным, что изменений в этой группе преступлений потребовали во время войны составы кражи личного имущества. Облегченная в ряде случаев благодаря условиям военного времени возможность совершения таких краж, с одной стороны, и дезорганизирующее действие таких краж на тружеников тыла, с другой, и, наконец, появление новых, специфических для военного времени опасных форм кражи (например, продуктовых и промтоварных карточек), — все это вызывало необходимость усилить во время войны репрессию за кражу личного имущества граждан.

Условия военного времени требовали также усиления репрессии за некоторые формы повреждения и истребления имущества. Усиление это и имело место в отношении истребления и повреждения коллективных и индивидуальных огородов, молодняка крупного скота, а также в отношении преступно-небрежного отношения к лошадям.

Понятным является также и то, что составы остальных имущественных преступлений (о преступлениях, направленных против социалистической собственности, мы будем говорить отдельно) не подверглись новой трактовке. Условия военного времени не давали для этого оснований. Можно было ожидать усиления репрессии за разбой (тем более, что дела о разбое Указом от 22 июня

1941 г. «О военном положении» были отнесены в местностях, объявленных на военном положении, к подсудности военных трибуналов), но следует предположить, что отсутствие руководящих указаний по этому вопросу объясняется возможностью применения к особо злостным случаям разбоя ст. 59³ УК.

Незначительным изменениям подверглись во время войны и составы преступлений против порядка управления, не относящихся к особо опасным. Усилить свою опасность могли лишь преступления этой группы, состоящие в нарушении правил о воинской обязанности. Но предусматривающие такие нарушения статьи уголовных кодексов во время войны фактически не сохранили своего действия, ибо соответствующие действия квалифицировались по статьям о воинских преступлениях. Из всех статей уголовных кодексов о преступлениях против порядка управления значение приобрели во время войны ст. 68 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик, поскольку по этим статьям квалифицировалось уклонение от всеобщего военного обучения. Остальные статьи главы о преступлениях против порядка управления, предусматривающие преступления, не представляющие усиленной опасности с точки зрения интересов разгрома врага, не испытали никаких изменений.

Как закономерным было отсутствие каких-либо серьезных изменений в трактовке перечисленных категорий преступлений, так вполне закономерными явились изменения в трактовке других категорий преступлений, — посягательств на социалистическую собственность, преступлений, особо опасных против порядка управления, должностных преступлений и преступлений в области трудовых отношений. Все эти категории преступлений связаны с нарушением таких интересов, которые были чрезвычайно важными в деле организации разгрома врага.

Ни одна из войн, которые знало человечество, не потребовала такого расхода материальных ресурсов, такой гигантской материальной базы, как Великая Отечественная война. Она потребовала величайшей по размерам мобилизации всех видов социалистической собственности во всех отраслях сельского хозяйства и промышленности, кредитной и финансовой системы, транс-

порта, всех других отраслей социалистического хозяйства. Во время войны каждый рубль, каждый килограмм продуктов, сырья, промышленных изделий имел значение для организации победы. Росту значения социалистической собственности соответствовало усиление опасности посягательств на нее. Усилению же опасности посягательств на социалистическую собственность должно было соответствовать усиление ответственности за такие посягательства. Это усиление ответственности выразилось, как мы видели, в разных направлениях: в усилении охраны тех видов социалистической собственности, которые имеют особое значение для организации разгрома врага, в усилении ответственности лиц, на которых возложена охрана социалистической собственности, в усилении ответственности должностных лиц, по вине которых был нанесен ущерб социалистической собственности, в признании некоторых новых обстоятельств основанием для квалификации хищений социалистической собственности по закону 7 августа 1932 г., в усилении материальной ответственности расхитителей социалистической собственности.

Преступления, особо опасные против порядка управления, колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи нашей страны. Как известно, по объекту и объективной стороне большинство этих преступлений ничем не отличается от соответствующих контрреволюционных преступлений. Однако не все из числа преступлений этой категории равно повысили свою опасность во время войны, а если и повысили, то нуждались в усилении уголовной ответственности за них. В огромной степени выросла опасность двух групп этих преступлений, тесно между собою связанных по их вреду для дела победы над врагом: преступлений, объектом которых является транспорт, и преступлений, объектом которых являются непосредственно интересы обороны СССР.

Наш обзор развития во время войны Особенной части уголовного права показал, какое значение сыграли ст. 59^{3а} УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик в деле усиления ответственности за нарушение трудовой дисциплины на транспорте. Этот же обзор показал, что ряда изменений и дополнений потребовали во время войны составы преступлений, особо

опасных против порядка управления, направленных против обороны СССР.

Исключительную роль — в особенности в начале войны — в борьбе с уклонением от повинностей военного времени сыграла ст. 59^б УК — статья, действующая только в условиях военного времени. Однако статья эта, бывшая в начале войны общей нормой, предусматривающей все случаи уклонения от повинности военного времени, стала впоследствии субсидиарной нормой, применявшейся только при отсутствии специальных норм о конкретных видах уклонения.

Еще большее, пожалуй, развитие испытало во время войны применение на практике статей уголовных кодексов о должностных преступлениях. «Правда» в передовой статье от 12 марта 1944 г. писала: «В военное время советский и хозяйственный аппарат призван обеспечить точное исполнение директив Государственного Комитета Обороны, советского правительства по обслуживанию фронта. Более того, — этот аппарат становится составной, неотъемлемой частью всего военного организма страны». Эта столь возросшая во время войны роль административного и хозяйственного аппарата в огромной мере должна была усилить ответственность должностных лиц Советского государства за нарушения ими своего служебного долга. Отсюда и рост уголовной ответственности должностных лиц, который мы наблюдали в нашем обзоре. Этим объясняется, в частности, и более легкий переход от квалификации по ст. 109 и 116 УК к квалификации по закону 7 августа 1932 г., и более легкий переход от ответственности по 1 ч. ст. 116 к ответственности по 2 ч. той же статьи, и учащение применения к должностным преступлениям ст. 109.

И, наконец, та группа преступлений, в отношении которых последовало во время войны наибольшее сравнительно количество Указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений СНК СССР, постановлений Пленума Верховного суда СССР, разъяснений Прокуратуры СССР и НКЮ СССР, а именно — преступлений в области трудовых отношений. И здесь мы встречаемся с очевидной закономерностью развития. От степени трудовой дисциплины в тылу зависело снабжение фронта всем, без чего не могла быть достигнута победа: воору-

жением, боеприпасами, продовольствием, транспортными средствами, обмундированием, снаряжением, бесчисленным количеством других предметов самой разнообразной номенклатуры, снабжение промышленности сырьем, населения — продовольствием. Это обусловило необходимость еще большего повышения трудовой дисциплины во время войны. Если преобладающая масса трудящихся СССР, движимая чувством долга перед Родиной, побуждаемая высоким чувством патриотизма, без всякого принуждения поднимала на новый, еще более высокий уровень трудовую дисциплину, то на Особенную часть уголовного права выпала задача содействовать воспитанию дисциплины среди отдельных, недостаточно сознательных, а также среди молодых кадров рабочих и служащих, в большом количестве пришедших во время войны на производство. Этим объясняются изменения и дополнения законов о трудовой дисциплине, а также изменения в судебной практике по делам о нарушении трудовой дисциплины.

Нетрудно, таким образом, убедиться, что изменения и дополнения, происходившие во время войны в области Особенной части уголовного права, имели место по отношению к тем категориям преступлений и к тем отдельным составам преступлений, которые приобрели во время войны повышенную опасность и могли бы тормозить достижение задачи скорейшего разгрома врага, если бы борьба с ними не была усилена.

2. Развитие новых составов преступлений

Развитие Особенной части уголовного права во время Отечественной войны показало, что принятая в уголовных кодексах система Особенной части (практическая система), как и система, которой следуют учебники и программы по Особенной части (теоретическая система), нуждаются в некоторых изменениях.

Со всей четкостью выявилась прежде всего назревшая необходимость создать в системе Особенной части новый раздел — преступления против обороны СССР, совершаемые невоеннослужащими. В действующих уголовных кодексах преступления, объектом которых является оборона СССР, а субъектом — невоеннослужащие,

разбросаны по самым разнообразным главам Особенной части, начиная с главы о контрреволюционных преступлениях и кончая иными преступлениями против порядка управления (ст.ст. 64, 66, 68 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Указы Президиума Верховного Совета СССР, изданные во время войны, создали целый ряд новых составов, объектом которых является оборона СССР. Достаточно отметить Указ 6 июля 1941 г. об ответственности за распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, Указ 26 декабря 1941 г. об ответственности за самовольный уход с предприятий военной промышленности, Временные правила об учете и передвижении военнообязанных и призывников 16 января 1942 г., Указ 13 февраля 1941 г. о мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве¹ и др.

Если собрать воедино все вновь введенные составы преступлений, направленные против обороны СССР, с аналогичными составами преступлений, известными уже действующему законодательству, то получится цельная, объединенная одним общим признаком категория преступлений против обороны СССР.

Цельность и целеустремленность этой категории преступлений, единство ее содержания становятся особенно очевидными, если привести все преступления этой категории в систему, а именно:

---

¹ Преступление, предусмотренное этим Указом, принято относить к преступлениям против трудовой дисциплины (Учебник уголовного права, изд. 1943 г., Особенная часть, стр. 303; Учебник уголовного права для юридических школ, 1943, стр. 249 и др.; такой же точки зрения придерживался и автор настоящей главы, см. М. М. Исаев и Б. С. Утевский. Материалы по Особенной части уголовного права, 1943, стр. 47). Учитывая, однако, что Указ этот предназначен только для военного времени и что, главное, Указ прямо указывает на задачу обеспечения рабочей силой важнейших предприятий и строек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства, работающих на нужды обороны, следует прийти к выводу, что объектом этого преступления является оборона СССР.

✓ А. Общие виды преступлений против обороны СССР

а) Отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинности (ст. 59^б).

б) Разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную тайну (Указ от 15 ноября 1943 г.).

✓ Б. Преступления против крепости тыла во время войны

а) Пропаганда или агитация в военной обстановке, направленные к возбуждению национальной вражды или розни (ч. 2 ст. 59^г).

б) Распространение во время войны ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ 6 июля 1941 г.).

✓ В. Преступления против подготовки, учета и мобилизации кадров Советской Армии

а) Нарушение правил учета военнообязанных (ст. 64).

б) Уклонение от опытных и поверочных мобилизаций (ст. 66 УК).

в) Отказ или уклонение от обязательной военной службы военнослужащих и военнообязанных запаса, а во время войны отказ или уклонение от всеобщего обязательного военного обучения (ст. 68).

г) Нарушение правил учета и передвижения военнообязанных и призывников в военное время (Правила, опубликованные 16 января 1942 г.).

Г. Преступления против трудовой дисциплины

а) Самовольное оставление во время войны служащими и рабочими работы в предприятиях военной промышленности (Указ 26 декабря 1941 г.).

б) Уклонение от мобилизации во время войны для работы на предприятиях и стройках военной промышленности (Указ 13 февраля 1942 г.).

Д. Преступления против материального оснащения Советской Армии

а) Тайное или открытое похищение огнестрельного оружия, частей к нему и огневых припасов из складов и хранилищ Советской Армии (ст. 59^{3а}).

б) Уклонение от поставки лошадей на укомплектование территориальных частей Советской Армии во время обучения (ч. 1 ст. 70).

в) Нарушение правил о военном и ином учете рабочих животных, повозок, автомобилей и т. д. (ч. 2 ст. 70).

г) Заявка и передача за границу изобретений, относящихся к государственной обороне (ст. 84-б).

д) Бесхозяйственность и другие хозяйственные преступления (ст. ст. 128, 131) в боевой обстановке (ст. 132)¹.

Единство объекта всей этой категории преступлений, общая их направленность против интересов обороны СССР, чрезвычайная их общественная опасность и необходимость последовательной и суровой борьбы с ними делают целесообразным выделение этих составов в самостоятельную категорию в системе Особенной части уголовного права в теоретической схеме и практически — в будущем проекте Уголовного кодекса СССР.

Аналогично обстоит дело и с преступлениями в области трудовых отношений. Действующие уголовные кодексы союзных республик не знают специальной главы, в которой были бы объединены все преступления этой группы. Да это и понятно. В уголовных кодексах содержится мало составов таких преступлений. Введение новых составов преступлений в области трудовых отношений началось гораздо позже, а именно с 1940 г., когда был издан Указ 26 июня об ответственности за самовольный уход с работы и прогул без уважительных причин. Во время войны был введен ряд новых составов преступлений этой группы. Эти вновь образованные составы преступлений образуют вместе с имевшимися

---

¹ Уже после написания настоящей главы появилась работа В. Д. Меньшагина — Преступления против обороны СССР, которая построена на мысли о необходимости выделить особую группу преступлений — преступлений против обороны СССР. Предлагаемая в этой работе система преступлений против обороны СССР несколько отличается от вышеприведенной.

ранее вполне самостоятельную категорию преступлений, объединенную единым объектом, характеризующуюся общностью нарушаемых интересов и отличную по своим юридическим признакам от других категорий преступлений. Целесообразность предоставления этой категории самостоятельного места в системе Особенной части уголовного права диктуется и тем значением, которое трудовая дисциплина имеет в социалистическом государстве не только в условиях военного времени, но и в мирное время.

Во время Отечественной войны эти преступления можно было систематизировать следующим образом:

А. Нарушение трудовой дисциплины

а) Самовольный уход с работы (ч. 1 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г.).

б) Прогул без уважительных причин (ч. 2 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г.).

в) Нарушение учащимися ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО дисциплины и самовольный уход из училища (школы) (Указ 28 декабря 1940 г.).

г) Невыполнение колхозниками обязательного минимума трудодней (Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 апреля 1942 г.).

д) Самовольный уход с предприятий и учреждений мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах (Указ 29 ноября 1942 г.).

е) Нарушение трудовой дисциплины во взрывоопасных цехах (ст. 108¹ УК).

Б. Посягательство на плановое распределение рабочей силы

а) Невыполнение приказа об обязательном переводе инженеров, конструкторов, техников, мастеров, чертежников, бухгалтеров, экономистов, счетно-финансовых и плановых работников, а также квалифицированных рабочих на другие предприятия или в учреждения (Указ 19 октября 1940 г.).

б) Отказ во время войны рабочих и служащих, освобождающихся в связи с сокращением штатов, консервацией строительства и т. п., от перехода на другую работу (Постановление СНК СССР от 23 июля 1941 г.).

в) Уклонение медицинских работников во время войны от перевода в другие медицинские учреждения (Указ 30 января 1943 г.).

В. Уклонение от трудовых мобилизаций

а) Уклонение от мобилизации на работу в колхозы, совхозы и МТС (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.).

б) Отказ или уклонение от трудовых повинностей, а также задержка лиц, работающих в предприятиях и учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности (Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г.).

Г. Преступления, посягающие на условия труда

а) Нарушение общих постановлений о труде (ст. ст. 133 и 135 УК).

б) Нарушение правил охраны труда в строительной и горной промышленности (ст. 108 УК).

Как видно, и эта группа преступлений настолько значительна по своей опасности, что и в отношении ее должен быть поставлен вопрос о включении ее в Уголовный кодекс.

3. Развитие дробных составов преступлений

Советские уголовные кодексы отличаются, как известно, своей краткостью, немногочисленностью статей, отсутствием дробных составов преступлений. Это достигается, в частности, путем широких формулировок отдельных составов преступлений, позволяющих таким путем охватывать весь круг возможных видов того или иного преступления. Такого законодательного метода придерживаются и имеющиеся проекты Уголовного кодекса СССР. Пожалуй, только кража (ст. 162 с шестью ее пунктами и ст. ст. 59^{3а}, 166 и 166-а УК РСФСР) и

убийство (ст. ст. 136—139 УК РСФСР) представлены в уголовных кодексах союзных республик дробными составами преступления. Но и эта дробность крайне скромна по сравнению с дробностью соответствующих составов преступлений в иностранных кодексах, в особенности старых. Так, французский Code pénal содержит 22 статьи о кражах и 11 об убийстве; уголовный кодекс штата Нью-Йорк — 32 статьи о воровстве и 16 об убийстве; швейцарский уголовный кодекс, отличающийся своей краткостью, предусматривает 8 видов кражи и 7 видов убийств.

Правда, некоторые новейшие иностранные кодексы (японский 1908 г., польский 1932 г., датский 1935 г. и др.) переходят от системы дробных составов к широким «каучуковым» формулировкам составов преступлений. Однако в капиталистических государствах такой переход характерен главным образом для реакционных кодексов. В этих кодексах он является выражением стремления развязать руки судейскому произволу и означает отказ или ослабление буржуазно-демократического принципа легальности.

Принципиально иной характер имеют широкие формулировки диспозиций статей Особенной части в советских уголовных кодексах. Переход в 1922 г. от разбросанности, несистематизированности и пробельности, господствовавших до того, к системе кодексов сам по себе означал уже огромный шаг вперед с точки зрения укрепления законности. Даже широкие формулировки составов преступлений в первых советских уголовных кодексах были достижением по сравнению с предшествующим состоянием уголовного законодательства. Сохранение на длительный период широких составов преступлений имело на определенном этапе развития советского уголовного права то преимущество, что, при отсутствии еще достаточного опыта борьбы с преступностью и невозможности в связи с этим заранее сформулировать все возможные дробные составы того или иного преступления, широкие формулировки давали возможность применять уголовную репрессию к новым формам преступной деятельности.

Однако широкие формулировки диспозиций имеют и отрицательные стороны. Отдельные виды того или иного преступления могут быть крайне разнообразны по сте-

пени своей опасности. Неизбежность при широких формулировках и санкций с широкими рамками открывает возможность разнобоя в судебной практике при назначении наказаний за тот или иной вид преступления.

Наоборот, дробные составы, избегая этого недостатка, имеют ряд положительных сторон. Они фиксируют внимание суда на выделяемых (или по причине их распространенности, или вследствие большой или, наоборот, малой их опасности) видах того или иного преступления. Они дают возможность дифференцировать наказание в соответствии с опасностью того или иного вида данного преступления и тем самым являются средством укрепления законности. Они позволяют направлять острие репрессии против тех форм того или иного преступления, которые являются более опасными, чем другие формы того же преступления.

Выделение в советском уголовном праве дробных составов преступлений из имевшихся широко сформулированных началось еще до Отечественной войны и еще до Отечественной войны приняло широкие размеры. Достаточно указать на введение: дробных составов кражи (ст. 162) — похищение огнестрельного оружия и боевых огнеприпасов из складов и хранилищ Красной Армии (ст. 59^{3а}) и мелкая кража на производстве (Указ 10 августа 1940 г.); дробных составов умышленного истребления или повреждения имущества государственных или общественных учреждений или предприятий (ст. 79) — хищнический убой скота (ст. 79¹), порча и поломка принадлежащих колхозам, совхозам и МТС сельскохозяйственных машин (ст. 79²), преступно небрежное обращение с лошадьми в колхозах, совхозах и МТС (ст. 79⁴); дробных составов хозяйственных преступлений (ст. 128) — выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции (ст. 128-а), обмеривание и обвешивание покупателей (ст. 128-в); дробных составов должностных преступлений (ст. ст. 109, 111) — содействие организации лжекооперативов (ст. 111-а) и др.

Отечественная война усилила тенденцию к созданию новых дробных составов на основе уже имеющихся широко очерченных составов. Тенденция эта развивалась во время войны как в Указах Президиума Верховного Совета, так и в директивных указаниях руководящих органов юстиции.

Ряд указов выделил новые составы преступлений на основе уже имевшихся широко очерченных составов.

Наиболее отчетливо происходит процесс выделения дробных составов преступления из ст. 59^б УК. Как мы уже видели, из диспозиции этой статьи — отказ или уклонение от выполнения повинностей — выделяется Указами Президиума Верховного Совета СССР ряд частных случаев невыполнения повинностей.

Так, Указ от 13 февраля 1942 г. из всех случаев уклонения от выполнения повинностей выбрал один случай — уклонение от мобилизации на период военного времени трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве — и образовал из этого случая уклонения самостоятельный дробный состав преступления, караемый исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года.

В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 13 апреля 1942 г. берется еще одна повинность военного времени, неисполнение ее выделяется из общей нормы ст. 59^б и создается самостоятельный дробный состав преступления с санкцией, также резко отличающейся от санкции ст. 59^б, а именно — уклонение от мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей на работу в колхозах, совхозах и МТС с санкцией — исправительно-трудовые работы на срок до 6 месяцев.

Но ст. 59^б не была исключением. Во время войны понадобилось выделить дробных составов преступлений и на основе других статей уголовных кодексов и Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Так, ч. 1 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г. в общей форме говорит о самовольном уходе служащих и рабочих из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений. Характер предприятия не играет здесь никакой роли. Но, в противоположность широкой санкции ст. 59^б, санкция в данном случае оказалась недостаточной и не соответствующей опасности, представляемой во время войны самовольным уходом служащих и рабочих с предприятий военной промышленности. Как указывает введение к Указу 26 декабря 1941 г., потребовалось усиление ответственности рабочих и служащих, работающих на военных заводах. С этой целью Указ выделил из общего состава — само-

вольного ухода — один конкретный его вид — самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности и образовал из него новый drobный состав преступления с санкцией, соответствующей тяжести преступления: тюремное заключение на срок от 5 до 8 лет¹.

Хищение имущества МТС и совхозов подпадает или под признаки п. «г» ст. 162 УК или, в зависимости от обстоятельств дела, подпадало под действие закона 7 августа 1932 г. Законодатель, учитывая особый характер хищения горючего в МТС и совхозах, Указом 23 июня 1942 г. выделил такое хищение в самостоятельный состав преступления с санкцией — тюремное заключение на срок от 3 до 5 лет.

Указ 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам» создал ряд drobных составов преступлений.

Так, незаконное награждение соответствующими командующими Советской Армии орденами, медалями СССР и нагрудными знаками лиц, не имеющих прямого отношения к армии или флоту, представляет собою не что иное, как частный вид злоупотребления властью. Превращая этот частный вид злоупотребления властью в самостоятельный состав преступления, законодатель не преследовал цели усиления репрессии — наоборот, репрессия здесь значительно слабее чем по ст. 109 УК (лишение свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет). Созданием drobного состава законодатель фиксировал в данном случае внимание соответствующих командующих на незаконности и наказуемости указанных действий и таким способом осуществлял задачу общего предупреждения.

Присвоение себе ордена, медали или нагрудного

---

¹ Отнесение этого преступления к группе преступлений, особо опасных против порядка управления, и то обстоятельство, что объектом этого преступления являются интересы обороны СССР, не колеблют утверждения, что здесь имеется drobный состав преступления, предусмотренного Указом 26 июня 1940 г. По существу во время войны и преступления, квалифицируемые по Указу 26 июня 1940 г., как правило, нарушают интересы обороны СССР.

знака близко примыкает к предусмотренному ст. 77 УК «присвоению себе звания» и могло бы в сущности преследоваться по аналогии с этой статьей. Законодатель, однако, считает этот вид присвоения более опасным и, выделяя его в самостоятельный состав преступлений, усиливает репрессию (лишение свободы сроком от 2 до 3 лет вместо лишения свободы на срок до 2 лет по ст. 77).

Наконец, предусмотренная п. 5 Указа 2 мая 1943 г. халатность должностного лица, допустившего хищение ордена, медали или нагрудного знака, является видом должностной халатности, предусмотренной ст. 111 УК. В данном случае выделение дробного состава также не преследует усиления репрессии, — репрессия здесь слабее, чем по ст. 111 (тюремное заключение от 1 года до 2 лет вместо лишения свободы на срок до 3 лет по ст. 111). Задача и в данном случае — выделением дробного состава укрепить у соответствующих должностных лиц сознание преступности халатного отношения к хранению орденов, медалей и нагрудных знаков и таким именно образом осуществить задачу общего предупреждения.

На этих примерах мы можем, отклоняясь несколько в сторону, отметить: практика военного времени показала, что задача усиления общего предупреждения достигается отнюдь не одним только усилением репрессии за то или иное преступление. Методом усиления общего предупреждения может служить и фиксирование внимания определенного круга субъектов на преступности и наказуемости тех или иных действий. Этот метод усиления общепредупредительного действия уголовного закона является несомненно одной из особенностей советского уголовного права.

Специальный вид измены Родине — а именно пособничество со стороны предателей, граждан СССР, немецким убийцам и насильникам — выделяется в самостоятельный состав преступления Указом 19 апреля 1943 г. Этот состав является дробным составом измены Родине. Особая опасность этого вида измены Родине и особая его моральная низость и презренность нашли справедливую оценку в введении за это гнусное преступление наказания в виде смертной казни через повешение или каторжных работ сроком от 15 до 20 лет.

Таковы дробные составы преступлений, введенные Указами Президиума Верховного Совета СССР на основе имеющихся в действующем законодательстве и в общей форме средактированных составов преступлений.

Президиум Верховного Совета СССР не мог, естественно, столь же быстро, как это могла делать судебная практика, реагировать на выявившиеся на практике случаи необходимости конкретизировать те или иные действия, выделяя их в самостоятельные составы преступлений на основе общих норм закона.

И действительно, нетрудно проследить, как в ряде случаев в процессе применения какой-либо общей нормы Особенной части типизировались специфические для военного времени частные случаи того или иного состава преступления, как они фактически образовывали дробный состав этого преступления, требовавший в силу своих особенностей выделения из среды других частных случаев того же состава преступления, и как судебная практика оформляла создавшееся таким образом положение, формулируя этот дробный состав и устанавливая санкцию за него по соответствующей статье Уголовного кодекса.

Приведем несколько примеров.

Кража личного имущества граждан, совершаемая во время воздушного налета врага или при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, а также кража личного имущества эвакуированных формально прямо охватывается пунктами «а», «б» или «в» ст. 162 УК. Фактически же в силу своих специфических особенностей этот вид кражи представлял опасность, требовавшую иной санкции, чем санкция в указанных пунктах ст. 162. Пленум Верховного суда СССР, обрисовав в постановлении от 8 января 1942 г. специфические признаки этого нового вида кражи, четко отличающие его по всему своему характеру от иных видов кражи, и признав, что он подлежит квалификации по п. «г» ст. 162 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, санкционировал потребность практики в наличии такого именно дробного состава кражи. Правда, Верховный суд СССР мотивирует квалификацию этого вида кражи по п. «г» ст. 162 и соответствующим статьям УК других

союзных республик тем, что он подпадает под признаки кражи, совершенной во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия. Однако если рассматриваемый вид кражи действительно является одним из видов кражи во время общественных бедствий (с этим спорить не приходится), то из возможных других видов кражи частного имущества во время общественного бедствия этот вид кражи выделяется своим особым характером, глубоко отличным от таких общественных бедствий, как пожар или наводнение, которые имел в виду законодатель, формулируя п. «г» ст. 162 УК.

Другой пример. Государственный Комитет Обороны ввел постановлением от 19 сентября 1941 г. обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. Этим была введена одна из повинностей военного времени. Формально уклонение от выполнения этой повинности в случае злостности прямо охватывалось ст. 59^б УК. При отсутствии злостности мог встать вопрос о квалификации по ст. 61 УК, если только исходить из того, что ст. 61 сохраняет свое действие во время войны, или же о признании такого уклонения административным проступком, если считать ст. 61 УК потерявшей на время войны свою силу.

Между тем, уклонение от всеобщего обязательного обучения военному делу по своему характеру и по степени своей опасности выделялось из тех случаев уклонения от выполнения повинности, которые имеет в виду ст. 59^б и за которые установлена столь суровая санкция, как лишение свободы на срок до 10 лет.

С другой стороны, уклонение от всеобщего обязательного обучения военному делу выделялось и по своему особому характеру и по своей опасности от тех случаев уклонений, которые имеет в виду ст. 61 УК и которые, в случае их совершения в первый раз, рассматриваются как административный проступок, а в случае повторности караются лишением свободы или исправительно-трудовыми работами на срок до 1 года.

Это и учел Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 11 октября 1941 г., указав, что уклонение от всеобщего обязательного обучения должно квалифицироваться по ст. 68 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, предусма-

тривающим уклонение от обязательной военной службы допризывников или не состоящих в рядах армии военнослужащих и военнообязанных запаса.

Третий пример. В условиях военного времени появился новый вид хищения, а именно хищения продовольственных и промтоварных карточек. Подпадая, в зависимости от обстоятельств, под признаки одного из пунктов «а», «б» или «в» ст. 162 (речь идет о хищении у частных лиц) или под признаки ст. ст. 165 и 167 УК, этот вид хищения по своим специфическим особенностям, характерным для условий военного времени и вряд ли имевшимся в виду законодателем в 1926 г., по своей повышенной опасности и по особо тяжелым последствиям, конечно, только формально мог считаться одним из видов кражи, предусмотренных в п. «а», «б» или «в» ст. 162 УК. Специфические особенности этого вида кражи давали все основания для выделения его в самостоятельный дробный вид кражи с повышенной санкцией. Пленум Верховного суда СССР постановил 8 января 1942 г. квалифицировать хищение карточек по совокупности по соответствующей статье УК, предусматривающей хищение (т. е. кражу, грабеж или разбой) и по ст. 19 и ч. 2 ст. 169 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик (т. е. покушение на мошенничество). Мы имеем здесь налицо фактически то же самое явление: выделение в дробный состав преступления одного из видов кражи частного имущества.

Четвертый пример. Дробный состав нарушения трудовой дисциплины на транспорте был выделен постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1941 г., указавшим, что прогул без уважительных причин или самовольный уход, а также появление на работе в нетрезвом виде работников транспорта, если это нарушение трудовой дисциплины повлекло или могло повлечь последствия, указанные в ст. 59^{3а} УК РСФСР, должны квалифицироваться по этой именно статье, а не по Указу 26 июня 1940 г.

Приведем, наконец, случаи появления в порядке практики новых дробных составов преступлений, оформленных разъяснениями НКЮ СССР.

а) Злостное уклонение от сдачи трофейного оружия и боеприпасов, а также другого чужого имущества гражданами, проживавшими в районах, временно захвачен-

ных фашистскими оккупантами. Как разъяснил приказ НКЮ СССР от 26 января 1942 г., лица, не сдавшие в установленный срок указанного оружия, боеприпасов и чужого имущества, подлежат ответственности по ст. 182 УК, а в случае злостного уклонения от сдачи—по ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Ст. 182, предусматривающая хранение огнестрельного оружия без надлежащего разрешения, конечно, была рассчитана на совершенно иного рода обстоятельства и, естественно, не могла предвидеть возможности несдачи трофейного оружия и боеприпасов жителями районов, временно занятых оккупантами. Хотя диспозиция статьи в данном случае формально охватывает и этот вид незаконного хранения оружия, но по всем своим признакам, по степени своей опасности этот вид незаконного хранения оружия резко отличается от тех его видов, которые имел в виду в 1926 г. законодатель.

Приказ НКЮ СССР разъяснил, что лица, злостно уклонившиеся от сдачи в установленный срок огнестрельного оружия и боеприпасов, привлекаются к ответственности по ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Имеем ли мы здесь вид контрреволюционного саботажа, предусмотренного ст. 58¹⁴ УК РСФСР? Нет, так как здесь отсутствует та «специальная цель ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата», которая является существенным признаком состава преступления ст. 58¹⁴. Как правильно указывает Учебник уголовного права ВИУН (Особенная часть), по существу мы имеем здесь новый состав преступления, для наличия которого не требуется прямого контрреволюционного умысла, с санкцией по ст. 58¹⁴.

б) Аналогично обстоит дело и с порчей в тех же условиях трофейного оружия, боеприпасов и иного чужого имущества, а также с уклонением от сдачи брошенного противником и подобранного иного имущества (обмундирования, обуви, людского и конского снаряжения и т. п.). Согласно того же приказа, лица, виновные в такой порче, подлежат штрафу до 3000 руб., а в случаях злостной порчи или злостного уклонения от сдачи имущества привлекаются к уголовной ответственности.

по ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

В отношении порчи указанного имущества мы имеем налицо частный случай преступления, предусмотренного ст. 79 УК (умышленное истребление или повреждение государственного имущества), поскольку трофейное имущество принадлежит государству. И здесь, в силу специфики преступных действий, целесообразным оказалось выделить этот случай в самостоятельный drobный состав преступления с санкцией по ст. 58¹⁴.

Судебная практика квалифицировала по ст. 58¹⁴ действия лиц, захвативших при временном отступлении Красной Армии те или другие вещи, являющиеся социалистической собственностью, и злостно не выполнивших после изгнания фашистских оккупантов распоряжений власти о сдаче населением государственного имущества. Судебная коллегия по уголовным делам указала по одному конкретному делу, что «если растаскивание имущества имело место в условиях, когда населенный пункт был оставлен советской властью, то такого рода действия не содержат в себе состава преступления»¹. Однако несдача такого имущества после изгнания оккупантов являлась по существу присвоением (т. е. хищением) социалистической собственности. Если суды квалифицировали случаи несдачи по ст. 58¹⁴, то это не означает, что они рассматривали их как саботаж, ибо в этих случаях отсутствовала контрреволюционная цель. На самом деле мы имеем здесь выделение в самостоятельный drobный состав наиболее опасного вида присвоения социалистической собственности с санкцией по ст. 58¹⁴.

Все приведенные выше примеры подтверждают четко выраженную тенденцию развития Особенной части советского уголовного права периода Отечественной войны, состоящую в выделении drobных составов преступлений. Установление этой тенденции представляет интерес не только с точки зрения изучения развития Особенной части во время войны: эта тенденция не сможет быть оставлена без внимания в будущем при работе над составлением проекта Уголовного кодекса.

¹ Уголовное право, Особенная часть, 1943, стр. 76.

IV. ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Изменение квалификации административных и дисциплинарных проступков

Оценка степени опасности тех или иных действий находит, как известно, свое выражение и в отнесении их или к административным (дисциплинарным) проступкам или к уголовным преступлениям.

Повышение во время войны опасности некоторых действий, как относившихся еще до войны к административным (дисциплинарным) проступкам, так и объявленных во время войны вначале административными проступками, получало свое юридическое оформление в последующем признании таких действий преступлениями.

Систематизируя отдельные случаи такого перерастания административных (дисциплинарных) проступков в уголовные преступления, мы убеждаемся в том, что имеем дело не с отдельными случайными явлениями, а с определенной тенденцией военного времени.

Эта тенденция нашла свое выражение в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». Если невыполнение такого минимума до издания этого постановления рассматривалось как дисциплинарный проступок, то согласно постановлению 13 апреля 1942 г. оно является уголовным преступлением.

Наиболее последовательно тенденция перекалфикации во время войны повысивших свою опасность административных и дисциплинарных проступков в уголовные преступления проявлялась в практике руководящих органов юстиции.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» предоставил военным властям в местностях, объявленных на военном положении, вводить трудовую повинность (п. 3 «в»). Неисполнение соответствующих постановлений влекло за собою наказание в административном порядке (лишение свободы сроком до 6 месяцев или штраф до 3000 руб.). Однако злостное уклонение от трудовой повинности, и притом не только в местностях, объявленных на военном положении, но и в остальных местностях, рассматривалось

судами как преступление, квалифицируемое по ст. 59^б УК. Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г., установившее порядок введения трудовой повинности граждан, в том числе в местностях, объявленных на военном положении, предложило в соответствии с установившейся практикой виновных в отказе или уклонении от трудовой повинности привлекать к уголовной ответственности по законам военного времени¹.

Нарушение правил о светомаскировке и распоряжений по местной противовоздушной обороне влекло за собою ответственность в административном порядке (в местностях, объявленных на военном положении, согласно ст. 4 п. «а» Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» от 22 июня 1941 г.). Однако злощность нарушения превращала это административное нарушение в уголовное преступление².

Нарушение правил внутреннего распорядка нанявшимися влечет за собою дисциплинарную ответственность. Однако, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1941 г., в тех случаях, когда такое нарушение дисциплины допущено с целью добиться увольнения, оно перерастает в уголовное преступление и квалифицируется по ч. 1 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.

Уголовные кодексы союзных республик считают изготовление и хранение самогона без цели сбыта, а также сбыт самогона не в виде промысла административным нарушением (ч. 2 ст. 102 УК РСФСР). Однако 24 декабря 1941 г. Пленум Верховного суда СССР, указав, что в условиях военного времени применение мер административного взыскания представляется явно недостаточным в деле борьбы с самогоноварением, предложил во всех случаях самогоноварения передавать дела в суды для рассмотрения их по аналогии с ч. 1 ст. 102 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

---

¹ Трудовое законодательство военного времени, Профиздат, 1943, стр. 13.

² В отношении местностей, объявленных на военном положении, — согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 26 июня 1941 г., а в отношении остальных местностей — по директиве НКЮ СССР и Прокуратуры СССР.

Нарушение лицами, мобилизованными на сельскохозяйственные работы в колхозах, совхозах и МТС, правил внутреннего распорядка рассматривалось как дисциплинарный проступок. Однако в тех случаях, когда такие нарушения носят систематический или злостный характер, они по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. квалифицировались как уклонение от работы.

Перечень таких случаев перерастания во время войны административных нарушений в уголовные преступления можно было бы продолжить.

2. Влияние отягчающих и смягчающих обстоятельств на квалификацию преступлений

Ст. ст. 47 и 48 УК содержат перечень (примерный) обстоятельств, отягчающих и смягчающих ответственность. Значение таких обстоятельств известно. Оно точно определено в ст. ст. 31 и 32 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Отягчающие обстоятельства влекут за собою применение более строгой меры наказания (ст. 31 Основных начал), смягчающие обстоятельства — применение более мягкой меры наказания (ст. 32 Основных начал). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР по одному конкретному делу провела различие между обстоятельствами, только отягчающими вину, и обстоятельствами, составляющими существенный признак преступления. Говоря о подсудимом по делу, Судебная коллегия указала: «Нельзя считать, что при наличии такого отягчающего его вину обстоятельства меняется состав преступления»¹. В неофициальной аннотации определения по данному делу выставляется положение: «Отягчающие обстоятельства, не меняющие содержания инкриминируемого преступления, могут повлиять на квалификацию преступления только в том случае, если закон прямо предусматривает изменение квалификации при отягчающих обстоятельствах».

Таким образом, бесспорным представляется, казалось бы, положение, что при отсутствии специального указа-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940, стр. 145—146; определение по делу Богданова.

ния о том в законе отягчающее обстоятельство может повлечь только усиление наказания в рамках санкций данной статьи УК, что надо четко различать обстоятельства, составляющие существенный признак преступления, и что определенное обстоятельство из отягчающего вину может превратиться в обстоятельство, составляющее существенный признак преступления лишь в случае, если такое превращение прямо предусмотрено законом.

Эти положения, конечно, относятся полностью и к обстоятельствам, смягчающим ответственность.

Во время Отечественной войны наметилась и получила некоторое развитие тенденция, идущая вразрез с этими положениями. Во многих случаях судебная практика и разъяснения НКЮ СССР рассматривали некоторые отягчающие и смягчающие обстоятельства как обстоятельства, дающие основание квалифицировать те или другие действия не по данной статье, а по иным статьям Уголовного кодекса. Иными словами, обстоятельства, отягчающие или смягчающие вину, превращались в существенные признаки, образующие состав иного преступления.

Обстоятельства эти следующие: рецидив, последствия преступления, возраст, злость.

Пункт «в¹» ст. 47 УК в числе отягчающих обстоятельств называет «совершение преступления лицом, уже раньше совершившим какое-либо преступление». При этом суд, — продолжает ст. 47 УК, — «вправе, в зависимости от характера первого преступления, не признать за ним отягчающего значения».

Уголовные кодексы в довольно значительном числе статей Особой части рассматривают рецидив (неоднократность или систематичность) как отягчающее ответственность обстоятельство, влекущее за собою более тяжкое наказание, чем наказание за совершение того же преступления, но в первый раз (ч. 1 ст. 60, ч. 2 ст. 60¹, ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 62, ч. 4 ст. 64, ч. 2 ст. 74, ч. 2 ст. 79, ч. 2 ст. 83, ч. 3 ст. 87-а, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 133-а УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Только в одном случае УК рассматривает рецидив как обстоятельство, являющееся существенным признаком преступления (ст. 192-а, предусматривающая повторное нарушение установленных правил прописки паспор-

тов или временных удостоверений лицами, приезжающими в местности, где введена паспортная система, имеющими установленные документы). В другом случае одним из возможных существенных признаков преступления признается «систематичность» (ст. 109 УК). Наконец, судебная практика считала систематичность хищения социалистической собственности обстоятельством, влекущим ответственность не по статьям Уголовного кодекса, а по закону 7 августа 1932 г.

Во время войны судебная практика в ряде случаев придавала рецидиву значение существенного признака преступления.

Мы уже упоминали о двух постановлениях Пленума Верховного суда СССР (7 июля 1941 г. и 12 ноября 1942 г.), которыми прогул, совершенный в третий раз (во время отбывания наказания за предшествующие прогулы), признается основанием для квалификации его не как прогула, а как самовольного ухода с работы (вместо ч. 2 ст. 5 Указа 26 июня — по ч. 1 той же статьи в первом случае и по Указу 26 декабря 1941 г. — во втором). Рецидив при прогуле из отягчающего вину обстоятельства превращается таким образом в существенный признак другого состава преступления.

Практика квалифицировала по ст. 105 УК повторное нарушение запрещения продажи хлеба до выполнения хлебозаготовок. Так как совершение такого нарушения в первый раз признается административным проступком, то рецидив становится признаком, превращающим административное нарушение в уголовное преступление.

Согласно постановлению СНК СССР от 24 ноября 1942 г. в случае невыполнения в срок колхозными дворами, единоличными хозяйствами и хозяйствами отдельных граждан обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству народный суд, по заявлению районного уполномоченного Наркомзаготовок, налагает на недоимщиков штраф в размере до двухкратной стоимости несданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной стоимости (ст. 1). Виновные в неоднократном или злостном невыполнении обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, помимо уплаты штрафа, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 59⁶ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. И здесь, следовательно, повтор-

ность становится обстоятельством, обосновывающим применение ст. 59^б.

Судебная практика в случае повторности уклонения от мобилизации на лесозаготовки или самовольного ухода с работ по лесозаготовкам применяла к виновным ст. 59^б, т. е. опять-таки повторность считалась не отягчающим обстоятельством, а существенным признаком преступления. Это относится и к уклонению от мобилизации на работу по лесосплаву и выгрузке древесины и к самовольному уходу с таких работ.

Как мы уже видели, систематичность прогулов или нарушений трудовой дисциплины со стороны лиц, мобилизованных на сельскохозяйственные работы, признавалась практикой отказом по существу или уклонением от работы, на которую они мобилизованы. Систематичность превращала дисциплинарный проступок в преступление, т. е. являлась существенным признаком отказа или уклонения от работы.

Наличие или отсутствие вредных для государства, для государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций последствий всегда являлось существенным обстоятельством при оценке общественной опасности тех или других действий. В одних случаях наличие таких последствий или возможность их наступления являются по действующему законодательству обязательным элементом состава преступления¹. В других наличие или отсутствие таких последствий является отягчающим или смягчающим обстоятельством². Наконец, в некоторых случаях отягчающим обстоятельством является больший размер вреда³.

«Основные начала», а вслед за ними и уголовные кодексы всех союзных республик, считают отягчающим обстоятельством, «если преступление хотя и не направлено непосредственно против интересов Советского государства или интересов трудящихся, но по своим объектив-

---

¹ Ст. ст. 59^{ав}, 59^{ар}, 75^а, 73^а, 79^а, 80, 85, ч. 2; 108, 108^а, ч. 2; 108^б, ч. 4, 109—111, 128, 169-а ч. 2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

² Ст. ст. 58^а, 79, ч. 2, 79^а, 79^б, ч. 2, 81, ч. 3, 116, ч. 2 (отягчающие обстоятельства) и 81, ч. 2, 108, ч. 2, 112, ч. 2 (смягчающие обстоятельства).

³ Ст. ст. 116, ч. 2, 79^а, ч. 2, 79^б, ч. 2 УК.

ным результатам может принести ущерб этим интересам» (п. «в» ст. 31).

Как правило, причинение ущерба государству должно и в условиях военного времени оставаться отягчающим вину обстоятельством, влекущим за собою только более суровое наказание в рамках санкции данной статьи Уголовного кодекса. Пленум Верховного суда СССР указал в постановлении своем от 12 февраля 1942 г., что причиненный ущерб, согласно п. «б» ст. 47 УК РСФСР, является обстоятельством, влияющим на определение судом меры наказания¹.

В условиях войны всякий ущерб, причиненный государству, являлся вместе с тем ущербом для дела скорейшего разгрома врага, и, следовательно, ущерб государству от того или иного действия повышал опасность этого действия по сравнению с мирным временем. Вот почему в Указах Президиума Верховного Совета СССР уголовно-правового характера, изданных во время войны, последствия преступления играли столь большую роль. Первый по времени из таких Указов, а именно Указ от 6 июля 1941 г., как видно из самого его названия («Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»), считал наступление (или возможность наступления) определенных последствий (тревога среди населения) обязательным элементом состава преступления. Указ от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» считает такое разглашение или утрату квалифицированными и вдвое усиливает наказание за них (вместо лишения свободы на срок до 5 лет — лишение свободы на срок до 10 лет), если они повлекли за собою или могли повлечь тяжкие последствия.

Последствия являлись и в судебной практике военного времени обстоятельством, влиявшим на изменение квалификации.

Уже 13 ноября 1941 г. Пленум Верховного суда СССР указывает, что наступление или возможность наступления последствий, предусмотренных в ст. 59^{3в} УК

---

¹ Пост. по д. Пилипенко, «Социалистическая законность», 1942, № 11—12, стр. 27.

РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, влечет за собою квалификацию прогула или самовольного ухода с работы со стороны работников транспорта не по Указу 26 июня 1940 г., а по этим статьям УК¹. 22 октября 1942 г. Пленум Верховного суда СССР еще большее значение придал последствиям преступления в отношении работников военизированной охраны железных дорог и водного транспорта. По ст. 59^{3в} УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик должны квалифицироваться допущенные этими работниками нарушения порядка несения службы, которые повлекли или могли повлечь последствия, указанные в названных статьях УК².

Последствия от хищения семенного зерна рассматривались как основание для перехода от квалификации действий виновного по 2 ч. ст. 116 к квалификации по закону 7 августа 1932 г. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по одному конкретному делу говорится: «Учитывая значительное количество расхищенного Гладышевым колхозного зерна, большая часть которого являлась семенным, а также принимая во внимание, что хищение зерна производилось из созданных Гладышевым запасов за счет неправильного отпуска семенного материала для посева, вследствие чего уменьшился высеиваемый материал (разрядка наша. — Авт.), следует признать, что при таких обстоятельствах и систематичности действия Гладышева должны квалифицироваться не по ч. 2 ст. 116 УК (как это сделал суд), а по закону от 7 августа 1932 г.».

В зависимости «от обстоятельств дела, личности обвиняемого и размера причиненного государству ущерба» должен, как мы уже видели, решаться вопрос о квалификации по соответствующим статьям Уголовного кодекса или по закону 7 августа 1932 г. действий должностных лиц, уличенных в разбазаривании государственного или колхозного зерна (муки) и иных продовольственных ресурсов на самогоноварение (постановление Пленума Верховного суда СССР 24 декабря 1942 г.)³.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного суда Союза ССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г., 1942, стр. 9.

² «Судебная практика», вып. II, стр. 6—7.

³ «Судебная практика», вып. III, стр. 3.

Для квалификации умышленного повреждения посевов и урожая на землях, отведенных учреждениям и предприятиям под коллективные и индивидуальные огороды рабочих и служащих, известно уже нам постановление от 26 июня 1942 г. Пленума Верховного суда СССР считает обязательным наступление ущерба, причем «незначительный ущерб» не влечет за собою уголовной ответственности¹.

Наступление вредных для государства последствий приобретает значение при квалификации некоторых преступлений по ст. 58¹⁴ УК. Интерес в этом отношении представляет приводившееся уже выше определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 октября 1942 г. по делу Чванина. Чванин обвинялся в том, что, работая на шахте электрослесарем, он 34 дня не выходил на работу, изготавливая себе подложные справки, а также изготавливая подложные справки, освобождавшие от работы, ряду других рабочих шахты. Чванин был осужден по ст. 58¹⁴ УК. Верховный суд РСФСР переквалифицировал действия Чванина на ч. 1 ст. 72 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала квалификацию по ст. 58¹⁴ правильной, указав в мотивировочной части, что «при оценке действий Чванина следовало учесть, что он совершил преступление на одном из предприятий угольной промышленности, имеющей особо важное значение в условиях военного времени, где вопросы укрепления трудовой дисциплины и поднятия производительности труда играют первостепенную роль, а всякий причиненный ущерб является особо ощутительным (разрядка наша. — Авт.). На фоне трудового энтузиазма, вызванного широким патриотическим подъемом основной массы рабочих, действия Чванина, влекущие дезорганизацию производства и оказывающие отрицательное моральное влияние на неустойчивые элементы, не могут быть расценены иначе, как подрыв производства»².

Во всех приведенных случаях причинение ущерба государству играет роль не отягчающего обстоятельства, а существенного признака преступления.

¹ «Судебная практика», вып. I, стр. 1.

² «Судебная практика», вып. II, стр. 9.

Такое же значение приобрела во время войны и злость совершения преступления.

Понятие злости было известно и довоенному законодательству и судебной практике, хотя им редко пользовались и закон и практика.

Злость, как правило, понималась как обстоятельство, отягчающее ответственность. В этом смысле употребляет это понятие 2 ч. ст. 59^{3в} УК. Так понимало злость и постановление Пленума Верховного суда СССР от 28 апреля 1939 г. по делу Петрова и др.¹

Однако и довоенное законодательство и судебная практика довоенного времени знали отдельные случаи, когда злость играла роль не отягчающего обстоятельства, а существенного признака состава преступления. Так, в ст. 79³ УК злость действий, повлекших за собою гибель лошади, является существенным признаком преступления. Судебная практика считала злость хищения социалистической собственности обстоятельством, дающим основание квалифицировать хищение социалистической собственности не по статьям Уголовного кодекса, а по закону 7 августа 1932 г.

В числе других тенденций, еще до войны намечавшихся в области Особенной части, но во время войны проделавших более быстрый процесс развития, находится и тенденция признания злости лишь обстоятельством, являющимся существенным признаком преступления.

Уж в постановлении Пленума Верховного суда СССР 26 июня 1941 г. «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» существенным признаком такого нарушения, дающим основание для квалификации нарушения по ст. 59⁶ УК, объявляется злость².

---

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1940, стр. 37.

² Сборник постановлений Пленума Верховного суда Союза ССР с 23 июня 1941 г. по 1 марта 1942 г., стр. 3. И в этом, как и в последующих случаях, понятие злости не расшифровывается. В применении к нарушению правил светомаскировки З. Вышинская («Социалистическая законность», 1942, № 3, стр. 7) считает злым сознательное и умышленное нарушение распоряжений о мероприятиях по местной противовоздушной обороне, игнорирование требований светомаскировки из хулиганских побуждений, отказ

Практика применяла ст. 59⁶ УК РСФСР при злостном отказе или уклонении от внесения налогов или выполнения повинностей. Таким образом, злостность признавалась существенным признаком данного преступления.

По ст. 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик квалифицировалось злостное уклонение от сдачи трофейного имущества и злостная порча его.

Злостное или систематическое нарушение трудовой дисциплины мобилизованными на сельскохозяйственные работы рассматривалось как уклонение от выполнения работ и влекло за собою применение Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1942 г. предлагает квалифицировать по ст. 79¹ или 131 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик з л о с т н ы е случаи убоя колхозниками молодняка крупного скота, — убоя, связанного с невыполнением плановых заданий по выращиванию молодняка или с нарушением договоров контрактации молодняка для колхозных товарных ферм.

Постановление СНК СССР от 24 ноября 1942 г. предлагает квалифицировать по ст. 59⁶ неоднократное или з л о с т н о е невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству.

Судебная практика по ст. 59⁶ квалифицировала злостное уклонение от работ по лесозаготовкам и по проведению лесосплава и выгрузке древесины.

В числе смягчающих обстоятельств действующее уголовное законодательство предусматривает совершение преступления лицом, не достигшим совершеннолетия. Это обстоятельство может повлечь за собою, как известно, понижение наказания в рамках санкции данной статьи Уголовного кодекса.

В условиях войны, когда задача повышения ответственности виновных в некоторых преступлениях повела

в исправлении дефектов светомаскировки, несмотря на предупреждение и требование органов власти, дежурных по МПВО, соседей и т. д. Наконец, к злостным нарушениям относятся повторяющиеся, систематические нарушения требований светомаскировки.

к значительному усилению наказаний за их совершение, могло создаться положение, при котором и несовершеннолетние, в случае совершения ими таких преступлений, подвергались новым суровым санкциям, что однако, было бы явно нецелесообразно. Законодательство и судебная практика не могли не учесть этого обстоятельства.

Выше уже отмечалось, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» не распространило уголовную ответственность за уклонение от мобилизации на подлежащих мобилизации учащихся 6—10 классов неполных средних и средних школ, т. е. на учащихся в возрасте от 14 лет, и что, согласно указанию Пленума Верховного суда СССР, не подлежали уголовной ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход с этих работ и подростки в возрасте от 14 до 16 лет, независимо от того, являлись ли они или не являлись учащимися.

Нецелесообразность привлечения подростков от 14 до 16 лет к уголовной ответственности в тех случаях, когда новыми законодательными актами была установлена суровая репрессия за некоторые ставшие особо опасными в условиях военного времени преступления, явилась для Пленума Верховного суда СССР основанием к даче соответствующих указаний.

Так, по общему правилу подростки моложе 16 лет подлежали ответственности по Указу 26 декабря 1941 г., предусматривающему в виде санкции тюремное заключение на срок от 5 до 8 лет. Несовершеннолетие могло сыграть роль только смягчающего обстоятельства. Однако Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 1 августа 1942 г. указал, как мы знаем, что работающие на предприятиях военной промышленности ученики подростки в возрасте моложе 16 лет в отношении ответственности за самовольный уход с предприятия приравниваются к учащимся ремесленных училищ и школ ФЗО, и к ним должен применяться по аналогии Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, же-

лезнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)»¹.

После издания Указа 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» работники железных дорог за преступления против порядка службы стали привлекаться к ответственности по статьям о воинских преступлениях. В силу этого прогул свыше двух часов стал рассматриваться как самовольная отлучка, караемая по п. «в» ст. 193⁷ УК, а самовольная отлучка свыше одного рабочего дня и самовольный уход с работы — как дезертирство, караемое по п. «г» ст. 193⁷ УК. Однако Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 30 августа 1943 г. указал, что прогул без уважительных причин, совершенный работающими на транспорте подростками в возрасте до 16 лет, должен квалифицироваться по ч. 2 ст. 5 Указа 26 июня 1940 г., а самовольный уход с работы — по аналогии по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

И в этих двух случаях возраст рассматривается не как обстоятельство, смягчающее вину, а как обстоятельство, дающее основание для квалификации действия по другому, более мягкому закону.

Новые правила учета и передвижения военнообязанных и призывников², изданные во время войны, установили ответственность за нарушение военнообязанными и призывниками правил воинского учета и передвижения и за содействие этому (пособничество уклонению) по ст. 193^{10а}, хотя такие нарушения предусмотрены ст. 64 УК³.

Пленум Верховного суда СССР 18 февраля 1943 г. постановил, что преступления против установленного по-

---

¹ «Судебная практика», вып. I, стр. 2.

² «Известия», 1942, № 22.

³ Практика считает, что осуждение за нарушение правил учета по ст. 193^{10а} УК может иметь место лишь в том случае, если признано, что обвиняемый имел умысел уклониться от учета.

рядка несения службы, совершенные лицами, находившимися в силу призыва через военные комиссариаты в составе формирований местной противовоздушной обороны (МПВО), подлежали квалификации по соответствующим статьям Положения о воинских преступлениях¹. В этом случае целый ряд преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса об общеуголовных преступлениях, должен был квалифицироваться по статьям о воинских преступлениях.

СПбГУ

---

¹ «Судебная практика», вып. IV, стр. 2.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВОЙНА И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

1. ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Стоявшие перед органами расследования в период Великой Отечественной войны задачи были сформулированы в директивных указаниях Прокуратуры СССР следующим образом:

а) сосредоточить внимание всех прокурорско-следственных работников на оказании повседневной, максимальной помощи фронту; б) усилить организованную борьбу с преступностью, в первую очередь с преступностью, непосредственно мешающей интересам фронта; в) обеспечить проявление инициативы и решительности в выявлении опаснейших преступлений, обязательное проведение профилактической работы по предупреждению преступлений и быстрейшему устранению выявляемых в процессе расследования ненормальностей и дефектов в деятельности тех или иных организаций и учреждений; г) решительно улучшить качество следствия и добиться безусловного сокращения сроков расследования, особенно по преступлениям, дезорганизующим нормальную работу тыла, срывающим проведение мероприятий командования и всех других органов власти.

На время войны было отменено получение санкций вышестоящих прокуроров по некоторым категориям дел, установленных ранее изданными приказами Прокурора СССР. Такие санкции были оставлены только в случае необходимости возбуждения уголовного дела в отношении директоров предприятий союзного значения, судей, следователей и прокуроров,

а также иностранных подданных не воюющих с СССР стран.

Подследственность народных следователей была увеличена. Народные следователи обязаны были производить предварительное следствие по делам о лицах, уклоняющихся от призыва в армию, нарушающих правила воинского учета, а также о дезертирах, их укрывателях и пособниках, контактируя эту работу с органами милиции. В местностях, объявленных на военном положении, расследование по делам о преступлениях, совершенных гражданами и подсудных, согласно п. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», военным трибуналам, производилось народными следователями; через областных прокуроров такие дела направлялись затем на рассмотрение в военные трибуналы войск НКВД.

Военная прокуратура осуществляла только общее наблюдение за расследованием этой категории дел.

В прифронтовой полосе в первый период войны часть районных и областных прокуратур была военизирована, оставаясь в штате и подчинении прокуратур союзных республик, но под надзором органов военной прокуратуры.

Приказом Прокурора СССР от 28 января 1941 г. был установлен 15-дневный срок для производства расследования по многим категориям дел.

17 мая 1944 г. Прокурор СССР своим приказом за № 121 оставил сокращенные сроки расследования по следующим категориям дел: а) 15 дней — о хищениях и растратах в торговых организациях, колхозах и совхозах, о разбазаривании продовольственных и промышленных товаров, злоупотреблениях с карточками, обвешивании и обмеривании потребителей, о спекуляции; б) 10 дней — о самовольном разбазаривании материальных ценностей из государственных резервов; в) 7 дней — о должностных преступлениях, совершенных работниками сельского актива и связанных с проведением хозяйственно-политических кампаний, и о нарушении прав семей военнослужащих; г) 10 дней — о преступлениях несовершеннолетних; д) 5 дней — об уклонении от призыва в армию и выполнения трудовых повинностей.

Согг. 9.1941 г. 1944 г.

Война потребовала большей активности органов расследования в принятии мер обеспечения интересов государства путем обязательного наложения ареста на имущество обвиняемых по делам о хищениях и растратах.

Процессуальный порядок производства предварительного следствия не подвергался каким-либо изменениям в военное время, если не считать порядка расследования дел о преступлениях, предусмотренных Указом 26 декабря 1941 г., и отказа от расследования по отдельным категориям дел, где в этом не было необходимости.

В соответствии с указаниями Прокуратуры СССР постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительные заключения составлялись более сжато, чем обычно, но это не относилось к другим процессуальным актам. Наоборот, во время войны принимались меры к более четкому процессуальному оформлению дел. Так, в военное время Прокуратурой СССР была издана совместно с НКЮ СССР инструкция от 17 ноября 1943 г. «О порядке изъятия, хранения и сдачи вещественных доказательств, ценностей и иного имущества органами расследования и судами», требовавшая точного соблюдения всех процессуальных правил при совершении процессуальных действий, связанных с вещественными доказательствами.

Прокуратура СССР в период войны решительно боролась с попытками отдельных прокуроров и следователей, допускавших упрощенчество, небрежность в оформлении следственных актов и несоблюдение процессуальных норм, с попытками объяснять недочеты в следственной работе необходимостью быстро производить расследование. Прокуратура СССР разъясняла таким прокурорам и следователям, что быстрота расследования должна была достигаться в условиях военного времени не за счет снижения качества, а за счет оперативности, организованности и мобильности в их работе.

Осуществляя надзор за органами расследования, Прокуратура СССР боролась со случаями притупления бдительности со стороны отдельных работников, не всегда обращавших внимание на те или иные обстоятельства, имевшие важное значение для разоблачения вражеской агентуры.

Наряду с этим Прокуратура СССР боролась со случаями неосновательного возбуждения уголовного преследования.

В Красной Армии и Военно-Морском Флоте в период войны были изданы три важнейших акта, определявшие деятельность органов расследования и органов военной прокуратуры.

Прежде всего необходимо отметить замену инструкции органам дознания Красной Армии 1940 года новой, объявленной приказом Народного Комиссара Обороны СССР от 12 ноября 1942 г.

Инструкция 1942 года принципиально по-новому разрешала соотношение между дознанием и предварительным следствием в армии. По ранее действовавшей инструкции, органы дознания направляли все материалы военному следователю без предъявления обвинения обвиняемому, выполнения ст. 206 УПК и составления обвинительного заключения.

Соглашаясь с мнением командования о предании суду обвиняемого, военный следователь производил окончательное процессуальное оформление дела, после чего оно через военного прокурора направлялось в военный трибунал. Таким образом, органы дознания производили только первичное расследование в простейших процессуальных формах; составление же всех более сложных процессуальных актов лежало на обязанности следователя.

Такой порядок в условиях боевой обстановки не всегда позволял быстро закончить предварительное расследование, когда требовалась передача дела на рассмотрение военного трибунала в течение одних-двух суток, а иногда и в тот же день. Поэтому инструкция 1942 года предоставила органам дознания по делам, не требующим обязательного производства предварительного следствия, выполнение всех процессуальных действий (ст. ст. 128—129, 206—208 УПК и т. д.) и самостоятельное окончание расследования с непосредственным направлением материалов дознания на предание суду военному прокурору.

Применяя новую инструкцию, органы дознания встретились с некоторыми затруднениями при процессуальном оформлении действий военного дознавателя.

Согласно инструкции, военные дознаватели на фронте назначались каждый раз особо для производства дознания, а потому подчас не были подготовлены к составлению таких довольно сложных процессуальных актов, как постановление о привлечении к делу в качестве обвиняемого, обвинительное заключение и т. д. Это обстоятельство потребовало усиления руководства производством дознания со стороны органов военной прокуратуры, с каковой задачей последние справились достаточно удовлетворительно.

Таким образом, органы военной прокуратуры сумели своевременно перестроить свою работу, учли опыт первых дней войны и разработали руководящие директивы по производству расследования в условиях военного времени.

Практика работы органов военной прокуратуры и органов расследования показывает, что в основном эти органы успешно справились в период войны со своими задачами. Об этом свидетельствует награждение нескольких сот военных прокуроров и военных следователей орденами и медалями Советского Союза.

II. ПРЕДАНИЕ СУДУ И ИЗМЕНЕНИЕ ПОДСУДНОСТИ

Как известно, согласно ст. 27 Закона о судостроительстве все дела, поступающие в суд с обвинительным заключением, обязательно подлежат рассмотрению в подготовительном заседании суда. В период Великой Отечественной войны в этот порядок не было внесено каких-либо изменений. Как общие суды, так и военные трибуналы предварительно, до назначения к слушанию, рассматривали в подготовительных (распорядительных) заседаниях поступавшие к ним уголовные дела с обвинительным заключением.

Но значительно увеличилась категория дел, по которым предварительное расследование не производилось; такие дела назначались народным судьей или председателем военного трибунала непосредственно к слушанию. Помимо дел о преступлениях, предусмотренных Указом 26 июня 1940 г., такой порядок был установлен по делам о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г., — об уклонении от мобилизации трудоспособного город-

ского населения на производство и строительство, по делам об уклонении от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с работ (постановление 13 апреля 1942 г.), по делам о невыработке колхозниками обязательного минимума трудодней (постановление 13 апреля 1942 г.). Не подлежали внесению в подготовительное заседание и дела о дезертирстве с предприятий военной промышленности (Указ 26 декабря 1941 г.), хотя со второй половины 1944 г. и до конца войны по этим делам и производилось предварительное следствие, так как обвинительное заключение по этим делам по окончании расследования не составлялось.

Таким образом первой особенностью военного времени в этой стадии уголовного процесса являлось увеличение числа дел, не подлежавших предварительному рассмотрению в подготовительном заседании суда.

Другая особенность относится к военно-уголовному процессу: на время войны директивами НКЮ СССР и Прокурора СССР установлено требование предварительной санкции командования на предание суду лиц офицерского состава. Согласно ст. 15 Дисциплинарного устава Красной Армии (и ст. 68 Дисциплинарного устава Военно-Морского Флота), в мирное время разрешение на предание суду офицеров и генералов могло быть дано только Народным Комиссаром Обороны СССР. Исходя из необходимости ускорить решение вопросов о передаче дел в суд в отношении лиц офицерского состава, было признано достаточным получение разрешения на предание суду офицеров от военного совета армии, фронта и даже командования соединения.

Вместе с тем во время войны в военных трибуналах было введено более четкое процессуальное оформление работы: вместо книги протоколов подготовительного заседания, в которых содержались и определения, было установлено составление по каждому делу отдельно протокола и определения.

Следует отметить, что и в период войны НКЮ СССР требовал от всех судов строгого соблюдения статьи 27 Закона о судеустройстве. Этот вопрос привлек к себе внимание и Пленума Верховного суда СССР. 15 апреля

1943 г. Пленум специально обсудил вопрос о порядке вынесения судами определений в подготовительных заседаниях и вновь подтвердил, что определения подготовительных заседаний судов выносятся судьями после совещания и излагаются в отдельном документе, подписываемом всеми судьями. Пленум дал указания судам, что определения подготовительного заседания о направлении дела на следствие или прекращении дела должны выноситься судьями после совещания в совещательной комнате.

Если порядок предания суду во время войны не подвергся изменениям, то этого нельзя сказать о правилах подсудности уголовных дел.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик допускает в виде исключения передачу дела в суд не по месту совершения преступления, если это необходимо для более беспристрастного, более скорого и притом более полного рассмотрения дела (ст. 30 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Поэтому во время войны допускалось рассмотрение дел о преступлениях, совершенных на территории, впоследствии временно оккупированной, лицами, эвакуированными в тыл, по месту нахождения обвиняемого.

В мирное время вопрос о передаче дела из одного суда в другой разрешался в пределах одной области — областным судом, а в пределах одной союзной республики — верховным судом этой республики. Сложнее решался вопрос о передаче дела из суда одной союзной республики в суд другой союзной республики. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 16 июля 1939 г., на такую передачу было необходимо получить согласие председателя верховного суда союзной республики и, кроме того, санкцию председателя Верховного суда СССР.

Такой порядок как чрезмерно сложный во время войны не применялся. Органы прокуратуры направляли дела в суды по месту нахождения обвиняемого без согласования с вышестоящими судами.

По этому вопросу Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 13 ноября 1941 г. разъяснил, что при отмене первоначального приговора вышестоящим судом и невозможности передачи дела в тот же

суд по условиям военного времени вышестоящий суд обязан был указать любой такой же суд, в котором дело подлежало рассмотрению. Если этого сделано не было, вопрос разрешался в пределах одной союзной республики председателем верховного суда союзной республики, а в пределах всего СССР — председателем Верховного суда СССР.

В целях обеспечения большей быстроты рассмотрения и усиления борьбы с наиболее опасными в военное время преступлениями ряд дел был отнесен к подсудности военных трибуналов (см. ниже, гл. XV).

В тех случаях, когда постановлениями правительства СССР предусматривалась ответственность за то или иное преступление «по законам военного времени», дела эти подлежали рассмотрению военных трибуналов.

В местностях, где не было военных трибуналов, такие дела передавались на рассмотрение краевых, областных судов и верховных судов АССР с применением процессуального порядка, установленного для военных трибуналов (приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 28 ноября 1941 г.).

Так, постановлением СНК СССР от 10 августа 1942 г. было, как отмечалось выше, установлено, что лица, уклонявшиеся от трудовой повинности для выполнения оборонных работ, заготовок топлива и т. д. подлежали уголовной ответственности по законам военного времени. В ряде мест, не объявленных на военном положении, такие дела первоначально рассматривались народными судами. В связи с этим НКЮ СССР приказом от 19 октября 1942 г. дал указание, что такие дела, а также дела о задержке лиц, работающих в предприятиях и учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности, подлежат рассмотрению в военных трибуналах войск НКВД по законам военного времени, т. е. с применением порядка, установленного для военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении. И только там, где нет военных трибуналов, допускалась передача дел об уклонении от трудовой повинности на рассмотрение краевых, областных судов или верховных судов АССР с применением указанного выше порядка.

Интересно также отметить, что, согласно разъяснению НКЮ СССР от 20 ноября 1941 г., дела о престу-

плениях, совершенных в местности, объявленной на военном положении, и подсудных военным трибуналам, в тех случаях, когда обвиняемый был этапирован в тыл, рассматривались военными трибуналами по новому месту его нахождения, а там, где их не было, — общими судами.

III. СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

По поводу одного судебного дела относительно лиц, виновных в служебной волоките, Ленин писал: «... с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть, достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹. Ленин видел главное в этом случае не в тех мерах государственного принуждения, которые будут приняты на основе судебного разбирательства, а в самой процедуре этого разбирательства.

Основные принципы деятельности советского суда — гласность, устность и непосредственность, состязательность, обеспечивающие воспитательное воздействие суда, применялись без всяких изменений и в военное время.

Народный Комиссар юстиции СССР в своем приказе от 29 июня 1941 г. «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад» обращал внимание всех судебных работников на то, что «правильное и неуклонное применение законов, неослабная борьба с преступниками и воспитание трудящихся в духе строжайшей дисциплины составляют главную задачу суда и приобретают в военное время особое значение».

Необходимость сохранения государственной и военной тайны во время судебного разбирательства, особенно в военных трибуналах, встречалась в военное время, конечно, чаще, чем в мирное, тем не менее подавляющее большинство дел слушалось в открытых судебных заседаниях. Несмотря на нежелательность в условиях военного времени отрыва трудящихся и военнослужащих от их работы,

¹ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 412.

НКЮ СССР и Верховный суд СССР неизменно требовали от всех судов вызова в судебное заседание всех свидетелей, необходимых для выяснения обстоятельств данного дела. Значительно сложнее оказалось в некоторых местах обеспечение в военное время права обвиняемого иметь защитника в суде. В прифронтовой полосе и в районе военных действий найти адвоката не всегда представлялось возможным.

Обстоятельства военного времени наложили свой отпечаток и на состав суда. Многие судьи и заседатели были призваны защищать советскую Родину с оружием в руках, многие были призваны в ряды военной юстиции.

Понадобились известные усилия, чтобы обеспечить бесперебойную работу судов. НКЮ СССР в упомянутом выше приказе от 29 июня 1941 г. требовал, чтобы ни на один день ни один участок народного суда не оставался без народного судьи. Взамен ушедших в армию судей были немедленно выдвинуты наиболее подготовленные в политическом и деловом отношении народные заседатели, секретари народных судов, адвокаты, местные партийные и советские работники. В ряде мест местные Советы депутатов трудящихся произвели дополнительные выборы народных заседателей. Вновь избранным судьям и заседателям по мере возможности оказывалась практическая помощь в работе. Управления наркомюстов организовали семинары для молодых судебных работников, посылали ревизоров для инструктажа и т. д.

— 23 октября 1941 г. Народный Комиссариат юстиции СССР разъяснил судам, что в военное время при невозможности довыборов народных заседателей областных и краевых судов а сессиях областных (краевых) Советов депутатов трудящихся допускаются в виде исключения довыборы через президиумы областных Советов депутатов трудящихся.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1944 г. было указано судам, что в тех случаях, когда приговор народного суда отменен вышестоящим судом и дело передается на новое рассмотрение того же народного суда, но в ином составе, оно рассматривается народным заседателем, специально утвержденным для этого райсоветом депутатов трудя-

щихся, заменяющим народного судью применительно к ст. 19 Закона о судеустройстве. Это постановление несомненно было продиктовано обстоятельствами военного времени, когда особенно затруднена была передача дела на новое рассмотрение в другой народный суд.

Сроки вручения копии обвинительного заключения остались в общих судах прежними, за исключением тех случаев, когда они рассматривали дела по законам военного времени вместо военного трибунала. В этом случае, а также в военных трибуналах, действовавших на фронте и в местностях, объявленных на военном положении, согласно ст. 11 Положения о военных трибуналах срок вручения обвинительного заключения подсудимому, как уже указывалось, сокращался до одних суток.

Во время войны многие суды стали допускать без оснований, указанных в уголовно-процессуальном кодексе, заочное рассмотрение дел. НКЮ СССР в ряде своих указаний обращал внимание судов на необходимость строгого соблюдения ст. 265 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, прибегая к заочному рассмотрению дела лишь в редких случаях и при наличии к тому установленных законом оснований.

В первые же месяцы войны возник вопрос, как быть с рассмотрением дел в отношении лиц, призванных в ряды Вооруженных сил СССР. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г. незаконченные производством дела по преступлениям контрреволюционным, особо для СССР опасным, против порядка управления и наиболее тяжким общеуголовным в отношении лиц, совершивших преступления до призыва, направлялись через военную прокуратуру в военный трибунал по месту службы обвиняемого в рядах Вооруженных сил СССР. Если ко времени вступления в законную силу приговора к лишению свободы осужденный уже находился в рядах армии, суд имел право в отдельных случаях вынести в порядке ст. 461 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик определение об отсрочке исполнения приговора, согласно примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР в отношении лиц, осу-

жденных к исправительно-трудовым работам и более мягким мерам наказания, в случае призыва их в ряды армии дело прекращалось.

В годы войны возникли в судебной практике и были разрешены также некоторые другие процессуальные вопросы. Военным трибуналам было предоставлено право рассмотрения на время войны гражданских исков по делам о хищениях, растратах и должностных преступлениях, связанных с присвоением денежных или материальных ценностей. Далее, приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 23 мая 1942 г. установил порядок восстановления уголовных дел, по которым производство было утрачено в связи с обстоятельствами военного времени.

— Советский суд с честью выполнил свои задачи в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Награждение 26 марта 1945 г. более 700 работников юстиции орденами и медалями Советского Союза говорит об этом достаточно красноречиво.

Наряду с этим имелись в период войны и некоторые недостатки в работе судебных органов.

Так, по делам о преступлениях, предусмотренных Указом 26 декабря 1941 г., существенные недочеты в судебной работе были отмечены в постановлении СНК СССР от 29 июня 1944 г.

Пленум Верховного суда СССР, отмечая 22 октября 1942 г. недостатки судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных Указом 26 июня 1940 г., указал, что «неосновательное оправдание, как и неосновательное осуждение является в ряде случаев результатом недостаточного исследования обстоятельств дела, невыяснения причин совершенного прогула». Пленум обратил при этом внимание судов на допущенные при рассмотрении этих дел существенные процессуальные нарушения, в основе которых лежало неправильное представление, будто предусмотренное законом упрощение форм судопроизводства в целях более быстрого разбирательства дает право суду не так строго соблюдать элементарные процессуальные формы. Между тем без соблюдения этих форм не может быть правильно решено ни одно дело.

Указания Пленума Верховного суда СССР о точном соблюдении процессуальных форм давались и по другим категориям дел.

НКЮ СССР также в ряде своих приказов отмечал недостатки в работе судов: по делам о невыработке колхозниками обязательного минимума трудодней (приказ от 4 июля 1942 г.), по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 56⁶ УК (приказ от 5 декабря 1942 г.) и по некоторым другим категориям дел.

Но все эти отдельные недостатки не должны заслонять общей картины: в трудных условиях военного времени советский суд, умело сочетая меры наказания с мерами воспитания, оказывал своей деятельностью посильную помощь фронту.

IV. ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ

В период войны возникли новые виды преступлений, уголовная ответственность за которые была установлена на военное время рядом Указов Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно по некоторым категориям таких дел был установлен и особый порядок судопроизводства. Этот особый порядок состоял главным образом в отказе от предварительного расследования там, где не было в этом необходимости. В большинстве случаев он относился к делам о преступлениях в области трудовых отношений.

Среди таких дел на первое место можно поставить дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. Дела об этих преступлениях, предусмотренных Указом 26 декабря 1941 г., были подсудны военным трибуналам. Порядок направления и рассмотрения их был установлен постановлением СНК СССР от 3 января 1942 г.

Согласно этому постановлению, директор предприятия направлял военному прокурору (а где его не было — райпрокурору) выписку из приказа, устанавливавшего факт дезертирства, и прилагал к этому приказу документы, послужившие основанием для его издания, личные документы привлекаемого к ответственности лица и справку о дисциплинарных взысканиях. Предварительное расследование не производилось. В подготовительное заседание дело не вносилось. На практике дела назначались к слушанию даже при нерозыске подсудимого.

При применении постановления СНК СССР от

3 января 1942 г. органы юстиции допустили ряд ошибок, которые были отмечены в специальном постановлении Совета Народных Комиссаров от 29 июня 1944 г. В этом постановлении СНК СССР отмечал, что органы прокуратуры не обеспечили неуклонного и правильного выполнения как самого Указа 26 декабря 1941 г., так и постановления от 3 января 1942 г., сведя свою роль лишь к канцелярской проверке материалов, поступающих от администрации предприятий, и направляя их в военные трибуналы без расследования.

Прокуроры не руководили розыском дезертиров с предприятий, хотя органами милиции разыскивалось лишь небольшое их число. Большинство дел о дезертирах вследствие этого рассматривалось заочно, а так как осужденные часто не разыскивались, то преступники фактически оставались безнаказанными. Поэтому СНК СССР предложил дела о самовольном уходе (дезертирство) рабочих и служащих с предприятий военной промышленности передавать на рассмотрение в военный трибунал только после расследования и розыска обвиняемого. Расследование должно было заканчиваться в трехдневный срок и только в случае особой сложности — в срок до 10 дней. Было предложено прекратить заочное рассмотрение дел о дезертирах. Дела эти подлежали рассмотрению в трехдневный срок по поступлении их в трибунал.

Следует особо отметить, что расследование дел о преступлениях, предусмотренных Указом 26 декабря, после задержания дезертира в другом месте заканчивалось народным следователем по месту задержания. Следователь обязан был немедленно извещать прокурора по месту возникновения дела о задержании дезертира для сдачи дела, производство по которому было приостановлено за нерозыском обвиняемого, в архив и для дачи распоряжения об отмене розыска.

Эти мероприятия значительно повысили эффективность борьбы с самовольным уходом рабочих и служащих с предприятий военной промышленности.

Некоторые особенности имел и порядок судопроизводства по делам об уклонении от работы на производстве и строительстве по мобилизации, установленной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г.

По этой категории дел бюро по учету и распределению рабочей силы при исполкоме Совета депутатов трудящихся в каждом случае неявки мобилизованного по вызову в бюро или на предприятие, куда он направлялся для работы, обязано было выяснить в двухдневный срок причины неявки. По установлении факта уклонения мобилизованного от работы бюро направляло материалы районному прокурору по месту жительства уклоняющегося не позднее следующего дня после установления факта уклонения от мобилизации.

Районному прокурору направлялись следующие материалы: сообщение бюро об уклонении от мобилизации с указанием времени вручения мобилизованному извещения о явке в бюро или извещения о мобилизации; корешок повестки или корешок мобилизационного листка либо выписка из мобилизационного листка; справка работника бюро, проверявшего причины неявки мобилизованного в бюро или на предприятие, об обстоятельствах уклонения от мобилизации.

Получив этот материал, райпрокурор вызывал уклонявшегося от мобилизации, проверял факт уклонения и направлял материал в народный суд со своим постановлением о предании суду. Районные прокуроры обязаны были рассматривать материалы о лицах, уклонявшихся от мобилизации, не позднее чем в пятидневный срок (письмо Прокурора СССР, Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и НКЮ СССР от 19 октября 1943 г.). Эти дела не вносились на рассмотрение в подготовительное заседание, назначались народным судьей единолично к слушанию и должны были рассматриваться судами не позднее чем в трехдневный срок по поступлении в суд материалов.

Лица, осужденные за уклонение от мобилизации, подлежали направлению на исправительно-трудовые работы на предприятия и стройки по месту их жительства (письмо НКЮ СССР и Прокурора СССР 5 марта 1942 г.).

По делам об уклонении от мобилизации на сельскохозяйственные работы и самовольном уходе мобилизованных с работ был установлен следующий порядок направления в суд материалов:

а) материалы о лицах, уклонявшихся от мобилизации, направлялись в народный суд председателем го-

родского (а в городах с районным делением — районного), поселкового или сельского Совета депутатов трудящихся не позднее следующего дня после установления факта уклонения от мобилизации; в материалах указывалось время вручения мобилизованному извещения о мобилизации, а также в чем выразилось уклонение;

б) материалы о лицах, самовольно ушедших с работы, направлялись в народный суд председателем колхоза, директором совхоза или МТС, в распоряжение которых был направлен мобилизованный, не позднее чем на следующий день после установления факта самовольного ухода с работы. В этих материалах указывались время и обстоятельства самовольного ухода с работы (постановление СНК СССР от 25 апреля 1942 г.).

Народный судья, не внося дела в подготовительное заседание, назначал его к слушанию. Оно подлежало рассмотрению не позднее чем в пятидневный срок после поступления в суд (приказ Народного комиссара юстиции СССР от 5 мая 1942 г.).

Копия приговора в отношении лиц, работавших в учреждениях и на предприятиях, направлялась руководителям этих учреждений и предприятий для исполнения, а также инспекции исправительно-трудовых работ НКВД. Если осужденный не работал в учреждении или на предприятии, копия приговора направлялась инспекции исправительно-трудовых работ для привлечения осужденного к работам по месту его жительства.

Материалы о колхозниках, не выработавших без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ (пп. «а», «б», «в» ст. 2 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.), направлялись председателем правления колхоза в народный суд не позднее пяти дней после окончания каждого из указанных периодов. В этих материалах указывались, согласно постановлению СНК СССР от 25 апреля 1942 г., число трудодней, подлежащих выработке и фактически выработанных колхозником за данный период сельскохозяйственных работ и причины невыработки.

Народные суды обязаны были принимать к рассмотрению указанные материалы не иначе, как отдельно

на каждого колхозника, не выработавшего обязательного минимума трудодней, с указанием причин невыработки и лишь при наличии решения правления колхоза о предании колхозника суду.

Народный судья, не внося дело в подготовительное заседание, назначал его к слушанию не позже чем в десятидневный срок после поступления его в суд. Приговор приводился в исполнение немедленно. Копия приговора направлялась председателю колхоза не позднее следующего дня по вынесении приговора вместе с извещением о порядке отбывания осужденным исправительно-трудовых работ.

V. ОБЖАЛОВАНИЕ, ОПРОТЕСТОВАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА

Как известно, согласно ст. ст. 346 и 400 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик, приговоры всех судов, кроме Верховного суда СССР и верховных судов союзных республик, могут быть обжалованы в кассационном порядке в вышестоящий суд. Не подлежат кассационному обжалованию приговоры по делам о террористических актах, диверсиях и вредительстве (ст. ст. 469 и 472 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. (ст. 30) предусматривало, что приговоры военных трибуналов, действующих в местностях, объявленных на военном положении на театре военных действий, кассационному обжалованию не подлежат. В местностях, объявленных на военном положении не на театре военных действий, военный трибунал имел право только войти с представлением в военный совет о непропуске кассационной жалобы осужденного к высшей мере наказания.

По остальным делам в местностях, объявленных на военном положении не на театре военных действий, предусматривалась возможность кассационного обжалования.

Установленный в мирное время порядок кассационного обжалования приговоров народных, краевых и

областных судов, а также верховных судов АССР не был изменен, кроме дел о преступлениях, за которые была установлена ответственность по законам военного времени.

На основании приказа НКЮ СССР и Прокурора СССР от 28 ноября 1941 г., в тех случаях, когда в местностях, где не было военных трибуналов, дела о преступлениях, за которые была установлена ответственность по законам военного времени, передавались на рассмотрение краевых, областных судов или верховных судов АССР, приговоры этих судов кассационному обжалованию не подлежали.

Приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР от 4 декабря 1941 г. такой порядок был распространен также на линейные суды железнодорожного и водного транспорта (по делам о преступлениях, за которые установлена была ответственность по законам военного времени, а после введения военного положения на транспорте — по всем делам).

Порядок же кассационного обжалования приговоров военных трибуналов, действовавших в боевой обстановке и в местностях, объявленных на военном положении, был изменен.

Современная война с широким применением авиации, парашютных, воздушно-десантных и мотомехвойск сделала даже местности, отстоящие на несколько сот километров от фронта, достигаемыми для непосредственного воздействия врага. Участие в боевых операциях многомиллионных масс, при насыщенности войск большим количеством военной и всякой иной техники нуждающихся в непрерывном снабжении боеприпасами, продовольствием, горючим и т. д., сделало даже дальние тылы весьма чувствительными ко всякого рода воздействию. В этих условиях борьба с вражескими парашютистами, диверсантами, шпионами, со всякого рода преступлениями, мешающими нормальной работе любого военного и гражданского органа в ближнем тылу, приобретала особо важное значение. Поэтому, согласно ст. 14 утвержденного 22 июня 1941 г. положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий, кассационное обжалование приговоров военных трибуналов отменялось. Отличие от порядка, установленного

ст. 30 Положения о военных трибуналах от 20 августа 1926 г., было в том, что не подлежали кассационному обжалованию и приговоры военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении вне театра военных действий.

Приговоры военных трибуналов, действовавших в районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, могли быть отменены или изменены только в порядке надзора.

Для обеспечения более тщательной проверки правильности и обоснованности приговоров военных трибуналов число надзорных судебных инстанций было несколько увеличено.

Военные трибуналы фронтов, флотов, а позднее военные трибуналы военных округов и округов войск НКВД получили право рассмотрения дел в порядке надзора по протестам военных прокуроров фронтов, флотов и округов и председателей одноименных военных трибуналов.

По делам с высшей мерой наказания до обращения приговора к исполнению требовалось, согласно ст. 16 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г., телеграфное сообщение председателю Военной коллегии Верховного суда СССР и Главному военному прокурору, которые были вправе истребовать дело и приостановить исполнение приговора. Приговор мог быть обращен в исполнение только через 72 часа после вручения сообщения названным лицам.

Согласно ст. 15 Положения, военные советы и командующие фронтами, армиями, флотами и округами также имели право приостанавливать приговоры с высшей мерой наказания с одновременным уведомлением председателя Военной коллегии Верховного суда СССР и Главного военного прокурора о своем мнении по поводу дальнейшего направления дела.

В дальнейшем дело до обращения высшей меры наказания к исполнению направлялось с мнением соответствующих командных, судебных и прокурорских инстанций, начиная с дивизии, для проверки надзора в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Это показывает, с какой осторожностью применялась реально советскими судами и в военное время

такая мера наказания, как расстрел. Вообще применение высшей меры наказания имело место в единичных случаях.

Выше (см. гл.гл. XII и XIII) подверглось подробному рассмотрению примечание 2 к ст. 28 УК и отмечена роль, которую это примечание сыграло в годы Отечественной войны. В первые месяцы войны военные трибуналы очень осторожно применяли это примечание. Но уже в 1942 г., когда фронтовая практика подтвердила исключительную эффективность применения этого мероприятия, военные трибуналы стали применять примечание 2 к ст. 28 смелее, но первоначально только в отношении военнослужащих.

Жизнь потребовала более широкого применения примечания 2 к ст. 28, а потому, как уже указывалось, Пленум Верховного суда Союза ССР 8 января 1942 г. разъяснил судам, что если ко времени вступления в законную силу приговора к лишению свободы осужденный находится в рядах Красной Армии или в Военно-Морском Флоте, суд, вынесший приговор, может в порядке ст. 461 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик вынести определение об отсрочке исполнения приговора применительно к примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

22 января 1942 г. Пленум Верховного суда СССР указал судам, что осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше двух лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации их в армию или во флот. В этих случаях, применительно к примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, исполнение приговора должно приостанавливаться судом, вынесшим приговор, до возвращения осужденного из армии или Военно-Морского Флота.

Вскоре, как отмечалось выше, Президиум Верховного Совета Союза ССР Указом от 27 февраля 1942 г. «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта» распространил примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик также на работников железнодорожного и водного

транспорта, осужденных к лишению свободы без поражения избирательных прав, и установил, что осужденные работники железнодорожного и водного транспорта, к которым суд найдет возможным применить означенные статьи, направляются по определению суда: лица призывного возраста, годные к несению военной службы, в Действующую армию, а остальные — на предприятия, с использованием их в должностях по усмотрению руководителей предприятий.

В отношении лиц, показавших себя хорошо в работе на транспорте, допускались, по ходатайству соответствующего руководителя предприятия, освобождение от назначенной по приговору суда меры наказания либо замена ее более мягкой.

По этому же вопросу Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении от 8 октября 1942 г. дал следующие указания судам:

а) В тех случаях, когда лицо, ранее осужденное с применением Указа 27 февраля 1942 г., уволено из учреждения или предприятия железнодорожного либо водного транспорта, действие отсрочки исполнения приговора тем самым прекращается; военный трибунал, вынесший приговор, получив об увольнении официальное сообщение, которое в этих случаях обязан направить начальник соответствующего учреждения или предприятия, обращает приговор к исполнению в порядке ст. 455 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик; если уволенный обжаловал свое увольнение в установленном законом порядке, обращение приговора к исполнению приостанавливается до разрешения жалобы уволенного;

б) Равным образом прекращается действие отсрочки и в случае осуждения этого лица к лишению свободы за новое преступление. В этих случаях суд определяет наказание по обоим приговорам по совокупности на общих основаниях. При этом суд вправе в исключительных случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, вновь применить к подсудимому Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. В частности, Указ может быть применен, если второй приговор выносится за менее тяжкое преступление, совершенное до вынесения первого приговора.

Указами от 15 апреля 1943 г. «О введении военного

положения на всех железных дорогах» и от 9 мая 1943 г. «О введении военного положения на морском и речном транспорте» была установлена ответственность рабочих и служащих железнодорожного, морского и речного транспорта за преступления по службе наравне с военнослужащими. Причем в тех случаях, когда военный трибунал по характеру и тяжести преступления по службе, совершенного работником железнодорожного, морского и речного транспорта, не признавал необходимым применить к виновному наказание, предусмотренное соответствующей статьей Уголовного кодекса, он мог приговорить его, в соответствии со ст. 5 Указа от 15 апреля 1943 г., к увольнению с работы с направлением на фронт в штрафные роты. Статья 5 Указа 15 апреля 1943 г. могла применяться лишь к лицам, годным к строевой службе в Действующей армии.

В отношении осужденных к лишению свободы без поражения прав военный трибунал мог, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 февраля 1942 г., применять примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик (Приказы НКЮ СССР и Прокурора СССР от 21 апреля 1943 г. и от 10 мая 1943 г.).

В отношении дел о преступлениях, за которые, согласно соответствующей статье Уголовного кодекса, в качестве меры наказания был установлен расстрел (как например, дезертирство в военное время), Пленум Верховного суда СССР 24 апреля 1942 г. дал указания судам, что в тех случаях, когда имелись налицо смягчающие вину обстоятельства (добровольная явка с повинной, самовольная отлучка, хотя и свыше суток, но в течение сравнительно небольшого времени и т. д.), возможно применение ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, назначение вместо расстрела длительного лишения свободы и отсрочка исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

1 августа 1942 г. Пленум Верховного суда СССР дал аналогичные указания о применении примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик к лицам, осужденным к лишению свободы без поражения прав, по делам об уклонении от

призыва или мобилизации, т. е. к лицам, фактически еще не находившимся в рядах армии, но подлежавшим призыву.

В военное время рассмотрение вопроса об освобождении осужденного от наказания тем же судом в большинстве случаев было затруднительно. Например, когда осуждение имело место по приговору военного трибунала гарнизона в глубоком тылу, а осужденный находился на фронте, направление ходатайства командования в этот трибунал надолго задержало бы разрешение вопроса и снизило бы эффективность воспитательного воздействия освобождения от наказания за стойкость в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Поэтому Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 26 июня 1942 г. указал судам, что определение об освобождении от наказания или о смягчении его в предусмотренных законом случаях может быть вынесено: во время службы осужденного в армии или во флоте — соответствующим военным трибуналом по месту нахождения воинской части, в которой состоит осужденный; по освобождении осужденного от службы в армии или в Военно-Морском Флоте — судом, вынесшим приговор, или соответствующим судом по месту жительства осужденного. В отношении лиц, осужденных Верховным судом СССР, этот вопрос может быть разрешен только Верховным судом СССР.

Некоторые осужденные, к которым было применено примечание 2 к ст. 28 УК, были освобождены из Действующей армии вследствие полученной ими инвалидности. В связи с этим встал вопрос о целесообразности применения к инвалидам Отечественной войны ранее определенного им наказания в тех случаях, когда отсутствует ходатайство военного командования.

На этот вопрос был дан ответ Пленумом Верховного суда СССР в постановлении от 23 сентября 1943 г. В этом постановлении было указано, что в отношении лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик и уволенных из Действующей армии вследствие полученной ими инвалидности, суд, учитывая нецелесообразность применения к инвалидам Отечественной войны ранее определенного им наказания, может и при отсутствии ходатайства военного

командования, по заявлению самого осужденного или представлению прокурора, вынести определение о полном освобождении от наказания или о замене лишения свободы условным наказанием на тот же срок.

Такое определение может быть вынесено судом, вынесшим приговор, или соответствующим судом по месту жительства осужденного.

Снятие судимости с военнослужащих, освобожденных от наказания, производилось сначала, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1941 г., военными советами фронтов с последующим утверждением постановления военного совета фронта Президиумом Верховного Совета СССР. Затем, согласно Указу 26 февраля 1943 г., военные трибуналы, освобождая от наказания, одновременно снимали судимость с лиц, осужденных с применением примечания 2 к ст. 28 УК.

Среди других вопросов исполнения судебного приговора в военное время остановимся еще на двух, также нашедших свое отражение в постановлениях Пленума Верховного суда СССР и директивах НКЮ СССР и Прокурора СССР.

Во время войны были случаи, когда у осужденной, муж которой находился в армии, были несовершеннолетние дети. Советский суд не мог отнестись формально к судьбе оставшихся без попечения и надзора несовершеннолетних детей. Поэтому суды в таких случаях обычно отсрочивали в порядке п. 3 ст. 456 УПК исполнение приговора на срок, необходимый для устройства детей. Независимо от этого суд принимал меры к устройству детей в соответствующие детские учреждения.

Военная обстановка также заставила несколько изменить порядок рассмотрения дел об освобождении из-под стражи осужденных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом. Пленум Верховного суда СССР своим постановлением от 1 августа 1942 г. указал судам, что при невозможности рассмотрения таких дел судами, вынесшими приговор, они могут рассматриваться судами по месту отбывания наказания осужденными.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВОЕННЫЕ ТРИБУНАЛЫ

І. ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Организация и порядок деятельности военных трибуналов, существовавшие в СССР до войны, подвергшись во время войны некоторым изменениям, оказались вполне приспособленными для выполнения поставленных перед ними великим Сталиным задач по беспощадной борьбе со всякого рода дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, шпионами, диверсантами и т. д.

Первая проверка боевой готовности военных трибуналов к работе в условиях современной войны была проведена в 1939—1940 гг. в войне с белофиннами.

В результате обобщения опыта работы военных трибуналов и военных прокуратур во время этих военных действий были разработаны проекты положений и наставлений.

Вскоре работа по реорганизации советской военной юстиции была прервана вероломным нападением на нашу страну гитлеровской Германии, подло нарушившей договор о ненападении.

Указ от 22 июня 1941 г. «О военном положении» значительно расширил компетенцию военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении. Указом, датированным также 22 июня 1941 г., утверждалось «Положение о военных трибуналах, действующих в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий».

Положение 22 июня 1941 г. определяло новый способ комплектования военных трибуналов в военное время, отличный от порядка, установленного Законом о судоустройстве. Оно вводило рассмотрение всех дел

в военных трибуналах тремя членами военного трибунала без участия народных заседателей, отменяло кассационное обжалование приговоров военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении, и т. д.

Определена была подсудность отдельных видов военных трибуналов. «Положение» подчеркивало необходимость тесной связи органов военной юстиции с командованием, обязывая председателей военных трибуналов периодически информировать военные советы и командиров соединений о своей борьбе с преступностью.

Последующие Указы Президиума Верховного Совета СССР о работе военных трибуналов в период Великой Отечественной войны преимущественно устанавливали новые категории дел, подсудных военным трибуналам (Указ 6 июля 1941 г. «О распространении ложных слухов, возбуждающих в военное время тревогу среди населения», Указ 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих за самовольный уход (дезертирство) с предприятий военной промышленности» и др.), или же относились к порядку утверждения приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания.

Объявление ряда местностей СССР на военном положении и увеличение в связи с этим числа рассматривавшихся военными трибуналами дел о преступлениях граждан вызвали необходимость организации военных трибуналов войск НКВД почти во всех областях, краях и АССР, а во второй половине 1944 г. для ускорения рассмотрения дел по Указу 26 декабря 1941 г., кроме того, и во многих крупных промышленных центрах.

В соответствии с Положением о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. в местностях, объявленных на военном положении, линейные суды железных дорог и водных бассейнов были с первых дней войны реорганизованы в военные трибуналы. С начала 1942 г. все вообще линейные суды железных дорог и большая часть линейных судов водных бассейнов были реорганизованы в военные трибуналы. В связи с введением военного положения на морском и речном флоте 9 мая 1943 г. вся транспортная юстиция была преобразована в военную.

Основные задачи советской военной юстиции были определены в первый период Великой Отечественной войны в историческом выступлении товарища Сталина по

радио 3 июля 1941 г. «Прежде всего необходимо, — указывал товарищ Сталин, — чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства...»¹. Выполнение этого указания вождя ложилось и на военные трибуналы, так как немедленная перестройка всей работы на военный лад, подчинение всего интересам фронта и задачам организации разгрома врага требовали самой решительной борьбы со всеми теми, кто своей беспечностью, неорганизованностью, нарушением трудовой дисциплины и т. д. мешал укреплению тыла наших Вооруженных Сил. Именно военным трибуналам было поручено по Указу 22 июня 1941 г. «О военном положении» и по ряду других Указов рассмотрение дел о преступлениях, прямо или косвенно направленных к подрыву оборонной мощи советского социалистического государства (дела о самовольном уходе с предприятий военной промышленности, о разглашении государственной тайны и. т. п.).

«Необходимо, далее, — продолжал товарищ Сталин в том же своем выступлении, — чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза... Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов... Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица»².

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 12.

² И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 13—14.

Эти указания любимого вождя военные трибуналы положили в основу своей деятельности, немало способствуя наведению большего порядка и организованности как на фронте, так и в тылу.

В ряде других выступлений и докладов, а также в приказах Верховного Главнокомандующего товарищ Сталин определял основные задачи, стоявшие в тот или иной период Великой Отечественной войны перед нашими Вооруженными Силами, перед всем советским народом, а тем самым и перед военными трибуналами. В отдельных приказах Верховного Главнокомандующего и Народного Комиссара Обороны СССР Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина содержались прямые указания о работе военной юстиции.

Основное требование в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, предъявлявшееся товарищем Сталиным ко всему составу Вооруженных Сил, — повышение дисциплинированности — не только относилось к командованию и политорганам, но имело прямое отношение и к советской военной юстиции.

Народный Комиссар Обороны товарищ Сталин в своем приказе за № 345 от 7 ноября 1942 г. требовал «всемерно укреплять железную дисциплину, строжайший порядок и единоначалие в нашей армии...»¹ Напоминал об этом Верховный Главнокомандующий и в своем приказе от 23 февраля 1943 г., № 95, давая задание «неустанно совершенствовать боевую выучку и укреплять дисциплину, порядок и организованность во всей Красной Армии и в Военно-Морском Флоте»². И вновь возвращался товарищ Сталин к этому вопросу в приказе от 1 мая 1943 г., № 195, требуя, «чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и четко, как хороший часовой механизм». Товарищ Сталин напоминал завет великого Ленина: «Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и малейшая распушенность и недостаток энергии должны быть караемы по закону военного времени»³.

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1946, стр. 73.

² Там же, стр. 85.

³ Там же, стр. 90.

В постановлениях руководимого товарищем Сталиным Государственного Комитета Оборона содержались аналогичные требования укрепления дисциплины и организованности как на фронте, так и в тылу.

Выполняя указания товарища Сталина, советская военная юстиция основными своими задачами поставила: 1) борьбу с воинскими и иными преступлениями военнослужащих, 2) борьбу с дезорганизаторами тыла, 3) борьбу с государственными преступлениями на фронте и в тылу.

Основной задачей военных трибуналов Вооруженных Сил СССР являлась борьба за создание строжайшего порядка и железной дисциплины в воинских частях и соединениях, в учреждениях, заведениях и на кораблях.

Военные трибуналы применяли суровые меры наказания в отношении трусов и паникеров, нарушавших воинскую дисциплину и самовольно, без приказа, оставлявших боевые позиции.

Военные трибуналы не допускали мягкотелости в отношении дезертиров и членовредителей, которые злостно уклонялись в условиях боевой обстановки от выполнения своего долга перед советской Родиной. На фоне пламенного патриотического подъема нашей героической армии и ее самоотверженных подвигов, которые навсегда останутся немеркнущими страницами в истории человечества, эти преступления одиночек, окруженных всеобщим презрением, требовали суровых мер наказания. И эти меры военные трибуналы применяли твердо и неукоснительно. Этим предостерегались от совершения подобных преступлений другие недостаточно устойчивые люди, которые всегда могли оказаться в многомиллионной армии.

Вместе с тем военные трибуналы, выполняя указания НКЮ СССР, стремились не допускать и в подавляющем большинстве случаев не допускали шаблонного разрешения дел. В своей деятельности военные трибуналы не исходили только из оценки фактов по узко формальным признакам наличия в действиях обвиняемого нарушения той или иной статьи уголовного кодекса, а принимали во внимание также состояние дисциплины и боеспособность данной части, подразделения, а также и другие обстоятельства.

Главное управление военных трибуналов НКЮ СССР и Военная коллегия Верховного суда СССР всегда боролись с практикой огульного осуждения лиц, в отношении которых могли быть приняты меры дисциплинарного воздействия или направление (с 1942 года) в штрафные части.

Военные трибуналы Вооруженных Сил СССР, гибко и оперативно разрешая уголовные дела, стремились обеспечить своевременность, целесообразность и целеустремленность судебного воздействия и применяемых мер наказания с тем, чтобы при меньшем количестве осужденных добиться установления в частях строжайшего порядка и железной дисциплины. Военные трибуналы, обеспечивая столь важную в условиях боевых операций быстроту репрессии, проводили судебные процессы на наиболее важных участках соединения или части, принимая совместно с прокуратурой и политорганами все меры к тому, чтобы о судебных приговорах было широко известно массам военнослужащих. Для этого председатели и члены военных трибуналов поддерживали непосредственную связь с командованием и политаппаратом своих соединений и частей, всесторонне изучали жизнь, деятельность и состояние дисциплины в подразделениях и частях, принимали активное участие в решении стоявших перед соединением боевых задач методами судебного порядка.

Выявляя во время судебного разбирательства те или иные отрицательные явления (отсутствие должного учета имущества, халатное отношение к его охране и т. п.) в воинских частях, военные трибуналы доводили об этом до сведения вышестоящего командования.

Наряду с этим в работе военных трибуналов имели место и отдельные недочеты. К числу таких недочетов следует отнести необоснованное в некоторых случаях применение репрессии там, где это не вызывалось необходимостью, там, где можно было ограничиться мерами дисциплинарного порядка. Как уже указывалось выше, недостаточно первое время применялось примечание 2 к ст. 28 УК.

Первые месяцы войны некоторые военные трибуналы, действовавшие в местностях, не объявленных на военном положении, выносили в отношении лиц, совершивших

преступления на фронте или в местностях, объявленных на военном положении, приговоры без права кассационного обжалования. Такая практика являлась неправильной, так как право вынесения окончательных приговоров, согласно ст.ст. 8 и 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», принадлежало только трибуналам, действовавшим в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий. В связи с этим НКЮ СССР и Верховный суд СССР разъяснили, что военные трибуналы, действующие в местностях, не объявленных на военном положении, должны выносить приговоры с правом кассационного обжалования, независимо от того, где совершено преступление — на фронте или в районе действия данного военного трибунала.

В случае вынесения военными трибуналами, действовавшими в местностях, не объявленных на военном положении, приговоров с высшей мерой наказания, дела должны были направляться в Военную коллегия Верховного суда СССР, независимо от подачи кассационной жалобы или протеста.

Встречался иногда и либеральный подход при применении репрессии по таким категориям преступлений, которые в конкретной обстановке требовали самых решительных мер для пресечения данного вида преступности.

Руководящие органы военной юстиции выправляли отдельные недочеты в работе военных трибуналов, наиболее часто имевшие место в первый период войны, когда у работников трибуналов еще не было достаточного опыта.

В 1942—1943 гг. перед военными трибуналами стала задача усилить борьбу с теми, кто пытался подменить воспитательную работу среди военнослужащих одними мерами репрессии. Военные трибуналы боролись со всеми случаями неправомерных репрессий. Эта деятельность военных трибуналов способствовала укреплению воинской дисциплины и улучшению политико-морального состояния в частях и соединениях Вооруженных Сил СССР.

В период Великой Отечественной войны в армии и военно-морском флоте находилось всевозможное иму-

щество на колоссальные суммы. В этих условиях особо важное значение имела деятельность военных трибуналов по наказанию расхитителей военного имущества. И военные трибуналы сделали немало для выполнения этой задачи. Организация судебных процессов с участием сторон по делам о хищении и разбазаривании военного имущества, с привлечением на эти процессы массы военнослужащих, сигнализация командованию о выявленных недостатках в сбережении и охране военного имущества — все это способствовало уменьшению этой категории преступлений. Позднее военные трибуналы, как уже указывалось выше, начали взыскивать с осужденных в 12,5-кратном размере стоимость причиненного их действиями материального ущерба, а затем (1943 г.) военные трибуналы получили и право рассмотрения гражданских исков по некоторым категориям дел (см. выше, гл. XIV).

По мере освобождения советской земли изменялись и задачи, стоявшие перед военными трибуналами, почти не стало многих преступлений начала войны, но возникли другие их виды.

На заключительном этапе войны, когда обреченный враг, бросая в бой последние силы, отчаянно сопротивлялся, чтобы избежать сурового возмездия, когда он хватался за самые крайние и подлые средства борьбы, перед всеми военными трибуналами встала задача усилить борьбу с беспечностью, повысить бдительность наших бойцов и офицеров, разоблачать и наказывать диверсантов, террористов, шпионов и иных оставлявшихся в нашем тылу фашистских мерзавцев. На занятой нашими войсками иностранной территории немецкое командование, полиция и органы военной разведки оставили немалое число провокаторов, шпионов, террористов и диверсантов, которые подчас маскировались под советских бойцов и офицеров и совершали провокационные акты в отношении мирного населения, дабы скомпрометировать Советскую Армию, а также проводили подрывную деятельность в отношении военных складов, путей сообщения и т. п.

Под показной угодливостью местных жителей на занятой нашими войсками немецкой территории часто скрывались ненависть к СССР и страх за злодеяния, совершенные фашистскими варварами в отношении военно-

пленных, мирного населения и насильно угнанных советских граждан, вследствие чего военным трибуналам нередко приходилось рассматривать дела о совершенных этими «мирными» гражданами нападениях на отдельных красноармейцев, диверсионных актах и т. д.

Если учесть, что гитлеровцы, как установлено, подготовили тысячи отборных фашистских мерзавцев к подпольной работе против Советской Армии, то становится понятным, что военные трибуналы не могли относиться снисходительно ко всем случаям беспечности, разгильдяйства, болтливости, потери бдительности. Наряду с этим военные трибуналы чаще стали рассматривать дела о небрежном отношении к трофейному имуществу и его присвоении, а также о некоторых других воинских преступлениях.

Другого рода задачи стояли перед военными трибуналами железнодорожного и водного транспорта. Обеспечение плана воинских и других государственных перевозок, борьба с хищениями грузов, наведение должного порядка и дисциплины на транспорте являлись главными задачами военных трибуналов транспорта.

Деятельность другой ветви советской военной юстиции — военных трибуналов войск НКВД — была еще более разнообразной. Борьба с воинскими и иными преступлениями военнослужащих войск НКВД, служебными преступлениями различных военизированных организаций (милиция, тюремное ведомство, пожарная охрана и т. д.), охрана тыла и фронта, охрана советских границ и наказание граждан за преступления, караемые по законам военного времени, — вот самый краткий перечень задач, стоявших перед военными трибуналами войск НКВД. Достаточно указать для примера, что именно военные трибуналы войск НКВД рассматривали такие категории дел, как дела об уклонении от воинского учета, призыва и мобилизации, а также дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной и к ней приравненной промышленности, чтобы понять все разнообразие дел, проходивших в дни Великой Отечественной войны через эти военные суды.

Успешно справившись со своими задачами, данная ветвь советской военной юстиции способствовала на своем участке работы укреплению тыла нашей страны, поднятию ее обороноспособности.

Имелись и отдельные недостатки в работе некоторых военных трибуналов войск НКВД. Так, некоторые военные трибуналы недооценивали особую опасность в условиях войны уклонения от воинского учета, призыва и мобилизации, применяя к виновным в этом преступлении мягкие меры наказания; другие трибуналы, наоборот, допускали формальный подход при установлении вины обвиняемых, осуждая лиц, в отношении которых можно было ограничиться мерами дисциплинарного воздействия. Не всегда выявлялись укрыватели — лица, содействовавшие уклонению от воинского учета и мобилизации. Сроки рассмотрения дел в некоторых военных трибуналах были чрезвычайно велики. Несвоевременно обращались приговоры к исполнению и т. д. Наркомюст СССР не обеспечил своевременной организации необходимого количества военных трибуналов и их постоянных сессий в крупных промышленных районах, вследствие чего имели место задержки в рассмотрении дел по Указу 26 декабря 1941 г. и в обращении приговоров к исполнению.

Правительством в связи с этим были даны Наркомюсту соответствующие указания, выполнение которых потребовало от военных трибуналов войск НКВД большой и напряженной работы, давшей весьма положительные результаты. Самовольный уход с предприятий военной промышленности во второй половине 1944 г. уменьшился. Многие дезертиры добровольно возвращались на свои или аналогичные предприятия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. была предоставлена амнистия лицам, дезертировавшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся до издания Указа на свои или другие предприятия, подпадающие под действие Указа 26 декабря 1941 г. Акт амнистии был распространен также на тех дезертиров, которые добровольно возвратились после издания Указа на свои предприятия до 15 февраля 1945 г.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ

Принципы организации и деятельности советского суда, установленные Сталинской Конституцией и изданным в развитие ее IX главы Законом о судостроительстве,

обусловили соответствующие изменения и в организации военных трибуналов.

Рассмотрим каждый из этих организационных принципов с точки зрения их применимости к военным трибуналам.

Согласно ст. 5 Закона о судостроительстве правосудие в СССР осуществляется на началах:

а) единого и равного для всех граждан суда, независимо от социального, имущественного и служебного положения граждан, их национальной и расовой принадлежности;

б) единого и обязательного для всех судов уголовного, гражданского и процессуального законодательства СССР».

В ст. 5 Закона о судостроительстве подчеркнут один из основных организационных принципов советского суда — принцип единства судебной системы.

В большинстве буржуазных государств имеется параллельно несколько, подчас независимых одна от другой судебных систем: общие суды, военные суды, исключительные суды и т. д. В царской России была система общих судов (окружной суд, судебная палата, сенат) и система военных и военно-морских судов, находившихся в ведомстве военного и морского министерств. Все эти суды действовали по специальным, отличным друг от друга процессуальным правилам. В особенности это ярко проявлялось в странах фашистского террора, где вообще суд был превращен в подсобный орган фашистской разведки и являлся одним из средств фашистского террора, а военные суды были переданы в полное ведение командования.

В СССР — единая система судов.

Согласно Закону о судостроительстве, военные трибуналы в СССР осуществляют те же задачи, что и все другие суды социалистического государства, но только в особых условиях. В соответствии со ст. 102 Конституции СССР и ст. ст. 1 и 64 Закона о судостроительстве, система военных трибуналов входит в общую советскую судебную систему и подчиняется высшему надзору Верховного суда СССР.

Как и все суды в СССР, военные трибуналы руковод-

ствуются в своей деятельности единым для всех судов уголовным и процессуальным законодательством. Но в отличие от общих судов военные трибуналы до Отечественной войны совершенно не рассматривали гражданских дел (т. е. споров имущественного характера между гражданами, учреждениями и организациями). Как уже указывалось выше, в 1943 г. военные трибуналы получили на время войны право рассматривать и гражданские иски по некоторым категориям дел.

Ст. 112 Конституции СССР и ст. 6 Закона о судостроительстве говорят: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Под независимостью судей понимается обеспечение судьям возможности в каждом отдельном случае постановлять решение по своему внутреннему убеждению на основании закона и своего социалистического правосознания в строгом соответствии с обстоятельствами дела. Никто — ни командование, ни Министерство юстиции, ни прокуратура, ни вышестоящий суд — не может диктовать судьям, разбирающим дело, как они должны это дело решить.

Закон о судостроительстве устанавливает ряд очень существенных гарантий независимости судей. Согласно ст. 17 этого закона, освобождение судей от должности и народных заседателей от их обязанностей допускается не иначе, как по отзыву избирателей или же в силу состоявшегося о них приговора суда.

В ст. 18 Закона о судостроительстве указано: «Возбуждение против судей уголовного преследования, отстранение их в связи с этим от должности и предание суду производится... в отношении членов Верховного суда СССР и специальных судов¹ СССР — по постановлению Прокурора СССР с санкции Президиума Верховного Совета СССР».

Следовательно, возбуждение против членов военных трибуналов уголовного преследования, отстранение их в связи с этим от должности и предание суду производятся с соблюдением гарантий, установленных законом.

---

¹ Специальными судами называются суды, разбирающие дела, которые касаются какой-либо отрасли нашего государственного механизма. К их числу относятся и военные трибуналы.

Однако в условиях военного времени может создаться необходимость в немедленном отстранении от должности кого-либо из работников военных трибуналов. Поэтому ст. 6 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. предоставляла право председателям военных трибуналов округов, фронтов и флотов временно отстранять от должности председателей, их заместителей и членов военных трибуналов с последующим утверждением этого распоряжения Народным Комиссаром юстиции СССР. За свои служебные проступки судьи отвечают в особом порядке — согласно Положению о дисциплинарной ответственности судей от 29 июля 1939 г. Дисциплинарные взыскания на работников военных трибуналов могут быть налагаемы Министром юстиции СССР и председателем военного трибунала. Министр юстиции СССР может наложить одно из следующих взысканий: замечание, выговор, выговор с предупреждением о постановке вопроса об отзывании с должности судьи; председатель военного трибунала — только замечание и выговор.

Таким образом, военные судьи в СССР вполне гарантированы от несобоснованного привлечения к уголовной и дисциплинарной ответственности.

Подобных гарантий независимости военных судей нет ни в одном буржуазном государстве.

При судебном разбирательстве в военном трибунале того или иного уголовного дела никакие органы не вправе вмешиваться и давать свои указания об исходе дела.

Как уже указывалось, председатели военных трибуналов обязаны, согласно ст. 13 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г., периодически информировать командование соединений, военные советы фронтов, флотов, армий и округов о работе военных трибуналов по борьбе с преступностью. Такая информация о рассмотренных военным трибуналом делах не представляет собою вмешательства командования в рассмотрение конкретных дел, не затрагивает принципа независимости военных судей.

Согласно ст. 110 Конституции СССР «судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц,

не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке». Об этом же говорит и ст. 7 Закона о судеустройстве. Это требование, представляющее реализацию ленинско-сталинской национальной политики в отправлении правосудия, полностью, конечно, соблюдается и в судепроизводстве военных трибуналов.

В соответствии со ст. 111 Конституции СССР, ст. 8 Закона о судеустройстве указывает, что «разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту».

Эти исключения по действующему законодательству (ст. 19 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик) имеют место только в двух случаях: когда разбирается дело, в котором затрагиваются вопросы, являющиеся государственной, дипломатической или военной тайной, и когда суд разбирает дела о половых преступлениях, при рассмотрении которых ему приходится касаться интимных сторон жизни обвиняемых и потерпевших.

Понятно, что военным трибуналам вследствие особого характера подсудных им дел чаще приходится касаться вопросов, составляющих военную тайну, и поэтому чаще, чем общим судам, прибегать к ограничению гласности. Кроме того, в тех случаях, когда военные трибуналы действуют в боевой обстановке, например, в местности, находящейся под обстрелом неприятеля, сама эта обстановка может сделать гласность процесса фактически неосуществимой. Но общие правила остаются неизблевыми и для военных судов.

Ст. 111 Конституции СССР и на основе ее ст. 8 Закона о судеустройстве говорят о праве обвиняемого на защиту.

В процессуальной науке различаются, как известно, защита в материальном смысле и защита в формальном смысле. Под защитой в материальном смысле разумеется вся совокупность гарантий, соблюдаемых в интересах обвиняемого, и вся совокупность прав, которые предоставлены законом обвиняемому и при помощи которых он может защищаться против предъявленного

ему обвинения. Защита же в формальном смысле — это право обвиняемого пользоваться для своей защиты услугами адвоката. Конституция СССР, говоря о праве обвиняемого на защиту, имеет в виду защиту как в формальном, так и в материальном смысле.

В нормальных мирных условиях это право на защиту, как в формальном, так и в материальном смысле, принадлежит и обвиняемым, преданным суду военного трибунала. Однако в условиях боевой обстановки может сложиться положение, при котором осуществление права на защиту в формальном смысле, т. е. приглашение обвиняемым адвоката, окажется фактически невозможным, Было бы недопустимо в этих случаях откладывать разбирательство дела до тех пор, пока не сложится такая обстановка, когда можно будет привлечь адвоката для участия в процессе. Поэтому уголовно-процессуальное законодательство союзных республик (например, ст. 381 УПК РСФСР) разрешает военным трибуналам слушать дело «без участия сторон», т. е. без прокурора и без защитника.

Однако право на защиту в материальном смысле остается у обвиняемого во всех без исключения случаях. Отсутствие у обвиняемого защитника возлагает на председателя трибунала особую ответственность за полноту и всесторонность исследования дела.

Ст. ст. 9, 10, 11, 12, 13 и 14 Закона о судостроительстве говорят об участии во всех судах народных заседателей и о выборности судей.

В соответствии со ст. 103 Конституции СССР, статьи 9 и 14 Закона о судостроительстве указывают, что рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом. Основное правило таково, что разбирательство любого судебного дела, как уголовного, так и гражданского, производится коллегией в составе трех судей — судьи и двух народных заседателей. Этот порядок действует во всех судах — от народного суда и до Верховного суда СССР. В составе трех членов суда без участия народных заседателей происходят заседания судебных коллегий при рассмотрении жалоб и протестов на приговоры нижестоящих судов, и как исключение

единолично судьи рассматривают дела по Указу 26 июня 1940 г.

В отношении военных трибуналов Закон о судоустройстве (ст. 56) допускает возможность изъятия из этого правила и разрешает по делам, подсудным военным трибуналам, в случаях, особо указанных в законе, разбирать такие дела в составе трех членов военного трибунала.

В период Великой Отечественной войны для местностей, не объявленных на военном положении, таким законом являлось Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. Примечание к ст. 4 этого Положения давало право рассматривать дела в военном трибунале либо в составе трех постоянных членов военного трибунала, либо в составе председательствующего члена военного трибунала и двух временных членов или двух постоянных и одного временного члена — по усмотрению председателя военного трибунала.

В местностях же, объявленных на военном положении, и в районе военных действий, согласно ст. 12 Положений о военных трибуналах от 22 июня 1941 г., все дела рассматривались в военных трибуналах в составе трех постоянных членов.

Важнейшим демократическим принципом советского судоустройства является принцип выборности судей.

Никаких формальных условий для права быть судьей наш закон, как известно, не устанавливает. Согласно ст. 11 Закона о судоустройстве судьями могут быть все граждане, пользующиеся избирательными правами. Только от избирателей зависит определение пригодности того или иного кандидата к выполнению обязанностей судьи.

Принцип выборности судей и народных заседателей в мирное время распространяется также и на военные трибуналы. Согласно ст. 54 Закона о судоустройстве, председатели, их заместители и члены специальных судов избираются Верховным Советом СССР сроком на 5 лет.

Выборы военных судей до Великой Отечественной войны не были произведены. Поэтому впредь до проведения выборов в порядке, установленном Законом о

судоустройстве, председатели и члены военных трибуналов назначались и увольнялись Народным Комиссаром юстиции СССР.

Зачисление председателей и членов военных трибуналов в кадры Советской Армии, Военно-Морского Флота или войск НКВД производилось Народным Комиссаром Обороны, Народным Комиссаром Военно-Морского флота или НКВД СССР.

Ст.ст. 55 и 56 Закона о судоустройстве устанавливают, что для участия в судебных заседаниях военных трибуналов должны привлекаться народные заседатели, избираемые краевыми и областными Советами депутатов трудящихся и Верховными советами союзных и автономных республик, кроме случаев, когда по закону дела рассматриваются в составе трех членов трибунала. Выборы народных заседателей для участия в судебных заседаниях военных трибуналов должны производиться соответственно теми краевыми и областными Советами депутатов трудящихся, в районе которых расположено данное воинское соединение. Выборы народных заседателей военных трибуналов произведены не были. Поэтому оставалось в силе примечание к ст. 4 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. и Положение о временных членах военных трибуналов от 9 ноября 1926 г., т. е. вместо народных заседателей для участия в судебных заседаниях военных трибуналов привлекались временные члены.

В местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий порядок выборов председателей и членов военных трибуналов и народных заседателей, установленный Законом о судоустройстве, неприменим, как слишком сложный и громоздкий. Поэтому Положение о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. установило для этих местностей иной порядок комплектования военных трибуналов (ст. ст. 3—5).

Штаты военных трибуналов утверждались совместными приказами Народного Комиссара юстиции СССР и Народного Комиссара Обороны СССР или Народного Комиссара Военно-Морского флота СССР или Народного Комиссара внутренних дел СССР, смотря по тому, о какой из ветвей трибунальской системы шла речь.

Согласно ст. 3 Положения о военных трибуналах 1941 г. «приписка на военное время на должности заме-

стителей председателей и членов военных трибуналов производится из числа лиц военно-юридического состава запаса, а на должности председателей трибуналов — из числа кадровых работников военных трибуналов».

В том же порядке производилось пополнение должностей председателей, их заместителей и членов военных трибуналов. Перемещение председателей, их заместителей и членов военных трибуналов округов, фронтов, армий, флотов и флотилий производилось Народным Комиссаром юстиции СССР. Работники тех же категорий нижестоящих военных трибуналов перемещались председателями военных трибуналов фронтов и флотов. Технический персонал военных трибуналов назначался и увольнялся председателем соответствующего трибунала.

Одним из принципов социалистического судебного права является право осужденного и других участников процесса на обжалование приговора или определения суда.

Согласно ст. 15 Закона о судоустройстве, приговоры или определения всякого суда (кроме Верховного суда СССР и верховных судов союзных республик) могут быть обжалованы в вышестоящий суд.

Право опротестования приговора суда после вступления этого приговора в законную силу (по истечении срока на обжалование или после оставления в силе приговора судом, рассматривающим поданные в срок жалобы или протест) по Закону о судоустройстве предоставлено только Генеральному прокурору СССР и Председателю Верховного суда СССР, а также прокурорам и председателям верховных судов союзных республик в порядке надзора.

Эти правила в мирное время распространяются в основном и на военные трибуналы с той разницей, что, поскольку эти трибуналы не входят в судебную систему союзных республик, право опротестования их приговоров в порядке надзора принадлежит только Генеральному прокурору СССР и Председателю Верховного суда СССР. Только по некоторым категориям дел, подсудным военным трибуналам (дела о террористических актах и дела о вредительстве и диверсиях), возможность обжало-

вания приговоров устранена особыми законами (от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г.).

Иначе обстояло дело в военное время. Необходимость быстрой и решительной репрессии не давала возможности допускать право обжалования приговора, осуществление которого было неизбежно связано с передачей дела в вышестоящий суд и с длительной задержкой в его разрешении. Поэтому ст. 14 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. устраняла возможность обжалования сторонами приговоров военных трибуналов в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий. В остальных местностях право обжалования приговора военных трибуналов сохранялось и в военное время. Но это же положение значительно усиливало надзор военной прокуратуры и вышестоящих военных трибуналов за законностью и обоснованностью приговоров военных трибуналов.

Систему военных трибуналов в СССР составляли: 1) военные трибуналы Красной Армии, 2) военные трибуналы Военно-Морского Флота, 3) военные трибуналы войск НКВД, 4) военные трибуналы транспорта (железнодорожных и водных путей сообщения).

Все эти военные трибуналы можно было разбить на две группы:

а) военные трибуналы в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий; организация и порядок деятельности этой группы военных трибуналов определялись Положением о военных трибуналах от 22 июня 1941 г.; общее законодательство применялось к этой группе военных трибуналов лишь постольку, поскольку оно не было изменено этим Положением;

б) военные трибуналы в местностях, не объявленных на военном положении; организация и порядок деятельности этих трибуналов регулируется Законом о судостроительстве, процессуальным законодательством соответствующих (по месту нахождения трибунала) союзных республик и Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. с последующими изменениями и дополнениями.

Помимо перечисленных видов военных трибуналов в период Великой Отечественной войны в прифронтовой полосе ряд областных судов был реорганизован в воен-

ные трибуналы с оставлением их в ведении народных комиссаров юстиции союзных республик. Так, например, постановлением военного совета Западного фронта от 28 октября 1941 г. при объявлении Москвы на осадном положении московский городской суд был реорганизован в военный трибунал г. Москвы. К подсудности военного трибунала г. Москвы и его секций в районах (по три члена военного трибунала в каждой) отнесены были дела о всех совершенных гражданами преступлениях, кроме предусмотренных ст.ст. 58^{1а}, 58^б, 58^в, 58^г УК РСФСР. Общее руководство работой трибунала было возложено на Управление НКЮ г. Москвы, а судебный надзор — на военный трибунал МВО. В каждом районе Москвы было сохранено по одному участку народного суда для рассмотрения гражданских дел. Московский городской суд действовал в составе судебной коллегии по гражданским делам.

После разгрома немецко-фашистских орд под Москвой и с удалением фронта от красной столицы число секций военного трибунала города и подсудность им уголовных дел все более сокращались.

Одновременно возобновили свою деятельность народные суды и Московский городской суд. Следовательно, этот вид военных трибуналов являлся временным.

Военные трибуналы Красной Армии рассматривали дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и военнообязанными во время пребывания последних на учебных сборах, а также дела о совершенных кем бы то ни было следующих преступлениях (см. приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 24 июня 1941 г.): 1) измена Родине, 2) шпионаж, 3) террористические акты, 4) диверсии (эти дела могли рассматривать только военные трибуналы фронтов, округов и армий).

Если эти преступления были направлены к подрыву мощи и крепости железнодорожного или водного транспорта, то дела о них рассматривались транспортными военными трибуналами. Дела о террористических актах против сельского актива, дела о поджогах дворов сельских активистов и общественных зданий в сельских местностях рассматривались военными трибуналами войск НКВД (приказ НКЮ СССР и Прокурора СССР от 27 июня 1941 г.).

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1943 г. «О введении военного положения в Гражданском воздушном флоте», дела о служебных преступлениях работников Гражданского воздушного флота (в том числе о преступлениях личного состава авиагрупп и авиаотрядов, приданных для обслуживания действующих частей Красной Армии, штатных рабочих и служащих аэропортов и аэродромов и всех остальных работников ГВФ) рассматривались также военными трибуналами Красной Армии, а где их не было — военными трибуналами войск НКВД.

В местностях, где не было других соответствующих военных трибуналов и других судов, военные трибуналы Красной Армии могли рассматривать уголовные дела, отнесенные к компетенции других военных трибуналов или судов.

Система военных трибуналов Красной Армии состояла из двух звеньев. К первому, нижестоящему, звену относились военные трибуналы дивизий, отдельных бригад, корпусов, военные трибуналы гарнизонов, отделы военных трибуналов округов и военные трибуналы армий и групп. Эти военные трибуналы являлись судами первой инстанции, рассматривавшими уголовные дела о преступлениях, совершенных в районах расположения соответствующих воинских соединений.

Ко второму, высшему, звену относились; 1) военные трибуналы фронтов, округов и отдельных армий в местностях, не объявленных на военном положении; эти трибуналы действовали как суды первой инстанции и как кассационная инстанция; 2) военные трибуналы в местностях, объявленных на военном положении; это были суды первой инстанции, а также надзорная инстанция. Кроме того, председатели военных трибуналов фронтов и округов выполняли также и функции судебного управления по отношению к нижестоящим военным трибуналам Красной Армии.

Военные трибуналы фронтов (отдельных армий) в районах военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, осуществляли судебный надзор за всеми видами военных трибуналов, действовавших в прифронтной полосе. В связи с этим председатели военных трибуналов и военные прокуроры фрон-

тов могли принести в военный трибунал фронта протест на всякий приговор, вынесенный не только военным трибуналом какого-либо войскового соединения, но и военным трибуналом войск НКВД, железной дороги или территориальным военным трибуналом. Военный трибунал фронта мог оставить в силе, изменить или отменить приговор, на который принесен протест. В остальном военные трибуналы фронта не вмешивались в деятельность военных трибуналов войск НКВД и транспорта.

Дела между военными трибуналами различных категорий распределялись по правилам так называемой персональной подсудности, т. е. в зависимости от должностного положения подсудимого: согласно ст. 10 Положения о военных трибуналах 1941 года, трибуналы при дивизиях и стрелковых бригадах рассматривали дела о преступлениях военнослужащих, занимавших должности до командира роты включительно и приравненных к нему по служебному положению лиц; трибуналы при корпусах — до командира батальона включительно и ему соответствующих лиц; трибуналы при армиях — до помощника командира полка включительно и ему соответствующих лиц; трибуналы при военных округах, фронтах и отдельных армиях — до командира неотдельной бригады включительно и ему соответствующих лиц.

Тем самым дела о вышестоящих офицерах и генералах, начиная с командира отдельной бригады, были подсудны Военной коллегии Верховного суда СССР.

Соответственно организационной структуре военноморских сил в военное время была построена и система трибуналов Военно-Морского Флота.

В местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий военные трибуналы Военно-Морского Флота действовали на основании Положения о военных трибуналах 22 июня 1941 г. Поэтому приговоры этих трибуналов обжалованию не подлежали, и трибуналы действовали только как суды первой инстанции.

Система военных трибуналов железнодорожных и водных путей сообщения состояла из военных трибуналов железных дорог, морских и речных бассейнов и соединений железнодорожных

войск отдельных железнодорожных бригад). Для обеспечения быстроты рассмотрения дел военные трибуналы железных дорог обычно имели на крупных узлах и станциях свои постоянные сессии, действовавшие от имени военного трибунала железной дороги.

Военные трибуналы железных дорог и водных бассейнов рассматривали дела о контрреволюционных преступлениях и обо всех других преступлениях, подрывающих нормальную работу железнодорожного и водного транспорта, и дела о преступлениях, предусмотренных п. 7 Указа о военном положении 22 июня 1941 г., если они были совершены на транспорте, дела о распространении в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, а также дела о самовольном уходе и прогулах с предприятий и учреждений железнодорожного или водного транспорта. Последняя категория дел рассматривалась единолично одним из членов военного трибунала. Военные трибуналы железных дорог и водных бассейнов рассматривали дела, ранее относившиеся к компетенции линейных судов железных дорог и водных бассейнов.

Все дела об этих преступлениях рассматривались трибуналами железных дорог и водных бассейнов независимо от того, были ли они совершены работниками железнодорожного и водного транспорта или другими лицами.

В военное время приговоры этих трибуналов обжалованию не подлежали. Кассационной и надзорной инстанцией для военных трибуналов железных дорог является Всенно-железнодорожная коллегия, а для военных трибуналов водных бассейнов — Военная водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР, реорганизованные (военизированные) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1942 г.

Вся система военных трибуналов в СССР возглавлялась Верховным судом СССР. Военная коллегия Верховного суда СССР действовала: а) как суд первой инстанции по наиболее важным преступлениям, отнесенным к компетенции военных трибуналов; б) как кассационная инстанция для военных трибуналов округов, флотов, фронтов и отдельных армий, а по делам с высшей мерой наказания — для всех военных трибуна-

лов; в) как надзорная инстанция — по делам всех военных трибуналов, кроме военных трибуналов железнодорожных и водных путей сообщения, в отношении которых аналогичные функции выполняли, как сказано, Военно-железнодорожная в Военная водно-транспортная коллегии.

Военной коллегии Верховного суда СССР, как суду первой инстанции, были подсудны дела о преступлениях, совершенных начальниками и другими руководящими работниками центральных управлений Наркомата Обороны, Наркомата Военно-Морского Флота, Главного Управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР, а также лицами высшего командного и начальствующего состава Действующей Армии. Ей подсудны были также дела, которые могли быть переданы на ее рассмотрение особым постановлением Президиума Верховного Совета СССР. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 июля 1934 г. Военной коллегии были подсудны наиболее важные дела об измене Родине, шпионаже, о совершении террористических актов и диверсиях.

Военная коллегия Верховного суда СССР могла принять к своему производству любое дело, подсудное любому военному трибуналу, исходя из сложности дела, его политического или общественного значения.

В качестве суда первой инстанции Военная коллегия рассматривала дела в составе председателя (или члена Военной коллегии) и двух членов или в составе председателя или члена Военной коллегии и двух народных заседателей, избранных для участия в судебных заседаниях Верховного суда СССР. Рассмотрение кассационных жалоб и протестов на приговоры военных трибуналов, а также протестов в порядке надзора, происходило в Военной коллегии в составе трех постоянных членов.

Приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР как суда первой инстанции обжалованию не подлежали как в мирное, так и военное время. Они могли быть опротестованы в порядке надзора Председателем Верховного суда СССР или Генеральным прокурором СССР в Пленум Верховного суда СССР. Пленум Верховного суда СССР вправе отменить любой приговор и любое определение Военной коллегии.

Военная коллегия является составной частью Верховного суда СССР.

В военное время, как было указано, приговоры военных трибуналов, действовавших в местностях, объявленных на военном положении, или в районах военных действий, обжалованию не подлежали. Поэтому во время войны Военная коллегия Верховного суда СССР действовала как кассационная инстанция лишь по отношению к тем трибуналам, которые находились в местностях, не объявленных на военном положении.

В отношении же всех военных трибуналов, находившихся в местностях, объявленных на военном положении, или в районах военных действий, Военная коллегия являлась надзорной инстанцией. Председателю Военной коллегии, являющемуся вместе с тем заместителем председателя Верховного суда СССР, принадлежало право приостановить исполнение приговора любого военного трибунала, истребовать всякое дело, разрешенное военным трибуналом, и, если он находил приговор неправильным, опротестовать его. Как известно, такое же право принадлежит Генеральному прокурору Союза ССР и Председателю Верховного суда СССР.

Рассмотрение протестов в порядке надзора составляет одну из задач Военной коллегии Верховного суда СССР.

В отношении военных трибуналов функции судебного управления осуществлялись Народным Комиссаром юстиции СССР через Управления военных трибуналов Народного Комиссариата юстиции СССР: 1) Главное Управление военных трибуналов Красной Армии и Военно-Морского Флота; 2) Главное Управление военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта и 3) Управление военных трибуналов войск НКВД.

Управлениями военных трибуналов выполнялись следующие функции: а) разработка вопросов, связанных с организацией военных трибуналов (структура, штаты); б) производство ревизий военных трибуналов по всем вопросам их деятельности (проверка приговоров, определений, сроков рассмотрения дел, жалоб и т. д.); в) изучение и обобщение судебной практики военных трибуналов; г) разработка приказов и инструк-

ций об улучшении организации работы военных трибуналов; д) учет и изучение кадров военных трибуналов, разработка планов их подготовки и переподготовки, подготовка для Народного комиссара предложений по назначению и перемещению работников военных трибуналов; е) организация ведения судебной статистики по военным трибуналам.

Война внесла в подсудность военных трибуналов ряд изменений, диктовавшихся требованиями обороны, общественного порядка и государственной безопасности.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» в пункте 7 установил: «В изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов».

Указом изымались из подсудности народных судов и передавались на рассмотрение военных трибуналов дела о разбое, умышленных убийствах, насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи, уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности, сопротивлении представителям власти.

Из компетенции краевых и областных судов изымались дела о преступлениях контрреволюционных и особо опасных против порядка государственного управления, а также дела о хищении общественной (социалистической) собственности. Кроме того, военным властям предоставлено было право передавать на рассмотрение военных трибуналов дела о спекуляции, злостном хулиганстве и иных преступлениях, если командование признает это необходимым по обстоятельствам военного времени.

Указ оставлял в компетенции военных трибуналов дела о всех преступлениях военнослужащих, а также дела о незаконной покупке, продаже, хранении и хищении оружия, совершенных кем бы то ни было.

Статьи 8—10 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. содержали ряд правил о подсудности.

В ст. 8 Положения имелась ссылка на ст. 7 Указа «О военном положении» и дополнительно на ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г. в редакции от 13 декабря 1940 г. В ст. 9 Положения подтверждалась исключительная компетенция военных трибуналов округов, фронтов, флотов, армий и флотилий в рассмотрении дел об измене Родине, шпионаже, терроре и диверсиях. Новым было только то, что право рассмотрения этой категории дел предоставлялось и военным трибуналам армий и флотилий. На практике, по поручению вышестоящих трибуналов, эти дела рассматривали в отдельных случаях также военные трибуналы корпусов и дивизий.

Таким образом, сохранялась подсудность военных трибуналов, установленная Указом 13 декабря 1940 г., законом 10 июля 1934 г. с дополнениями, внесенными Указом 22 июня 1941 г. «О военном положении».

Распределение дел между отдельными категориями военных трибуналов устанавливалось ст. 10 Положения о военных трибуналах.

В местностях, не объявленных на военном положении, компетенция военных трибуналов определялась ст. ст. 8, 10 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре от 20 августа 1926 г.

Однако это Положение в период Отечественной войны дополнялось рядом Указов Президиума Верховного Совета СССР, устанавливавших новые категории дел, передававшихся на рассмотрение военных трибуналов. К таким общим для фронта и тыла законодательным актам прежде всего относится Указ Президиума Верховного совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». За это преступление виновные лица подлежали суду военного трибунала.

Согласно ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., дела о лицах, виновных в самовольном уходе (дезертирство) с предприятий военной промышленности, были переданы на рассмотрение военных трибуналов.

Как уже указывалось выше, служащие и инженерно-технические работники, работавшие в государственных предприятиях и учреждениях в районах, близких к фронту, были переведены на положение мобилизованных и закреплены за теми предприятиями и учреждениями, в которых они работали (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 г.). Дела о самовольном оставлении этими лицами работы или об их отказе от эвакуации рассматривались военными трибуналами.

К подсудности военных трибуналов были также отнесены дела о преступлениях лиц, уклонявшихся от военного учета, призыва и мобилизации, лиц, уклонявшихся от обязательного обучения военному делу в местностях, объявленных на военном положении (постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 октября 1941 г.), граждан, состоявших в истребительных батальонах, за преступления, направленные против установленного порядка несения службы (постановление Пленума Верховного суда СССР от 14 октября 1941 г.), а также лиц, находившихся в силу призыва военкоматами в составе формирования местной противовоздушной борьбы.

Особо регулировалась подсудность дел о преступлениях лиц, состоявших в народном ополчении. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 11 октября 1941 г., дела о всех преступлениях лиц, состоявших в народном ополчении и зачисленных в части Красной Армии, рассматривались военными трибуналами. Лица, состоявшие в народном ополчении с отрывом от производства, но не зачисленные в части Красной Армии, отвечали перед военными трибуналами только за преступления, направленные против установленного для них порядка несения службы. Лица, состоявшие в народном ополчении без отрыва от производства, за совершенные преступления подлежали ответственности перед общими судами.

Введение военного положения на железнодорожном, водном и воздушном транспорте приравнило в смысле уголовной ответственности рабочих и служащих этих предприятий к военнотрудовым. Тем самым за все преступления работники транспорта с момента введе-

ния военного положения отвечали, как указывалось выше, перед военными трибуналами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1944 г. «Об ответственности начальствующего и рядового состава военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны НКВД СССР за преступления по службе» установлено на военное время, что лица начальствующего и рядового состава военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны НКВД СССР за преступления по службе должны были нести ответственность наравне с военными служащими по Положению о воинских преступлениях. Дела об указанных преступлениях были подсудны военным трибуналам.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» виновные в совершении этих преступлений подлежали суду военного трибунала.

К этому перечню дел, которые в дни войны были отнесены к подсудности военных трибуналов, необходимо еще добавить, что в тех случаях, когда постановлениями правительства СССР предусматривалась ответственность за то или иное преступление по законам военного времени, дела эти также подлежали рассмотрению военных трибуналов.

Выше уже указывалось, что, согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 8 января 1942 г., незаконченные производством дела по преступлениям контрреволюционным, особо опасным против порядка управления и наиболее тяжким преступлениям уголовного характера (убийство, разбой, крупные хищения и растраты) в отношении лиц, совершивших преступления до призыва их в Красную Армию и Военно-Морской Флот, подлежали, применительно к ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1940 г., направлению через военную прокуратуру в военный трибунал по месту службы обвиняемого.

Компетенция военных трибуналов, установленная в мирное время, не могла оставаться неизменной в дни войны.

Военная обстановка настоятельно требовала более быстрого реагирования на преступные действия, угрожавшие обороне, общественному порядку и государственной безопасности, особенно в прифронтовой полосе. Отсюда — передача в местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных трибуналов дел о всех более или менее важных преступлениях (государственных преступлениях, хищениях общественной собственности, умышленных убийствах, разбое и т. д.), совершенных кем бы то ни было. Процессуальный порядок рассмотрения дел в военных трибуналах (сокращение до одних суток срока вручения копии обвинительного заключения, отмена кассационного обжалования и т. д.) более, чем процесс в общих судах, соответствовал суровой обстановке военного времени, когда требовалось немедленное воздействие на нарушителей советских законов.

Передача на рассмотрение военных трибуналов в период Великой Отечественной войны наиболее важных уголовных дел говорит о том, что советская военная юстиция оказалась способной с честью выполнять те ответственные задачи, которые были перед ней поставлены в годы, когда нашей Родине пришлось обороняться от посягательств на нее фашистских хищников и когда укрепление тыла являлось одним из важнейших условий нашей победы.

III. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ С ВОЕННЫМИ ТРИБУНАЛАМИ

Выполняя свои задачи по укреплению боеспособности Вооруженных Сил СССР, советская военная юстиция неизбежно вступала в те или иные взаимоотношения с командирами частей, соединений, военными советами армий и фронтов. Поэтому чрезвычайно важно было правильное разрешение вопроса о роли командования в борьбе с преступностью в армии и о взаимоотношениях командования с военными трибуналами.

Основной задачей всех органов, ведущих борьбу с преступностью в армии, является борьба за установление и поддержание строжайшей воинской дисциплины.

плины. За состояние дисциплины среди подчиненных ему военнослужащих в первую очередь несет ответственность командир. В силу этого командование принимает активное участие в борьбе с преступностью в армии и обладает рядом процессуальных прав. Командиры всех степеней наделены дисциплинарными правами, а командиры соединений — и правом направлять нарушителя дисциплины в штрафную часть без суда, на основании материалов дознания. Но в более сложных случаях судебный процесс лучше, чем одно дознание, обеспечивает принятие правильного решения по делу. Кроме того, судебный процесс оказывает большое воспитательное воздействие на состав воинской части.

Для правильного сочетания всего арсенала мер принуждения с мерами воспитательного характера, для поддержания строжайшей воинской дисциплины требуется самое тесное взаимодействие между командованием, политическими органами и органами военной юстиции.

Советская Армия — детище самого демократического государства в мире. В Советской Армии соблюдению законности в широком понимании этого при дается исключительное значение.

Законность в армии — это точное соблюдение всеми военнослужащими правил поведения как на службе, так и вне ее, строгое соблюдение порядка несения военной службы, установленного соответствующими законами, уставами, наставлениями и приказами командования. Законность в армии — это также соблюдение всех международных законов и обычаев ведения войны.

В армии подробно регламентированы все стороны службы и быта военнослужащего, его поведение при несении военной службы и при нахождении вне службы. Такой подробной регламентации нет вне армии. В силу этого военнослужащий отвечает за действия, предусмотренные уголовным законодательством, и за служебные проступки и поведение вне службы — в порядке дисциплинарного устава. Само разграничение между понятием воинского преступления и дисциплинарного проступка и решение вопроса о судебной или дисциплинарной ответственности предоставлено усмотрению

соответствующего военного начальства. Следовательно, как поддержание должного правопорядка в армии, так и борьба с его нарушителями в первую очередь и главным образом ложится на плечи командования, действующего на основе строгого соблюдения принципа единоначалия. В силу принципа единоначалия никто, кроме вышестоящих начальников, не может вмешиваться в распоряжения и приказы командира. И в соответствии с этим командиры несут ответственность не только за состояние дисциплины во вверенных им частях и соединениях, но и за состояние борьбы с преступностью. Командование выступает то как орган, сообщающий прокуратуре о преступлении, то как орган, наделенный определенными процессуальными правами.

Каковы функции отдельных командных инстанций в области борьбы с преступностью?

Наиболее широкие полномочия во всех областях жизни и быта армии имели в период Великой Отечественной войны Верховное Главное Командование и Государственный Комитет Обороны, дававшие директивы по борьбе с преступностью, в своих приказах заострявшие внимание органов военной юстиции на наиболее актуальных в тот или иной момент вопросах борьбы с ней.

Особое место занимали приказы и указания Верховного Главнокомандующего, Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина. Указания товарища Сталина были положены в основу деятельности всех органов советской военной юстиции, каждого ее работника.

В военное время процессуальные и другие права следующего командного звена — военных советов округов, фронтов и флотов — весьма велики. К ним перешел ряд функций, осуществлявшихся в мирное время непосредственно НКО СССР или даже Президиумом Верховного Совета СССР. Военные советы фронтов, осуществляя свое право на снятие судимости с военнослужащих, осужденных судами, действовали от имени Президиума Верховного Совета СССР, делегировавшего им часть своих прав. Военным советам предоставлено было право утверждать решения военной прокуратуры о привлечении к уголовной ответственности, аресте и предании суду отдельных категорий военнослужащих, а также в исключительных случаях об обращении к ис-

полнению приговоров военных трибуналов с высшей мерой наказания.

В пределах фронта (округа, флота) военный совет являлся высшим военным органом. Как уже отмечалось, председатели военных трибуналов, в соответствии со ст. 13 Положения о военных трибуналах от 22 июня 1941 г., информировали военные советы (и командиров соединений) о своей борьбе с преступностью. Следовательно, в известной мере военные советы фронтов являлись директивными органами для органов военной юстиции фронта. Они могли указывать на общее направление борьбы с преступностью, и эти указания были обязательны для органов юстиции, если они не противоречили директивам центра (НКЮ СССР и Прокурора СССР).

Военным советам принадлежало право санкционировать привлечение к уголовной ответственности, арест и предание суду офицерского состава.

В ст. 15 действовавшего в период Отечественной войны Дисциплинарного устава Красной Армии 1940 г. было сказано, что командование решает вопрос о дисциплинарной или уголовной ответственности в тех случаях, когда действия военнослужащего граничат между служебным проступком и уголовным преступлением. Однако и по уголовным преступлениям требовалась санкция командования на привлечение к уголовной ответственности и предание суду.

Значительно меньшая сумма процессуальных прав принадлежала командирам соединений (корпусов, дивизий, бригад) и военным советам армий. Их права сводились, главным образом, к даче санкций на арест, привлечение к уголовной ответственности и предание суду младших офицеров.

Несомненная заинтересованность командиров соединений в высоком политико-моральном состоянии вверенных им войск заставляла их принимать самое деятельное участие в организации борьбы с преступностью. Эта деятельность командиров соединения выражалась в их распоряжениях о передаче дел на тех или иных лиц в органы военной прокуратуры или в даче распоряжения о производстве дознания о преступной деятельности подчиненных им лиц.

Низшим звеном командования с рассматриваемой нами точки зрения являлись командиры отдельных воинских частей и начальники военных учреждений и заведений. Они были вправе возбуждать уголовное дело, поручая одному из подчиненных им офицеров (дознателей) произвести дознание о том или ином преступлении или чрезвычайном происшествии во вверенной им части.

При производстве дознания командир части давал обязательные для дознавателя указания и решал вопрос о разрешении дела в порядке дисциплинарном, о прекращении дела или о направлении его через военного прокурора для предания суду виновных лиц. Эти права были направлены прежде всего на поднятие авторитета командира, укрепление единоначалия в армии и сосредоточение в его руках необходимой полноты власти.

Указания военного прокурора при производстве дознания были обязательны для командира части. При несогласии командир части мог ставить вопрос перед вышестоящим военным прокурором об отмене данных ему указаний.

Если же командир части или соединения издавал приказ о направлении военнослужащего в штрафную часть, то, поскольку приказ командира являлся административным актом, а не процессуальным, он мог быть опротестован военным прокурором в порядке общего надзора.

Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин в своем приказе № 70 от 1 мая 1944 г., перечисляя источники побед Красной Армии, одним из них назвал высокий моральный дух и наступательный порыв наших бойцов и командиров. Воспитание личного состава армии стойким, дисциплинированным, готовым отдать свою жизнь за Родину, за Сталина — большая, сложная и ответственная задача. Она решается совместными усилиями командования, политических органов армии, военной прокуратуры и военных трибуналов. Непосредственное ведение политико-воспитательной работы, координация деятельности всех органов в этом направлении возложены на политический аппарат (политуправления, политотделы и т. д.).

Поэтому борьба военных трибуналов за высокое политико-моральное состояние войск протекала в тесном взаимодействии с политическими органами армии, под общим их партийно-политическим руководством, но без вмешательства последних в разрешение конкретных уголовных дел. Политические органы армии проводили широкую разъяснительную работу вокруг приговоров военных трибуналов, помогая органам военной юстиции лучше сочетать цели общего и специального предупреждения преступлений.

СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

<i>Глава XII.</i> Основные проблемы советского уголовного права	Стр. 3
<i>Глава XIII.</i> Развитие Особенной части уголовного права . .	57

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Глава XIV.</i> Война и уголовный процесс	156
<i>Глава XV.</i> Военные трибуналы	180

Редактор *М. И. Эйшишкин.*
Техн. редактор *А. Н. Макарова.*

Подписано к печати 20/V 1948 г. Л 92137.
Печ. л. 13 $\frac{1}{2}$. Уч.-изд. л. 11,57.
В печ. л. 35200 зн.
Формат бумаги 84×108 $\frac{1}{32}$. Зак. 3421.

Отпечатано в тип. М-116 и М-113 с матриц 4-й типографии им. Евг. Соколовой треста «Полиграфкнига» ОГИЗа. Ленинград.